

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№2 (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ) 2021

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Киселев М. Ю.** Деятельность Академии наук СССР по охране памятников культуры 3
- Пепеляева С. В.** Религиозное нематериальное культурное наследие как социокультурный феномен и объект государственной охраны 9
- Андреева А. Ю., Халиков И. А.** Проблемы установления и существования защитных зон объектов культурного наследия 16

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Катасонов В. Н.** Крамской И. Н. Религиозная драма художника. Часть III. Портреты 22
- Марков А. В.** Эпиграфика и иконография иллюстраций Б. Зворыкина к «Борису Годунову» Пушкина..... 37
- Сариева Е. А.** Национальный колорит эстрадного бытового рассказа 45

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Краснова И. В.** Пути развития иконописи на Слобожанщине..... 53
- Капнин В. О.** Становление и развитие системы церковно-приходских и земских школ на территории Курской губернии в XIX веке..... 63
- Батшев М. В., Трифонова С. А.** Тихон Иванович Полнер и его корреспонденция из Норвегии..... 67

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Русских Е. Л.** Серебряные монеты XV–XVIII вв. в коллекциях музея-заповедника «ИДНАКАР» 73
- Бондарь В. В., Рысин Ю. В.** Усадебное наследие в культурных ландшафтах Черноморского побережья Кавказа: проблемы изучения, сохранения и перспективы использования..... 81
- Краснова Т. Н.** Актуальные вопросы сохранения археологической керамики 88

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Тандыянова А. Е.** Мультиэффективность музейного туризма в популяризации культурного наследия региона среди молодежи 98
- Иванова Л. Ф.** Историко-культурное наследие Большой Алушты и преодоление фактора сезонного туризма 105

В оформлении обложки использована репродукция картины Н. П. Богданова-Бельского «Концерт на гуслях» ранее 1945, (частная коллекция).

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филос. наук, профессор,

Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский

Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторических наук, кандидат географического наук, руководитель центра социокультурных и туристических программ Института Наследия;

В. В. Паточков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Е. П. Чельшев — Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия, Заслуженный деятель науки РФ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

А. В. Рачинский — д-р истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 930
ББК 79.0
10.34685/НН.2021.33.2.001

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

Киселев Михаил Юрьевич,
кандидат исторических наук,
начальник Отдела учета
и обеспечения сохранности документов,
Архив Российской академии наук,
ул. Новочеремушkinsкая, д. 34, г. Москва,
Россия, 117218,
E-mail: kiss_RAN@mail.ru

Аннотация

В статье представлена информация о хранящемся в Архиве Российской академии наук комплексе документов о деятельности Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР в 1949-1955 гг. Совет внес значительный вклад в объединение усилий ведомств и организаций страны в комплекс работ по учету, охране и реставрации памятников культуры на территории СССР, что было особенно важно в годы восстановления народного хозяйства после разрушительной Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Ключевые слова

Охрана памятников культуры, Академия наук СССР, архив Российской академии наук.

Академия наук всегда являлась носителем и продолжателем культурных и научных традиций. Одной из таких традиций была дея-

тельность по охране и пропаганде памятников истории и культуры. Сегодня необычайно возрос интерес широких кругов общественности

к судьбам отечественного культурного наследия в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому в этом плане изучение различных аспектов многогранной деятельности Академии наук (АН) СССР можно считать актуальным. Деятельность совета практически не изучена, удалось выявить одну публикацию стенограммы пленума совета, датируемую 25 мая 1949 г. [4]. В работе не рассматривалась деятельность Академии наук по изучению и охране памятников культуры, в которых размещались академические учреждения и организации, хранящиеся в них памятники, объекты и территории, переданные в ее управление органами исполнительной власти.

Совет Министров СССР 14 октября 1948 г. принял постановление № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», в соответствии с которым был создан Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР. 24 февраля 1949 г. Президиум АН СССР утвердил «Положение о Научно-методическом совете по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР» [1, л. 3-5]. Председателем совета был избран академик И.Э. Грабарь.

В соответствии с положением совет должен был решать следующие задачи: обеспечение всемерного улучшения научно-методической работы по учету, охране и реставрации памятников культуры на территории СССР (памятников архитектуры, искусства, археологии, исторических памятников и мест находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и прочих); проведение согласованных действий в проведении мероприятий по охране памятников культуры, осуществляемых Комитетом по делам искусств и Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР, комитетами по делам культурно-просветительских учреждений при советах министров союзных республик; содействие внедрению в методику реставрации памятников культуры новейших открытий науки и техники, способствующих достижению более совершенных результатов в области консервации и реставрации памятников.

Для осуществления указанных задач совет должен был готовить заключения:

по проектам инструкций по учету, описанию, ремонту, реставрации и надлежащему содержанию памятников культуры, разработанным соответствующими органами охраны;

по предложениям органов охраны об отнесении отдельных памятников культуры комплексного характера к той или иной категории памятников, указанных в «Положении об охране памятников культуры»;

по спискам исторических и археологических памятников, имеющих общесоюзное значение и представляемых советами министров союзных республик на утверждение Совета Министров СССР;

по предложениям соответствующих органов по охране памятников о пополнении утвержденных Советом министров СССР списков памятников культуры общесоюзного значения вновь выявленными памятниками и об исключении из этих списков памятников, которые не могут быть сохранены;

по предложениям соответствующих органов охраны памятников культуры об организации заповедников, на территории которых расположены памятники комплексного характера, выдающегося художественного, и исторического или другого научного значения, по проектам организации заповедников и положениям о них, а также об изменении границ территорий заповедников и ансамблей памятников, расположенных на их территории;

по предложениям органов охраны об изъятии памятников культуры, переданных по решениям Совета Министров СССР. Из ведения тех ведомств, учреждений и организаций, которые используют эти памятники не в соответствии с их характером и назначением или не обеспечивают поддержание их в надлежащем состоянии и тем самым создают угрозу их порчи или разрушения;

по проектам реставрации памятников культуры, в которых предусматривалось применение новых методов или новых материалов, еще не вошедших в практику реставрационных работ.

Кроме этого, совет должен был разрабатывать научную методологию в области охраны, консервации и реставрации памятников культуры как по отдельным объектам, так и в общем состоянии проблемы, а также составлять картотеку памятников культуры, находящихся на территории Советского Союза. При этом совет имел право: получать от органов охраны годовые отчеты о результатах их деятельности в области учета, охраны и реставрации памятников культуры и их научного изучения; получать от научных учреждений Академии наук СССР отчеты о работе по изучению памятников культуры общесоюзного значения. В случаях необходимости совет имел право привлекать

отдельные научно-исследовательские учреждения АН СССР или их отдельных работников для участия в изучении выдающихся памятников культуры, вносить соответствующие предложения совместно с органами охраны в Президиум АН СССР.

Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны имела опыт по учету памятников культуры на территории страны, которые отражены в «Реестре актов по учету ущерба Академии наук, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в гг. Москве, Ленинграде, Новочеркасске и Тарусе» [2, л. 1-7].

23 июля 1954 г. председатель Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР академик И.Э. Грабарь обратился с письмом к вице-президенту АН СССР К.В. Островитянову [3, л. 7-11], в котором отмечалось, что в состав совета были включены ученые, имевшие в своей непосредственной работе дело с теми или иными памятниками культуры (археологи, этнографы, историки архитектуры, историки искусства, художники-реставраторы и другие). Их работа по заданию совета была добровольной и не оплачивалась. При определении первого состава совета не учитывалась загруженность отдельных крупных специалистов. В результате, констатировал ученый, в составе совета наряду с активными лицами оказалась целая группа пассивных членов, что затрудняло решение важнейших вопросов в области укрепления и реставрации памятников культуры, включения и исключения из списков памятников и т.д.

Кроме этого, значительно изменился характер самой работы: начиная с 1951 г. правительство РСФСР приняло решение развернуть широкие работы восстановительного характера в городах Псков, Новгород, Тула, Смоленск, Горький и других. Одновременно значительно увеличился объем работ по реставрации отдельных важнейших памятников Московской, Ярославской, Костромской, Молотовской [Пермской] и других областей. Возникли сложные проблемы об укреплении или научном изучении памятников, попавших в зоны затопления. Необходимые консультации и обследования по вопросам охраны и укрепления памятников переместились из центра на периферию. Совет из-за весьма малого аппарата (4 человека) и из-за пассивности или занятости авторитетных специалистов, не в состоянии был удовлетворить всех потребностей в консультациях и экспертизе

органов охраны и учреждений, занимающихся памятниками культуры.

В то же время, утверждал И.Э. Грабарь, даже увеличение штатов совета не разрешит полностью всех трудностей в работе совета, поэтому молодежи, работающей вне совета в области охраны памятников культуры, необходимо оказать помощь в этом интересном и сложном деле. Поэтому совет просил разрешения организовать при себе специальную секцию содействия его научно-методической работе, дав ему право привлекать наиболее талантливую молодежь, практически с успехом работающую в области реставрации архитектурных, живописных и исторических памятников.

В результате был утвержден новый состав Научно-методического совета: председатель – академик И.Э. Грабарь; зам. председателя – доктор исторических наук А.П. Смирнов; ученый секретарь – доктор искусствоведения В.И. Смирнов; зам. ученого секретаря – С.П. Григоров.

Членами совета были избраны: член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов; член-корреспондент АН СССР В.Н. Лазарев; член-корреспондент Академии архитектуры М.И. Рязнин; член-корреспондент Академии архитектуры Д.П. Сухов; член-корреспондент Академии архитектуры – начальник Государственной инспекции по охране памятников и истории Министерства культуры СССР Б.П. Михайлов; заслуженный деятель искусств РСФСР П.Д. Корин; доктор исторических наук Н.Н. Воронин; доктор искусствоведения Н.М. Бачинский; доктор исторических наук М.М. Кобылина; профессор Н.П. Сычев; кандидат исторических наук А.Л. Монгайт; кандидат архитектуры К.Н. Афанасьев; кандидат искусствоведения В.В. Косточкин; кандидат искусствоведения К.К. Лагутин; начальник Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР; научный сотрудник Государственной художественно-реставрационной мастерской Министерства культуры СССР Н.Н. Померанцев; архитектор-реставратор П.Д. Барановский; архитектор-реставратор Л.А. Давид; архитектор-реставратор Г.Т. Крутиков; инженер-конструктор Н.П. Зворыкин; художник-реставратор В.В. Кириков; начальник Отдела охраны памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР А.В. Серегин; начальник Инспекции по охране памятников культуры

г. Ленинграда Н.Н. Белехов; представитель Института истории естествознания и техники АН СССР; представитель Министерства культуры РСФСР; представитель Секции охраны памятников архитектуры Союза советских архитекторов.

Кроме этого, в штат совета были включены: младший научный сотрудник – эксперт по общим вопросам охраны памятников культуры и реставрации живописи С.П. Григоров; младший научный сотрудник по организации фототеки и картотеки С.А. Зомбе; старший научный сотрудник – эксперт по охране и реставрации памятников монументальной живописи; старший научный сотрудник – эксперт по историческим и мемориальным памятникам; младший научный сотрудник – эксперт по охране памятников XVIII в. и первой половины XIX в.; младший научный сотрудник – инженер-конструктор по вопросам укрепления аварийных памятников архитектуры; младший научный сотрудник – эксперт по охране памятников архитектуры XI-XV вв.

В положение о Научно-методическом совете был включен пункт, позволяющий организовать секцию содействия охране памятников культуры, состав которой утверждался советом из числа наиболее активных практических работников по изучению и охране памятников культуры.

В документах Архива РАН сохранился доклад о деятельности совета в 1949-1955 гг. [1, л. 6-12], в котором указывалось, что были подробно рассмотрены проекты списков исторических, археологических и мемориальных памятников, составленных бывшим Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений РСФСР. Однако согласованный список памятников истории и археологии не был утвержден Советом Министров РСФСР, что мешало ввести его в практику инспекторского надзора. Основная деятельность совета заключалась в экспертизе проектов укрепления памятников, находившихся в аварийном состоянии, проектов капитального ремонта и реставрации отдельных памятников, а также проектов размещения в них оборудования для вентиляции воздуха и отопления.

Среди наиболее сложных и значительных работ в докладе указывались:

1. Проект укрепления Дмитровского собора во Владимире конца XII в. и проект покрытия его по законам;
2. Проект реставрации Архиерейских палат в Суздале XVI-XVII вв.;

3. Проект реставрации и укрепления церкви Спаса Преображения XIV в. в Новгороде;

4. Проект реставрации стен и башен Новгородского Детинца;

5. Эскизный проект реставрации Псковского кремля XII-XVII вв.;

6. Проект отдельных башен и прясел стен Горьковского кремля XIV-XVII вв.;

7. Проект реставрации церкви Зачатия Анны в Углу, в Зарядье Москвы XV-XVII вв.;

8. Проект реставрации Астраханского кремля XVII-XVIII вв.;

9. Ряд проектов восстановительных работ Ростовского кремля в Ярославской области для ликвидации разрушений, нанесенных ему смерчем осенью 1953 г.;

10. Проект отопления в Успенском соборе во Владимире на Клязьме XII в.;

11. Проект отопления в Софийском соборе в Киеве;

12. План восстановительных работ памятников архитектуры бывшего Ново-Иерусалимского монастыря;

13. Ряд проектов реставрации отдельных объектов Саввино-Сторожевского Звенигородского монастыря (дворца Алексея Михайловича, царичьих палат, проездных ворот и других);

14. Проект реставрации церкви Нигулисте в г. Таллинне, сильно поврежденной в период Великой Отечественной войны, и отдельных памятников меньшего значения;

15. Проект реставрации Пятницкой церкви XII в. в Чернигове;

16. Проект реставрации Борисоглебского собора XII в. в Чернигове;

17. Разработка методики консервации и восстановления руин архитектурных памятников на опыте изучения Ликитского храма VI-VII вв. (Азербайджанская ССР) и других памятников Кавказа.

Научно-методический совет проявлял свою инициативу в деле охраны и реставрации памятников древнего живописного искусства. В центре его внимания были: реставрация интерьера Софийского собора XI в. в Киеве, укрепление фресок Андрея Рублева в Успенском соборе XII в. во Владимире на Клязьме, реставрация стенописи Благовещенского собора начала XVI в. и Архангельского собора XVII в. в Московском Кремле, расчистка и реставрация росписи Троицкого собора в бывшей Троице-Сергиевой лавре первой половины XVII в. с остатками фресок XV в., рас-

чистка фресок Снетогорского монастыря XV в. Псковской области. Большое историко-художественное и историко-архитектурное значение имели работы по реставрации настенной росписи Троицкого собора в Загорске, произведенной под постоянным наблюдением и контролем совета.

В докладе отмечалось, что совет принимал действительное участие в деле учета, научном изучении и сохранении памятников архитектуры, находившихся в зонах создания Горьковского, Молотовского и Куйбышевского водохранилищ. В результате проделанной работы были собраны коллекции по декоративному оформлению народного жилища, а также монументальной живописи XVII в. и начала XVIII в., находившихся в памятниках архитектуры, подлежащих разбору.

В то же время И.Э. Грабарь констатировал, что те постановления Научно-методического совета, которые имели целью организовать комплексные работы по изучению памятников культуры «внеести строгую плановость в порядок производства самих работ и глубокую принципиальность в их целеустремленности, систематически не выполнялись теми тремя ведомствами [Комитетом по делам искусств, Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР и комитетами по делам культурно-просветительных учреждений советов министров союзных республик], на которые была возложена охрана нашего культурного наследия» [1, л. 12].

По мнению ученого, органы охраны архитектурных памятников недооценивали важность предварительных археологических раскопок до начала производства работ по реставрации или до разработки проектов благоустройства территорий вокруг памятников и, в особенности, земельных участков вокруг целых архитектурных комплексов. В качестве примера И. Э. Грабарь приводил организацию восстановительных и строительных работ на территории Псковского кремля, в древнейших кварталах и площадях окольного города, а также при проведении работ по благоустройству на территории бывшего Саввино-Сторожевского монастыря. Вынужденная приостановка работ в связи с неожиданным обнаружением археологических объектов приводила к непроизводительным излишним затратам государственных средств, а в отдельных случаях, и к гибели археологических памятников.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучше-

нии дела охраны памятников культуры в РСФСР» комплекс работ по охране, изучению, реставрации памятников культуры был возложен на советы министров автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы, горисполкомы, райисполкомы и сельские советы депутатов трудящихся с контрольными функциями Министерства культуры РСФСР. В результате деятельность Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР была прекращена.

В заключение отметим исключительный вклад Академии наук СССР и Научно-методического совета по охране памятников культуры при ее президиуме в объединение усилий ведомств и организаций страны в комплекс работ по учету, охране и реставрации памятников культуры на территории СССР. Особенно важной эта работа была в годы восстановления народного хозяйства после разрушительной Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. При этом работа совета была направлена и на научное изучение памятников культуры, разработку методик консервации и реставрации памятников, которые стали основой для дальнейшей работы по охране памятников территориальными органами исполнительной власти. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории охраны памятников культуры в России и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 457. Оп. 1(1945-1956). Д. 486.
2. АРАН. Ф. 552. Оп. 1. Д. 9.
3. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945-1956). Д. 378.
4. Стенограмма Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР // Архив наследия 1999. М.: Институт наследия, 2000. С. 9-71.

ACTIVITIES OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR ON THE PROTECTION OF MONUMENTS OF CULTURE

Kiselev Mikhail Yurevich,

Candidate of Historical Sciences,

Head of the Department of Accounting and Preservation of Documents

of the Archive of the Russian Academy of Sciences,

st. Novocheremushkinskaya, 34, Moscow, Russia, 117218,

E-mail: kiss_ran@mail.ru

Abstract

The article provides information on the set of documents stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences on the activities of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments under the Presidium of the USSR Academy of Sciences in 1949-1955. The Council made a significant contribution to uniting the efforts of departments and organizations of the country in the complex of work on the registration, protection and restoration of cultural monuments on the territory of the USSR, which was especially important during the years of the restoration of the national economy after the devastating Great Patriotic War of 1941-1945.

Keywords

History, protection, cultural monuments, USSR Academy of Sciences, Archive, Russian Academy of Sciences.

RAR
УДК 008
ББК 79.0
10.34685/НН.2021.33.2.002

РЕЛИГИОЗНОЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

Пепеляева Софья Валерьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии
Нижегородского государственного
архитектурно-строительного университета,
ул. Ильинская, д. 65, Н. Новгород, 603950;
доцент кафедры ОиПД
Филиала СамГУПС в Нижнем Новгороде,
пл. Комсомольская, д. 3, Н. Новгород, 603011.
E-mail: sofia87@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается понятие «нематериальное культурное наследие» с нормативно-правовой точки зрения, обозначается история его закрепления в международной и отечественной культурной политике. Дается характеристика такого феномена социокультурного пространства, как «религиозное нематериальное культурное наследие», а также предлагаются рекомендации, направленные на усиление эффективности функционирования системы охраны нематериального культурного наследия Российской Федерации.

Ключевые слова

Культурное наследие, религиозное нематериальное культурное наследие, культурная политика, охрана культурного наследия, православная религиозная культура, Русская Православная Церковь.

Культурное наследие сегодня является одним из важнейших факторов общественного развития. В той или иной мере оно проявляет себя в каждом элементе жизни современного человека, в результате чего фактическая совокупность достижений прошлого сегодня оценивается как укорененный в истории ресурс, который позволяет создавать новые ценности. Новая роль культурного наследия привела к возникновению новых подходов в определении ее состава, благодаря чему не только памятники материальной культуры, но и нематериальная часть наследия получила нор-

мативное закрепление и политическую поддержку ООН и ряда государств. Актуализация культурного наследия стала одним из ведущих факторов во внутренней политике и нашей страны, поэтому изучение правового режима культурного наследия в Российской Федерации, в особенности в ее нематериальной составляющей, является важным направлением для исследования.

В правовом поле понятие «нематериальное культурное наследие» было оформлено в 2003 году. На Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране нематери-

ального культурного наследия, с момента появления которой началось формирование концепции. В соответствии с этим документом нематериальное культурное наследие определяется как «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»¹.

Такое наследие передается из поколения в поколение, воссоздается сообществами, которыми и формируется в процессе их взаимодействия с природой в процессе истории. В Конвенции также говорится о важной особенности нематериального наследия, которое в членах культурного сообщества формирует чувство самобытности и преемственности.

В России нормирование культурной сферы шло с некоторым опозданием, по сравнению с зарубежной практикой. В 2008 году приказом Министерства культуры была утверждена Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2015 годы и программа мероприятий по её реализации. В Концепции были повторены определения Конвенции 2003 года с одной особенностью. В документе говорится о создании каталога объектов нематериального культурного наследия народов России, которое положило начало деятельности по их определению и сохранению. Каталог включает в себя устное народное творчество, исполнительские искусства, празднично-обрядовую культуру, игровую культуру, а также техники и технологии.

В соответствии с указанным документом под нематериальным культурным наследием понимаются «устные традиции и формы выражения, включая язык <...>; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами»².

В рамках настоящего исследования интерес представляет третья группа объектов: обычаи,

обряды, празднества. Являющиеся во многом элементами традиционной народной культуры, они тем не менее одновременно вобрали в себя и христианское начало. Яркими примерами такого синтеза являются Масленичная неделя и Радоница. Основывающиеся на восточнославянских обрядовых практиках, эти даты вошли в православный календарь и почитаются Церковью наряду с такими праздниками, как Рождество, Крещение, Пасха и пр. Кроме того, русская культура знает примеры хронологического единения языческих празднеств и христианских, например: Красная горка, по времени празднования совпадающая с Фоминым воскресеньем в православной традиции, Купальская ночь, симметричная христианскому празднику Рождества Иоанна Предтечи. Таким образом, можно говорить о том, что пришедшее на Русь в 988 году православие стало не просто элементом русской культуры, но ее ядром, объединившим как этнических русских, так и представителей других национальностей³.

Если внутренняя сторона русской религиозной культуры, связанная с каноническим строем, служением и духовной жизнью, осталась неизменной, то внешняя, празднично-обрядовая, отражает как христианский, так и языческий компоненты (катание яиц на Красную горку, сжигание чучела на Масленицу, пение колядок на Рождество). Поэтому можно говорить об уникальности феномена Русского Православия, формирующего важнейший элемент нематериального культурного наследия России как целостного явления – религиозное нематериальное культурное наследие.

Сохранение этого особого с культурологической точки зрения наследия в России является

1 Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 года.

2 Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2015 годы

3 В Атласе религий и национальностей России приводятся следующие данные относительно исповедания православия среди жителей инонациональных регионов РФ: Республика Адыгея – 35,4%, Карачаево-Черкесская республика – 13,6%, Кабардино-Балкарская республика – 15,6%, Республика Северная Осетия – Алания – 49,2%, Республика Дагестан – 2,4%, Республика Калмыкия – 18%, Республика Татарстан – 30,5%, Республика Марий-Эл – 47,8%, Чувашская республика – 54,7%, Республика Мордовия – 68,6%, Удмуртская республика – 33,1%, Республика Башкортостан – 25,5%, Республика Коми – 30,2%, Ханты-Мансийский автономный округ – 38,1%, Ямало-Ненецкий автономный округ – 42,2%, Республика Хакасия – 31,6%, Республика Бурятия – 27,4%, Республика Саха – 37,8%, Еврейская автономная область – 22,6%. Источник: <https://sreda.org/arena>

относительно новой сферой государственных интересов. Стоит отметить, что в Федеральном законе Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (25.06.2002 № 73-ФЗ) понятия нематериального культурного наследия, а тем более религиозного, нет. Только в 2008 году в Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2015 годы это понятие нормативно закрепляется и в 2014 году дублируется в Основах государственной культурной политики. Однако ни в одном из указанных нормативных документов религиозный аспект нематериального культурного наследия явно не подчеркивается, что является, на наш взгляд, одной из значимых проблем, требующих внесения корректив как в понятийный аппарат, так и практику обеспечения охраны культурного наследия.

Подобная ситуация вскрывает ряд проблем в российском культурно-религиозном пространстве. Первая связана с нестабильным правовым статусом религиозного наследия Русской Православной Церкви. В советское время религиозное культурное наследие оценивалось с позиций исторической и художественной значимости. Как пишет Л. Порватова, «памятники православной религиозной культуры не выделялись в особую группу объектов историко-культурного наследия. Правовая база отличалась декларативностью, ведомственной разобщенностью и отсутствием координации в нормотворческой практике уполномоченных министерств и ведомств. Правоприменительная деятельность субъектов охраны отличалась антирелигиозной направленностью, что в целом негативно отразилось на сохранности значительной части памятников»⁴.

В соответствии с законом об охране и использовании памятников истории и культуры 1976 года памятники религиозного культурного наследия защищались, реставрировались государством, их культурная значимость изучалась и популяризировалась, но лишь с точки зрения истории и культуры. Кроме того, в охране культурных ценностей применялся материальный подход,

который, по словам Т. Мироновой, как «избирательный подход к наследию»⁵, лишает культурное наследие справедливой оценки и заслуженного места в системе общественных отношений. В такой парадигме государственной охраны не оставалось места для нематериального религиозного наследия.

Нематериальное религиозное культурное наследие входит в сферу государственных интересов с середины 90-х годов XX века в связи с распространением новых идеологий экстремистского толка. Появление религиозного экстремизма на территории Российской Федерации с начала 1990-х годов заставило государство иначе взглянуть на содержание вероучений религиозных организаций. В Стратегии государственной культурной политики к числу угроз национальной безопасности были отнесены: «рост агрессии и нетерпимости», «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации», «пропаганда религиозной нетерпимости», а также «осуществления экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной деятельности»⁶.

Государство вынуждено было признать, что когда-то игнорируемая религиозная сфера внезапно оказалась важной, а вопрос религиозной принадлежности стал наиболее значимым для определения содержания государственной религиозно-культурной политики. Выяснилось, что «проблема религиозной идентификации общественным образом влияет на религиозную и культурную безопасность общества и государства»⁷. По мнению М. Липчанской, в таких условиях ценность традиционных религий как раз и состоит в «сохранении религиозной

4 Порватова Л. В. Организационно-правовые основы взаимодействия государства и Русской Православной Церкви по сохранению памятников православной религиозной культуры (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2011. С. 11-12.

5 Миронова Т. Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: дисс. ... канд. филос. наук. С. 101.

6 Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»

7 Мастеница Е. Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 180. СПб, 2008. С. 258.

идентичности»⁸, которая является наиболее эффективным средством в противостоянии религиозному прозелитизму маргинальных организаций экстремистского толка. Соответственно наличие преступлений, совершаемых на религиозной основе, в качестве центрального аспекта государственной политики в области культурной безопасности ставит проблему религиозной мотивации.

Вопрос традиционной религиозной идентичности, ее государственной поддержки не получил полноценного разрешения. Государством был принят ряд нормативно-правовых актов, направленный на стабилизацию ситуации в целом. Из них к защите религиозного культурного наследия прямое отношение имеют Закон о свободе совести и религиозных объединениях и Закон о защите религиозных чувств граждан. В Законе о свободе совести в преамбуле признается «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», а также высказывается уважение традиционным религиям⁹. В Законе о защите религиозных чувств граждан установлены уголовные наказания за публичное проявление неуважения к религиозным верованиям, а также за прозелитизм и нетерпимость в религиозной сфере и за публичное осквернение или порчу предметов религиозного назначения¹⁰.

Признание в преамбуле закона об «особой роли православия» не предполагает обязательного признания особого статуса православного культурного наследия, которое в результате получает лишь часть необходимой поддержки, в особенности в нематериальной составляющей. Логичным следует признать в этой связи возможность принятия новых законодательных норм, которые

бы закрепили особый статус религиозного культурного наследия Русской Православной Церкви. Обозначенная в Законе о свободе совести «особая роль» Русского Православия логично предполагает и принятие действенных мер по сохранению его культурного наследия. Особая историческая и культурная значимость «православной религиозной культуры» нуждается не в декларативном объявлении в контексте преамбулы, а в нормативном закреплении в специальную категорию памятников культуры с выделением православных традиций и обычаев.

Вторая проблема связана с несогласованностью действий государственных ведомств, осуществляющих контроль над исполнением обязательств по сохранению культурного наследия и организаций, к деятельности которых относятся пользование объектами религиозного культурного наследия. После распада Советского Союза с 1991 года религиозные организации были наделены правосубъектностью, вслед за чем начался длительный процесс возвращения в их собственность имущества религиозного назначения. Возвращение в собственность религиозных организаций памятников истории и культуры на тот момент сыграло положительную роль. До 2002 года, когда был принят Закон об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, государство устранилось от исполнения обязательств по сохранению культурного наследия, на эту сферу вообще не выделялись денежные средства. В этой связи передача ряда объектов культурного наследия способствовала исполнению функций охраны и популяризации наследия уже религиозными и общественными организациями. С одной стороны, это помогло обеспечить существование и безопасность памятников культуры, с другой – отсутствие в религиозной среде надлежащего количества специалистов в области реставрации привело к тому, что значительная часть уникальных памятников оказалась под угрозой утраты в связи с ненадлежащим обращением.

С 2002 года российская система сохранения культурного наследия вступила в новую фазу своего развития. Она была перестроена по европейскому образцу в деле организации культурной политики, к этому подталкивала и сама ситуация, когда значительная часть памятников оказалась в руках негосударственных организаций. Реформа заключалась в попытке передать часть функ-

8 Липчанская М.А. Конституционно-правовые основы государственной культурной политики как элемент стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2016. С. 78.

9 Федеральный закон Российской Федерации № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997.

10 Федеральный закон Российской Федерации № 146-ФЗ «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» от 29.06.2013.

ций по защите культурного наследия в частные руки. Значительная часть нематериального культурного наследия РПЦ в числе христианских народных обычаев (Масленичные гуляния, Крещенские купели), связанных с ними фольклорных элементов оказались открытыми для использования в публичном пространстве. Полная доступность и открытость священных образов Церкви в общем потоке информации заняли среди прочих самое обыденное место. В результате возникла реакция верующих, опасавшихся публичного кощунства, доминантой которой стало внесение изменений в действующее законодательство. С десакрализацией церковных обычаев связывается и процесс нивелирования традиционной нравственности, во многом опиравшейся на традиции церковной жизни. Потеря нравственных ориентиров в Стратегии государственной культурной политики называется в числе современных вызовов, на которые требуется дать надлежащий ответ. Сложность решения этой проблемы состоит в том, что практика сохранения культурного наследия в России не отличается систематическим характером. Как нематериальные элементы наследия, так и охраняемые территории федерального значения до сих пор находятся одновременно под патронажем различных ведомств. И если нормативно полномочия их разграничены, то возможность координации законодательством не была предусмотрена, что усложняет исполнение ведомствами функций охраны культурного наследия в случае пересечения в конкретном случае их компетенций.

Отсутствие системного подхода в деле сохранения культурного наследия лишает деятельность субъектов культурной политики эффективности, выявляет отсутствие цельной инфраструктуры для реализации стратегии в сфере культуры. В связи с этим следует признать целесообразным проведение реорганизации работы ведомств, в число обязанностей которых входит сохранение культурного наследия. Реорганизация должна быть направлена, прежде всего, на обеспечение координации работы государственных служб. Так, хорошим решением могла бы стать организация межведомственного координационного центра, осуществляющего как непосредственное руководство, так и контроль над деятельностью ведомств, исполняющих функции охраны наследия.

Третья проблема, которая также требует разрешения, связана с неконструктивным характером использования организациями объек-

тов культурного наследия. Передача памятников культуры зачастую приводила к непоправимым утратам, связанных с неготовностью организаций-пользователей обеспечить их сохранность. Л. Порватова пишет: «В 1990-е гг. при передаче РПЦ памятников православной религиозной культуры учитывались преимущественно интересы церкви, зачастую в ущерб сохранности самих памятников. Так, по данным Госкомимущества России за период с 1994 по 1995 гг. в ведение РПЦ было передано 620 объектов культового назначения, хотя планировалось передать лишь 340»¹¹.

Подобная ситуация происходила и с объектами нематериального культурного наследия Русской Церкви. Образы православной духовности стали использоваться утилитарно, например, в рекламных или же противозаконных целях, связанных с уничтожением их духовной и исторической значимости. В рамках переосмысления истории России под ударом либеральной критики оказались элементы нематериального религиозного культурного наследия: как народные обычаи, подвергшиеся десакрализации, так и центральные историософские концепты (идея Святой Руси, симфонии властей, русского мессианства). Поэтому отстаивание самоценности русской культуры включает в себя сохранение нематериального религиозного наследия, в рамках которого государство должно озаботиться созданием надежных механизмов контроля над деятельностью организаций, могущей нанести ущерб объектам культурного наследия. Особое внимание здесь следует уделить проблеме отсутствия необходимой нормативной базы, позволяющей не только определить порядок пользования религиозным культурным наследием, но и определяющей меру ответственности религиозных и частных организаций, которые осуществляют пользование объектами наследия.

Рассмотрев и охарактеризовав природу религиозного культурного наследия России, существующие стратегии его сохранения, можно утверждать, что есть определенная необходимость выдвижения ряда рекомендаций для усиления эффективности функционирования системы

11 Порватова Л.В. Организационно-правовые основы взаимодействия государства и Русской Православной Церкви по сохранению памятников православной религиозной культуры (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2011. С. 22.

охраны культурного наследия. Целесообразным следует признать:

Нормативное выделение наследия «православной религиозной культуры» в специальную категорию памятников культуры ввиду их особой исторической и культурной значимости.

Организацию межведомственного центра для координации деятельности государственных служб, а также поддержку существующих межведомственных организаций, осуществляющих контроль за исполнением общественными организациями обязательств по охране культурного наследия.

Популяризацию нематериальной части наследия «православной религиозной культуры» в рамках сотрудничества государственных, общественных, религиозных и иных заинтересованных организаций.

Нормативное закрепление юридической ответственности организаций, в чьем пользовании находятся объекты религиозного культурного наследия.

Таким образом, можно говорить о том, что морально-аксиологический аспект является ведущим в деле сохранения нематериальной культуры. От состояния ментальности и, как следствие, поведенческой традиции, зависит в целом стабильность и характер общественных отношений, благодаря чему ее основы защищаются как государством, так и традиционными религиями и даже общественными объединениями. В связи с этим российской системе охраны культурного наследия необходимо сформировать ряд приоритетных направлений, ориентированных на поддержание и популяризацию нематериального религиозно-культурного наследия.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации № 146-ФЗ «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» от 29.06.2013. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148270/ (дата обращения: 04.03.2021).

2. Федеральный закон Российской Федерации № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 04.03.2021).

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Страте-

гии государственной культурной политики на период до 2030 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ (дата обращения: 03.03.2021).

4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17.12.2008 № 267 «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2015 годы». https://culture.gov.ru/documents/ob_utverzhdenii_kontseptsii_sokhra354038/ (дата обращения: 17.03.2021).

5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 10.03.2021).

6. Липчанская М.А. Конституционно-правовые основы государственной культурной политики как элемент стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2016. С. 74-80.

7. Мастеница Е.Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 180. СПб, 2008. С. 252-262.

8. Миронова Т.Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. М., 2000. 168 с.

9. Порватова Л.В. Организационно-правовые основы взаимодействия государства и Русской Православной Церкви по сохранению памятников православной религиозной культуры (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2011. 27 с.

RELIGIOUS INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON AND OBJECT OF STATE PROTECTION

Pepelyaeva Sofya Valerevna,

PhD in Philology,

Associate Professor of Cultural Studies at

Nizhny Novgorod State University

of Architecture and Civil Engineering,

Russia, Nizhny Novgorod, 603950, Il'inskaya St., 65;

Associate Professor of General and vocational Courses at

Samara State Transport University,

Russia, Nizhny Novgorod, 603011, Komsomol'skaia Pl. 3.

E-mail: sofia87@mail.ru

Abstract

The article defines the term "intangible cultural heritage" from the legal point of view, discusses the stages of its consolidation in the international and Russian cultural policy. The author characterizes such phenomenon of socio-cultural space as "religious intangible cultural heritage" and offers a number of recommendations, which are aimed at improving the efficiency of the system of intangible cultural heritage protection in the Russian Federation.

Keywords

Cultural heritage, religious intangible cultural heritage, cultural policy, protection of cultural heritage, Orthodox religious culture, Russian Orthodox Church.

RAR
УДК 069
ББК 79
10.34685/НП.2021.33.2.003

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗАЩИТНЫХ ЗОН ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Андреева Александра Юрьевна,
член Всероссийского общества охраны памятников истории
и культуры, Москва, архитектор-реставратор.
E-mail: goland5@yandex.ru

Халиков Искандер Альфредович,
Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ,
кафедра прокурорского надзора за исполнением законов
в оперативно-разыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве,
старший преподаватель,
кандидат юридических наук.
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 41.
E-mail: iskanderh@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ условий создания защитных зон вокруг объектов культурного наследия. По мнению авторов, подобные охранные меры должны стать формой противодействия незаконному освоению территорий, неразрывно связанных с памятниками, принятыми на государственную охрану. Разрабатывая их, законодатель стремился создать механизм оперативной защиты ценных в историко-культурном плане земельных участков с находящимися на них архитектурными сооружениями, вводимый в действие сразу после включения объекта в государственный реестр. Однако практическое применение положений ст. 34.1 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» вызвало затруднения. Так, создание защитных зон в городах с плотной исторической застройкой, связано с необходимостью проведения государственной историко-культурной экспертизы с целью установления территориальных границ. Как следствие, происходит затягивание сроков создания защитных зон памятников истории и культуры.

Кроме этого, в статье обращено внимание на то, что сохранение объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, находящихся в границах защитных зон памятников истории и культуры, осложнено общим запретом на хозяйственную и строительную деятельность. Авторами даны рекомендации по изменению условий организации и ведения реставрационных работ на территории защитных зон..

Ключевые слова

Объект культурного наследия, памятник истории и культуры, защитные зоны, зоны охраны, выявленные объекты культурного наследия.

Защитные зоны объектов культурного наследия, предусмотренные ст. 34.1 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ), являются временными охранными мерами, которые действуют до разработки и принятия зон охраны памятников истории и культуры. Они были призваны обезопасить ценные историко-культурные территории от бесконтрольного хозяйственного освоения.

М.П. Берлизов, обращаясь к процессу формирования зон охраны объектов культурного наследия, отметил, что длительное время, в связи с отсутствием точных критериев для разработки и утверждения соответствующих проектов для памятников истории и культуры они не устанавливались¹. Значительное количество объектов культурного наследия, не имея разработанных на основании положений Федерального закона № 73-ФЗ охранных ограничений, были слабо защищены от негативного влияния хозяйственной экспансии, а также активной градостроительной, градообразующей деятельности². Требовались новые средства защиты, способные обезопасить памятники истории и культуры от освоения неразрывно связанных с ними территорий. Ими стали защитные зоны. Однако реализация охранных мер, предусмотренных ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ, затруднена рядом обстоятельств, на которых мы остановимся в ходе нашего исследования.

Бесспорно, защитные зоны – это способ преодоления стагнации процесса установления зон охраны объектов культурного наследия. Подобные градостроительные ограничения были призваны

создать барьер для незаконного освоения прилегающих к памятникам ценных историко-культурных территорий. На это было указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 682357-6 «О внесении изменений в Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», а также Градостроительный кодекс Российской Федерации»³. В документе, обосновавшем необходимость внесения изменений, было отмечено, что по состоянию на 2015 г. зонами охраны обеспечено только 14,58 % памятников истории и культуры из общего числа объектов, включенных в государственный реестр. А зон охраны, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к информации, подлежащей внесению в государственный кадастр недвижимости в целях регистрации обременения использования земельных участков в границах зон охраны, оказалось не более 5 %. По мнению разработчиков законопроекта, появление защитных зон было аргументировано необходимостью создания упрощенного механизма включения в государственный кадастр недвижимости сведений о ценных историко-культурных территориях, окружающих объекты культурного наследия, а также необходимостью реализации на них охранных мер.

Отличие зоны охраны от защитной зоны заключается в том, что режим последней начинает действовать автоматически после включения объекта культурного наследия в государственный реестр и при отсутствии препятствий в установлении ее территориальных границ. Вместе с тем, реализация приведенного положения на практике вызывает затруднения.

В соответствии с п. 3, 4 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ границы защитной зоны объекта культурного наследия устанавливаются:

1) для памятника, расположенного в границах населенного пункта, на расстоянии 100 метров от внешних границ территории памятника,

1 Порядок разработки и утверждения зон охраны по мнению М.П. Берлизова, впервые утвержден на основании Постановления Правительства РФ от 26 апреля 2008 г. № 315 Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

2 Берлизов М.П. К вопросу о зонах охраны объектов археологического наследия народов Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 520–524.

3 Пояснительная записка к законопроекту № 682357-6: Система обеспечения законодательной деятельности // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/682357-6>. (дата обращения: 15 марта 2021 г.).

для памятника, расположенного вне границ населенного пункта, на расстоянии 200 метров от внешних границ территории памятника;

2) для ансамбля, расположенного в границах населенного пункта, на расстоянии 150 метров от внешних границ территории ансамбля, для ансамбля, расположенного вне границ населенного пункта, на расстоянии 250 метров от внешних границ территории ансамбля.

Региональный орган охраны объектов культурного наследия на основании результатов государственной историко-культурной экспертизы (далее – ГИКЭ), с учетом историко-градостроительного и ландшафтного окружения памятника, наделен правом принятия решения об изменении границ защитных зон, установленных п. 3, 4 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ. Связано это с тем, что в исторически сложившихся населенных пунктах с плотной архитектурной застройкой невозможно установление границы защитной зоны для памятника, на расстоянии (в радиусе) ровно 100 метров от внешних границ его территории. Как правило они проходят по объектам капитального строительства. Схожие проблемы возникают и при установлении защитных зон для ансамблей. Применение положений п. 3, 4 ст. 34.1 Закона практически невозможно для объектов государственной охраны, окруженных плотной застройкой, поскольку это соединено с необходимостью учета объемно-пространственных характеристик архитектурных объектов, расположенных в границах их территорий. Пункт 4 Положения о принятии региональным органом охраны объектов культурного наследия решения, предусматривающего установление границ защитной зоны (далее – Положение), предписывает необходимость включения объекта капитального строительства в границы защитной зоны если предусмотренные п. 3, 4 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ границы проходят по его территории (непосредственно по объекту). В подобных случаях документ указывает на необходимость установления защитных зон по внешним границам архитектурного объекта (сооружения)⁴. Это приводит к существенному

увеличению защитных зон памятников истории и культуры. При этом, принять подобное решение в одностороннем порядке региональный орган охраны объектов культурного наследия не может. Для этого необходимо проведение ГИКЭ. Вместе с тем, и эксперты не могут скорректировать охранные территории в сторону уменьшения защитных зон из-за находящихся на границах объектов. Это противоречит п. 4 Положения и обесценивает значение экспертного заключения, как самостоятельного решения, способного повлиять на установление территориальных границ защитных зон. Фактически они устанавливаются не с момента включения памятника истории и культуры в государственный реестр, а по прошествии времени, затраченного на проведение ГИКЭ и вынесения решения региональным органом охраны объектов культурного наследия. Это лишает защитные зоны преимуществ перед зонами охраны в части эффективности и своевременности реализации государственных защитных мер.

Обращаясь к ограничениям градостроительной и хозяйственной деятельности на территории защитных зон, следует отметить, что они значительно более строгие, чем в зонах охраны. Так, в п. 1 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ, запрет строительства и реконструкции объектов капитального строительства на территории защитных зон предусмотрен без каких-либо дополнительных оговорок. Институт защитной зоны существует до тех пор, пока для объекта культурного наследия не разработана зона охраны и сведения о ней не включены в ЕГРН⁵.

Занимаясь сбором документов, представляющих право ведения строительных работ на территории защитных зон, заинтересованные лица неизбежно сталкиваются с запретом подобного

объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации", на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы с учетом историко-градостроительного и ландшафтного окружения такого объекта культурного наследия и о внесении изменений в Положение о государственной историко-культурной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2016 г. № 1357. // СПС «КонсультантПлюс».

4 Об утверждении Положения о принятии региональным органом охраны объектов культурного наследия решения, предусматривающего установление границ защитной зоны объекта культурного наследия на расстоянии, отличном от расстояний, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 34.1 Федерального закона "Об

5 Трофимова М.С. Зона охраны и защитная зона объекта культурного наследия в российском законодательстве и буферная зона в нормах международного права: к вопросу о соотношении категорий // BENEFICIUM. 2020. № 3 (36). С. 55–57.

рода деятельности на привлекательном в инвестиционном плане земельном участке. При их возникновении представитель застройщика обращается в государственный орган охраны объектов культурного наследия, где ему дается разъяснение в пределах защитной зоны (нескольких защитных зон) какого объекта культурного наследия находится интересующий его земельный участок. Кроме этого, лицо информируется о возможности отмены запрета капитального строительства на земельном участке только после установления охранных зон на основании ст. 34 Федерального закона № 73-ФЗ и выведения интересующей его земли, либо архитектурного объекта (сооружения) за пределы указанных статьей Закона границ специально установленных территорий. Инвестору остается ждать проведения ГИКЭ и разработки проекта зон охраны объектов культурного наследия, либо стать инициатором и профинансировать из собственных средств проектные работы. Подобная возможность предусмотрена п. 7 Положения об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 12 сентября 2015 г. № 972⁶. При этом не исключено предвзятое, необъективное отношение разработчиков и экспертов к процессу проведения и оформления историко-культурного исследования, финансируемого из средств частного инвестора, который заинтересован в нужном ему результате. Благодаря этому, на территориях зон охраны объектов культурного наследия, разработанных подобным образом, может возникнуть опасность проведения строительных и иных работ, выгодных инвестору. Как следствие могут быть освоены и утеряны свою историко-культурную ценность земельные участки с находящимися на них ценными градоформирующими архитектурными сооружениями (историческими зданиями, иными элементами исторической застройки).

Очевидно то, что при любом исходе, вне зависимости от проведения исследования, либо его ожидания, может пройти время, затягивающее

сроки реализации строительного (инвестиционного) проекта. Это может причинить финансовые убытки девелоперам. В большинстве своем инвесторы к возможности хозяйственного освоения земельных участков в исторической части городов подходят с учетом рисков и затрат, которые могут возникнуть при проектировании зон с особыми условиями использования территорий.

Компромиссом, который частично учел интересы заинтересованных сторон, стало дополнение ст. 34 Федерального закона № 73-ФЗ частью пятой⁷. Норма закона предписывает необходимость разработки зон охраны для памятников истории и культуры в отношении которых, в соответствии со ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ, существуют защитные зоны. Срок для разработки и принятия зон охраны объектов культурного наследия ограничен двумя годами. При этом защитные зоны не исчезают по прошествии указанного времени. Они остаются, сдерживая возможность освоения территорий, прилегающих к памятнику истории культуры.

Наравне с экономическими ограничениями режим существования защитных зон создает отдельные препятствия для сохранения объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, расположенных на их территории. Это проблема не нашла своего отражения в нормах Федерального закона № 73-ФЗ. Законодатель в п. 1 ст. 34.1 Закона ограничился общим запретом на строительство, а также реконструкцию архитектурных объектов, связанную с изменением технических параметров (высота, количество этажей, площадь). При этом относительно малое число памятников истории и культуры со времени появления защитных зон было последовательно обеспечено зонами охраны. Соответственно, следует говорить о защитных зонах как о фактически перманентных охранных мерах, которые могут создать неопределенность в реализации государством мер по охране объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, находящихся на их территориях. Как верно отметили М.П. Берлизов и Г.Г. Давыденко, подобная проблема возникает в случае плотного скопления объектов культур-

6 Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 12 сентября 2015 г. № 972. // СПС «КонсультантПлюс».

7 О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 342. // СПС «КонсультантПлюс».

ного наследия, например, в историческом центре населенного пункта⁸. Защитные зоны, зоны охраны, объединенные зоны охраны объектов культурного наследия накладываются друг на друга, создавая необходимость учета условий сохранения различных памятников истории и культуры, которые отличаются по категориям и видам. Федеральный закон № 73-ФЗ не содержит прямого запрета на ведение работ по сохранению памятников истории и культуры, находящихся на территории защитных зон. Возможно проведение реставрационных работ в целях сохранения историко-культурной ценности объекта культурного наследия (ст. 40, 43 Федерального закона № 73-ФЗ). При этом запрещено изменение площади и (или) количества внутренних помещений памятника, проведение работ на конструктивных элементах объекта государственной охраны. Положения п. 1 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ прямо запрещают подобные действия на объектах капитального строительства, расположенных в защитных зонах. Соответственно в правовом аспекте невозможны полноценные реставрационные работы на объекте культурного наследия, который был включен в государственный реестр.

Еще более строгие ограничения Федерального закона № 73-ФЗ предъявляет к выявленным объектам культурного наследия. Процесс их сохранения на территориях защитных зон реализуется исключительно через проведение противоаварийных, консервационных работ, в целях пресечения изменений, оказывающих негативное влияние на техническое (конструктивное) состояние и внешний облик. Если объект не включен в реестр, не утвержден его предмет охраны, то проведение реставрационных работ на нем невозможно (ст. 47.2 Федерального закона № 73-ФЗ). При этом, противоаварийных работ бывает недостаточно для полноценного сохранения выявленного объекта культурного наследия.

Так, «Ансамбль Белогостицкого монастыря» (с. Белогостицы Ростовского района Ярославской области) был включен в реестр в качестве объекта культурного наследия регионального значения. Предмет охраны был установлен на ансамбль

монастыря, а также «Основной корпус с теплой церковью Архангела Михаила (Девяти мучеников иже в Кизице /Казанской Божьей Матери/ Ефрема Сирина и Неонилы), холодной церковью Великомученика Георгия (архангела Гавриила/ Архангела Михаила)». Иные выявленные элементы (хозяйственные постройки на монастырской территории, неразрывно связанные с предметом охраны) не получили постоянного охранного статуса, но оказались на территории защитной зоны памятника истории и культуры. Указанное обстоятельство стало препятствием для проведения реставрационных работ в целях дальнейшего сохранения ценных архитектурно-художественных элементов. Кроме этого, защитная зона объекта культурного наследия «накрыла» часть с. Белогостицы, по умолчанию превратив жителей населенного пункта в нарушителей ее режима (Приказ Департамента охраны объектов культурного наследия Ярославской области «Об утверждении графического описания местоположения границ защитных зон объектов культурного наследия (с изменениями на 17 декабря 2020 г.)» от 11 сентября 2020 г. № 102).

По нашему мнению, в целях преодоления подобных упущений следует внести изменения в гл. VII «Сохранение объектов культурного наследия» Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», указав на то, что положения Закона без каких-либо ограничений распространяются на памятники истории и культуры, расположенные в границах защитных зон объектов культурного наследия. Так, ст. 45 следует дополнить п. 13, который изложить в следующей редакции: «Положение нормы Федерального закона распространяется на объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия, находящиеся на территориях, установленных в соответствии со ст. 34.1 настоящего Федерального закона защитных зон объектов культурного наследия».

Список литературы

1. Берлизов М.П., Давыденко Г.Г. Проблематика административно-правового регулирования защитных зон объектов культурного наследия // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 1. С. 83–90.
2. Берлизов М.П. К вопросу о зонах охраны объектов археологического наследия народов Рос-

8 Берлизов М.П., Давыденко Г.Г. Проблематика административно-правового регулирования защитных зон объектов культурного наследия // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 1. С. 83–90.

сийской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 520–524.

3. Трофимова М.С. Зона охраны и защитная зона объекта культурного наследия в россий-

ском законодательстве и буферная зона в нормах международного права: к вопросу о соотношении категорий // BENEFICIUM. 2020. № 3 (36). С. 55–57.

PROBLEMS OF ESTABLISHMENT AND EXISTENCE OF PROTECTIVE ZONES OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Andreeva Alexandra Yurievna,

member of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Moscow, architect-restorer.
E-mail: goland5@yandex.ru

Khalikov Iskander Alfredovich,

Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Department of Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings, senior lecturer, Candidate of Law. 41 Moskovskaya str., Kazan, 420111.
E-mail: iskanderh@mail.ru

Abstract

The article analyzes the conditions for creating protective zones around cultural heritage objects. According to the authors, such protective measures should have been a form of counteraction to the illegal development of territories that are inextricably linked with monuments accepted for state protection. When developing them, the legislator sought to create a mechanism for the operational protection of historically and culturally valuable land plots with architectural structures located on them, which is put into effect immediately after the object is included in the state register. However, the practical application of the provisions of art. 34.1 of Federal law № 73-FZ «On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation» caused difficulties. Thus, the creation of protective zones in cities with dense historical buildings is associated with the need for state historical and cultural expertise in order to establish territorial boundaries. As a result, there is..

Keywords

Object of cultural heritage, monument of history and culture, protective zones, protection zones, identified objects of cultural heritage.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 7.03
ББК 85.1
10.34685/НП.2021.33.2.004

И. Н. КРАМСКОЙ. РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА ХУДОЖНИКА.

Часть III. Портреты

Не отвержи меня от Лица Твоего...

Стр. 50

Катасонов Владимир Николаевич,
доктор философских наук, доктор богословия,
Профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
ул. Пятницкая, 4/4с1, Москва, Россия.
E-mail: vladimir15k@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются философские и богословские аспекты портретного творчества И.Н.Крамского. Обсуждаются взгляды современников художника на портретную живопись: Н.В.Гоголь, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев.

Ключевые слова

Портрет, фотография, лицо, лик, христианский реализм.

§1. Философия портрета

Крамской дал своей картине «дерзкое» название «Христос в пустыне», но в то же самое время он утверждает: «Это не Христос»¹... Дру-

гими словами, художник в каком-то смысле знает Христа... Это и неудивительно, Крамской был крещен и воспитан в православии, он пишет иконы по заказу, участвовал в росписи храма Христа

1 К В.М.Гаршину. 16 февраля 1878 // Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837 – 1887. Издал Алексей Суво-

рин. Санктпетербург. Типография А.С.Суворина, 1888. С.381-382.

Спасителя в Москве². Независимо от сложившихся у него со временем под влиянием чтения и собственных размышлений далеких от православия богословских представлений, у него есть некая интуиция Христа, и именно от нее он и говорит о картине: это не Христос. Важно отметить, что в иконографической традиции, несмотря на множество сюжетов, изображающих Христа, – и Рождество, и Распятие, и Воскресение и др., – самыми проникновенными, самыми «диалогичными» являются, наверное, изображения Лица Христова, столь трудного для воссоздания. Да и само это изображение, как повествует церковное предание, пришло к нам чудесным образом, в качестве Спаса Нерукотворного. Христос церковной традиции есть, конечно, Богочеловек, но непосредственно, явлено, изобразительно он есть не тело, не фигура, а прежде всего Лицо, Лик³...

Жизненная и художественная судьба Крамского сложилась так, что ему приходилось рисовать много портретов. Еще в свои юные годы, когда он работал ретушером у странствующего фотографа Я.П.Данилевского, он уже начинал постигать азы портретного искусства. Потом после выхода из Академии художеств, в Артели, когда он только женился, портреты на заказ были существенным финансовым источником существования семьи. И в дальнейшем, имея 6 человек детей, Крамской должен был всегда напряженно работать для обеспечения семьи, и в основном это были портреты. Конечно, не всегда это была рутинная работа, со временем, особенно когда П.М.Третьяков начал делать ему заказы для своей галереи, когда Крамского стали приглашать рисовать портреты членов царской фамилии, художник понимал, что это сама история призывает его быть свидетелем своего времени, и создавал замечательные произведения. Хотя у Крамского были планы создания и других картин, и в особенности, годами откла-

дываемая работа над «Радуйся, царь Иудейский» занозой тревожила совесть художника, тем не менее, Крамской большую часть своего времени и таланта отдавал именно портретной живописи.

В этом смысле, сама художественная деятельность Крамского заставляла его все глубже вглядываться в человека. Художник создал свою собственную манеру в портретной живописи, свою собственную методологию подхода к изображению человека. Он стремится уйти как от идеализации, свойственной XVIII столетию, так и от натурализма, которым грешили многие его современники. Крамской выступает для нас мастером глубокого психологизма, старающимся вскрыть через портрет определяющие характеристики человека. С середины XIX столетия в сферу искусства входит фотография и некоторое время даже конкурирует с портретной живописью. Идеи позитивизма оказывают давление и на живопись: фотография, де, «ближе к правде жизни», показывает все «так как есть на самом деле». Но более чуткие художественные души быстро освобождаются от этого соблазна. Крамскому, несомненно, были близки слова любимого им Гоголя, который в своем рассказе «Портрет» так описывал совершенное произведение живописи: «...Властительней всего была видна сила создателя, уже заключенная в душе самого художника. Последний предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила. Везде уловлена была эта плавучая округлость линий, заключенная в природе, которую видит только один глаз художника-создателя и которая выходит углами у копииста. Видно было, что все извлеченное из внешнего мира художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремил его одной согласной, торжественной песнью. И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть существует между созданием и простой копией с природы»⁴. Достоевский писал об отличии фотографии от портрета: «...Фотографические снимки чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, то есть каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож сам на себя. В редкие только мгновения человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник из-

2 В своей автобиографии Крамской пишет: «Еще будучи учеником Академии, в 1863 году сделал я до 50 рисунков для купола в храм Спаса в Москве, своему профессору Маркову, и 8 картонов в натуральную величину; потом уже по выходе из Академии, через полтора года писал и самый купол» (Автобиография И.Н.Крамского. // Иван Николаевич Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи 1837-1887. Издал А.Суворин. Спб., 1888. С.32).

3 Нелишне здесь отметить, что на картине Крамского лицо Христа изображено в три четверти...

4 Портрет // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах. Том третий. Повести. Издательство «художественная литература». Москва, 1966. С.108-109.

учает лицо и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он списывает, и не было ее вовсе в лице. Фотография же застаёт человека как есть...»⁵

Крамской сумел все это осознать еще в годы своих странствований в качестве ретушера, осознать весь «блеск и нищету» искусства светописных портретов⁶, как это называлось тогда. Фотография поставила перед портретной живописью новые проблемы. Портретист-художник должен был уметь показать преимущество портрета перед «механической» фотографией. Крамской ценил фотографию на своем месте: просил друзей присылать ему фотографии картин, недоступных ему, фото различных мест, необходимых ему для работы, некоторые свои портреты он писал также с фотографии (например, портреты Т.Г.Шевченко, С.Т.Аксакова, А.С.Грибоедова). Портреты Крамского обычно бедны колоритом, они в основном монохромны; в свои ранние годы многие из них он писал техникой соуса, смеси порошка сажи и растительного масла. Некоторые исследователи считают это как раз следом определенного влияния фотографии⁷. Однако главным для него в искусстве портрета было все-таки вот это стремление схватить и выразить «главную черту» человека, его самую «характерную мысль».

Крамской высказывался о портретной живописи неоднократно. Вынужденный зарабатывать на жизнь семьи своим творчеством, а большей частью этого были как раз портреты на заказ, художник нередко жаловался на то, что у него не хватает времени и сил для реализации своих замыслов. Некоторые письма 80-х годов удивительны своей откровенностью. «...Я портретов, в сущности, никогда не любил, и если делал сносно, то только потому, что я любил и люблю человеческую физиономию [! – В.К.]. Но ведь мы понимаем, что человеческое лицо и фигура – не суть портреты,

потребные публике. Я ее слишком хорошо знаю»⁸, – пишет Крамской П.М.Третьякову. И опять в следующем письме: «Правда только в одном – я устал иметь дело с публикой по заказам, воротиться к юности нельзя, чтобы начать сызнова и поставить себя так, как все художники себя ставят, т.е. работают, что хотят, а публика покупает. Для меня это благополучие не осуществилось. Я сделался портретистом по необходимости. Быть может, я и в самом деле ничего больше как портретист, но я пробовал раза два-три того, что называют творчеством, и вследствие того попорчен, а потому я не хочу умирать, не испробовав еще раз того же»⁹.

С другой стороны, Крамской-портретист – это не просто превратность судьбы, материальная необходимость и т.д. В одном письме к Репину¹⁰ Крамской сам признается, что не любит возиться с эскизами, они его сковывают. Метод его работы – тщательное целостное продумывание картины, и только после этого подход к холсту. По поводу задуманного «Хохота» он пишет: «Картина уже вся готова и давно готова, появление ее – вопрос времени. Менять, переделывать нечего, т.е. не буду; да и не умею, она давно передо мною стоит готовая». И далее он делает любопытное признание: «Это исключительно, и, может быть, странно, но я иначе не могу. Я уже пробовал. Я пишу картину, как портрет, – передо мною, в мозгу, ясно сцена со всеми аксессуарами и освещением, и я должен скопировать».¹¹ Крамской ищет прежде всего целостного видения картины, аналогично тому, как мы видим лицо человека, и пока оно не найдено, он не может к ней приступить. В этом смысле те видения, которые он описывал в связи с картиной «Христос в пустыне», как бы повышаются в своем феноменальном статусе: это не просто какие-то случайные представления, не просто фантазии, они обладают характером целостности, независимости от видящего¹², они – почти

5 Подросток. С.370 // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т.13. Ленинград, «Наука», 1975.
6 См. в его воспоминаниях об этих годах: Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837 – 1887. Издал Алексей Суворин. Санктпетербург. Типография А.С.Суворина. 1888. С.20-23.
7 Гольдштейн С.Н. Крамской. Жизнь и творчество. 1837 – 1887. Из-во «Искусство», 1965. С.62-64.

8 П.М.Третьякову. С.-Петербург, 15 января 1883// Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 251.
9 П.М.Третьякову. С.-Петербург, 20 января 1883 // Цит. соч., С.253.
10 И.Н.Крамской – И.Е.Репину. 23 февраля 1874 // Переписка И.Н.Крамского. Т.2. Письма художникам. Искусство. Москва, 1954. С. 297.
11 Там же.
12 Вспомним: «Я ходил вокруг него...»

есть!.. И опираясь на этот опыт, художник и для новых своих задумок ищет этой целостной интуиции. Он сознательно взывает, и как бы требует видения, для того чтобы просто скопировать!..

Но интересно, что вся эта методология соотносится с созданием именно портрета. Именно в нем она имеет, по убеждению Крамского свою парадигму. В портрете, на малом, так сказать, событийном пространстве, должно схватить целое, сущность человека, и подчинить ее выражению все изображаемое.

Эта строгая методология и высокая задача, которая ставится перед художником-портретистом, применяется Крамским прежде всего к самому себе. Но возможность увидеть характерное начало человека, интуитивно опознать его внутреннюю сущность, далеко не простая психологическая и духовная задача. Она не всегда выполнима. Так, он пишет в одном из писем – В.В.Стасову: «Вы поручаете мне написать портрет Репина – еще бы, конечно, пора! Но видите, как все это случилось. Я его давно наблюдаю и давно слежу за его физиономией, но она *долго не формировалась*, что-то было все неопределенное... Но перед отъездом его за границу я уже готов был писать и приставал к нему тогда, но он уклонялся... да так и уехал, не дал. Теперь, в Париже, он уже совсем определился, и физиономия его настолько сложилась, [!!! – В.К.], что надолго останется такую <...> Я пристал опять, как приехал, но он опять уклоняется. Судя же по некоторым признакам, теперь уж он не уйдет, по крайней мере, мне медлить нельзя – Бог знает, что впереди! Вероятно, напишу»¹³. Это стремление поймать в модели глубинное ее содержание, то, что за постоянно изменяющимся лицом все время пребывает неподвижным, подобно преследованию охотника, подобно поиску решения сложной научной задачи! Необходимо увидеть и изобразить то характерное, что всегда предчувствовалось в этом человеке, что всегда в нем есть, но что явно выступает лишь временами...

Глубинное содержание личности, явленное в лучших образцах мировой портретной живописи, невозможно заменить никакой изобразительной техникой, никакими ухищрениями, оно или есть в картине, или нет. В этом смысле, харак-

терна критика Крамским картины Габриеля Макса «Лик Спасителя», выставленной в Петербурге в 1879 году. Глаза на этом портрете могли казаться то открытыми, то закрытыми, в зависимости от угла зрения. Наиболее бойкие журналисты писали даже, что здесь Христос на верующих смотрит открытыми глазами, а на неверующих – закрытыми... Крамской в своей статье, опубликованной в «Новом времени», критикует художника за несерьезное отношение к живописи, недостойное фокусническое использование технических приемов, тем более для Лика Христа в терновом венце... «...Я желал бы встретить человека, который бы мне объяснил точно, к какому порядку надобно отнести впечатления, получаемые от этой картины: к числу ли внутренних, душевных или же к числу нервных раздражений, не проникающих в глубину, или, лучше сказать, проникающих в той же двойственности, и там, внутри, производящих чувство простого удивления? По-моему, к числу последних <...> При всем моем уважении к таланту Макса, я должен выразить свое удивление, как подобный художник спустился до такого – говорю прямо – недостойного фокуса!»¹⁴.

В своих поездках за границу Крамской постоянно учится у европейских художников прошлого. Его отзывы в письмах о европейской живописи необыкновенно интересны своей аналитичностью, глубиной, постоянным соотношением с современностью, с традициями русской живописи. Из портретистов он в особенности выделяет художника XVI века Ганса Гольбейна младшего. В портретах этого художника немецкого Возрождения Крамскому, помимо великолепной техники дорого начало реализма, как вскрытие того, что есть сама сущность человека. Подобную живопись русский художник уподобляет даже как бы научному или философскому исследованию. «... Гольбейн, например, запускавший свой щуп до дна души человека, этот ужасающий аналитик и философ, дал такие портреты, которые и сегодня останавливают внимание всякого наблюдательного человека. Думаю (разумеется, бездоказательно), что люди, с которых он писал, могли желать чего-нибудь другого, но человеческий род всегда будет ему благодарен за его *исследования*

13 В.В.Стасову. 9 июля 1876, Париж // Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 38.

14 За отсутствием критики // Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837 – 1887. Издал Алексей Суворин. Санкт-Петербург. Типография А.С.Суворина. 1888. С.643.

у которого все детальные суждения крепко связаны с общими положениями, как радиусы с центром. О чем бы речь ни шла, Ваше суждение поражало своеобразною точкою зрения. Сначала это производило впечатление парадокса, но чем дольше я знакомился, тем все больше и больше открывал центральные пункты, и под конец я перед собою видел в первый раз редкое явление: развитие, культуру и цельный характер, без рефлексов»¹⁷.

Это впечатление прочитывается и в портрете, отданном в Третьяковскую галерею. Толстому 45 лет. К своему возрасту он уже очень много испытал. Ему знакомы все сферы жизни: учеба в университете, канцелярская деятельность, участие в войне, семейная жизнь, европейская действительность, взаимоотношения с крестьянством... Все это обдуманно, оценено, описано в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», в повести «Казачья жизнь», в эпопее «Война и мир», в «Анне Карениной», над которой он работает. В нем идет глубокая духовная работа по поиску смысла жизни, бескомпромиссная нравственная борьба со своими слабостями (дневники!), поиск своего места в народной жизни (детская школа в Ясной поляне). Мы видим на портрете не просто писателя, а мыслителя, глубоко вглядывающегося в жизнь, на своем опыте знающего, что такое зло и смерть, ложь и лукавство, прямо глядящего в лицо своему современнику и вопрошающего: «Где же правда? Что вы называете истиной?» Широкое образование позволяет ему включить в этот диалог с современником как мыслителей прошлого, так и современников: Ж.-Ж.Руссо, В.Гюго, Э.Золя, П.-Ж. Прудона, Библию, Платона и др. Мы видим умного, сильного и страстного человека, ищущего истину; еще оживлен взгляд писательским интересом и сочувствием к жизни во всех ее проявлениях, но за этим уже чувствуется несгибаемая воля, пойти в поисках истины до конца, чего бы это ни стоило... Что так дорого и самому Крамскому, который и сам всегда «ищет смысла и значения», но, встретившись с Толстым лицом к лицу, несколько обескуражен... В письме к Репину Крамской пишет об авторе «Войны и мира»: «Я провел с ним несколько

дней и, признаюсь, был все время в возбужденном состоянии даже. На гения смахивает»¹⁸.

Для Толстого эта встреча с Крамским, их разговоры об искусстве и жизни вообще были также интересны и поучительны. Толстой пишет в это время «Анну Каренину», и в нем выводит художника Михайлова. Уже многие современники отмечали¹⁹, что Михайлов романа удивительно похож на Крамского. Толстой, тонкий психолог, создает образ художника, в который он вкладывает весь свой опыт общения с читателями своих произведений и с критиками, всю драму общения художника и зрителя. Михайлов нарисован как человек тонкой и хрупкой душевной конституции, с одной стороны, страстно желающий одобрения публики и радующийся ему, как ребенок, а с другой, - как профессионал, видящий всю дилетантскую самоуверенность судящих о его детище. Здесь и писатель, и художник, несомненно, сходились в своем опыте. Но разница в социальном происхождении а, следовательно, и в полученном образовании различия Крамского и графа Толстого также отразилась в образе Михайлова. И довольно рельефно. Друг Вронского Голенищев так характеризует Михайлова: «Я его встречал. Но он чудак и без всякого образования. Знаете, один из этих диких новых людей, которые теперь часто встречаются; знаете, из тех вольнодумцев, которые d'emblee [сразу – фр.] воспитаны в понятиях неверия, отрицания и материализма. Прежде, бывало, <...> вольнодумец был человек, который воспитался в понятиях религии, закона, нравственности и сам борьбой и трудом доходил до вольнодумства; но теперь является новый тип самородных вольнодумцев, которые вырастают и не слыхав даже, что были законы нравственности, религии, что были авторитеты, а которые прямо вырастают в понятиях отрицания всего, то есть дикими. Вот он такой. Он сын, кажется, московского камер-лакея и не получил никакого образования. Когда он поступил в Академию и сделал себе репутацию, он, как человек неглупый, захотел образо-

17 Л.Н.Толстому. С.-Петербург. 29 января 1885 // Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 326.

18 И.Н.Крамской – И.Е.Репину. 23 февраля 1874 // Переписка И.Н.Крамского. Т.2. Письма художникам.. М. : Искусство, 1954. С. 301.

19 См. например, Гольдштейн С.Н. Крамской. Жизнь и творчество. 1837 – 1887. Из-во «Искусство», 1965. С.139.

ваться. И обратился к тому, что ему казалось источником образования, – к журналам <...> Но у нас теперь он прямо попал на отрицательную литературу, усвоил себе очень быстро весь экстракт науки отрицательной, и готов»²⁰. Голенищев рассказывает о картине Михайлова «Христос перед Пилатом», о которой давно ходили слухи, и недвусмысленно определяет дух этой картины: «Разумеется, он не лишен дарования, но совершенно фальшивое направление. Все то же ивановско-штраусовско-ренановское отношение к Христу и религиозной живописи»²¹. В дальнейшем, когда Голенищев привел Вронского и Анну к Михайлову, и тот показал им эту картину, Голенищев опять замечает об изображении Христа на картине: «- ...Он у вас человекобог, а не богочеловек. Впрочем, я знаю, что вы этого и хотели.

– Я не мог писать того Христа, которого у меня нет в душе, – сказал Михайлов мрачно.

– Да, но в таком случае, если вы позволите сказать свою мысль... Картина ваша так хороша, что мое замечание не может повредить ей, и потом это мое личное мнение. У вас это другое. Самый мотив другой. Но возьмем хоть Иванова. Я полагаю, что если Христос сведен на степень исторического лица, то лучше было бы Иванову и избрать другую историческую тему, свежую, нетронутую.

– Но если это величайшая тема, которая представляется искусству?

– Если поискать, то найдутся другие. Но дело в том, что искусство не терпит спора и рассуждений. А при картине Иванова для верующего и для неверующего является вопрос: Бог это или не Бог? и разрушает единство впечатления.

– Почему же? Мне кажется, что для образованных людей, – сказал Михайлов, – спора уже не может существовать»²².

– Я не мог писать того Христа, которого у меня нет в душе, – сказал Михайлов мрачно.

– Да, но в таком случае, если вы позволите сказать свою мысль... Картина ваша так хороша, что

мое замечание не может повредить ей, и потом это мое личное мнение. У вас это другое. Самый мотив другой. Но возьмем хоть Иванова. Я полагаю, что если Христос сведен на степень исторического лица, то лучше было бы Иванову и избрать другую историческую тему, свежую, нетронутую.

– Но если это величайшая тема, которая представляется искусству?

– Если поискать, то найдутся другие. Но дело в том, что искусство не терпит спора и рассуждений. А при картине Иванова для верующего и для неверующего является вопрос: Бог это или не Бог? и разрушает единство впечатления.

– Почему же? Мне кажется, что для образованных людей, – сказал Михайлов, – спора уже не может существовать»²³.

Если судить по этому отражению встречи Крамского и Толстого, споры были, и серьезные. Толстой еще только на пороге своего будущего нового учения. Он еще не может отказаться от веры в Христа Богочеловека... В письме к Н.Н.Страхову Толстой пишет об этих дискуссиях: «Уж давно Тр[етьяков] подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: всё равно ваш портрет будет, но скверный. Это бы еще меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет для нее. И теперь он пишет, и отлично, по мнению жены и знакомых. Для меня же он интересен, как чистейший тип петербургского новейшего направления, как оно могло отразиться на очень хорошей и художнической натуре. Он теперь кончает оба портрета и ездит каждый день, и мешает мне заниматься. Я же во время сидений обращаю его из петербургской в христианскую веру и, кажется, успешно»²⁴. Разница направлений и споры не помешали Крамскому создать великолепный портрет великого писателя в самом расцвете его творческой активности.

С начала 1870-х годов Крамской по заказу Третьякова, а то и по собственной инициативе создает портреты для Третьяковской галереи. В 1876 году он пишет и портрет самого Павла Михайловича.

20 Толстой Л.Н. Анна Каренина. Роман в восьми частях. Часть пятая // Собрание сочинений в двадцати томах. Т.9. Государственное издательство художественной литературы. М., 1963. С.42-43

21 Цит.соч., С.41.

22 Цит.соч., С.51.

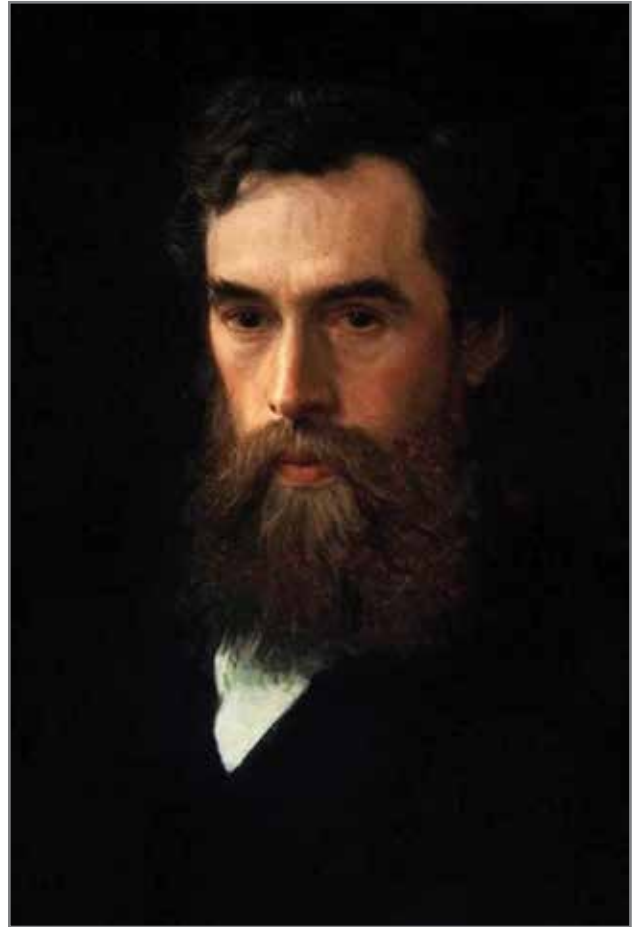
23 Цит.соч., С.51.

24 Н.Н.Страхову. 23,24 сентября 1873. Ясная поляна // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.62. Письма 1873 -1879. Гос. Из-во художественной литературы. М., 1953. С.50.

Третьяков был замечательным представителем русского купечества, истинным патриотом и меценатом, имя которого неотделимо от русской культуры второй половины XIX века. Он очень любил живопись, и Третьяковская галерея была, может быть, самым любимым его созданием. Но Москва помнит и другие его инициативы: он материально поддерживал Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Арнольдо-Третьяковское училище глухонемых, воспитанников Московского и Александровского коммерческих училищ. От него получали материальную поддержку семьи воинов, погибших на русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов. В 1892 году вместе с передачей городу Третьяковской галереи он завещал на ее содержание половину всех своих средств. Москва не случайно дала ему звание Почетного гражданина столицы. Рассказывают, что после открытия Галерея Александр III хотел даровать ему дворянство. Однако Третьяков отказался; «Я купцом родился, купцом и умру».

Третьякова отличали скромность и молчаливость. Вот это то, что прежде всего бросается в глаза, при взгляде на его портрет, написанный

И.Н. Крамской. Портрет П.М. Третьякова. 1876.

Крамским в 1876 году. Лицо человека глубокого нравственно здоровья, отца большой и любящей семьи, настоящего православного христианина, в высшей степени трезвого, и одновременно очень чуткого... Он как будто всматривается, или скорее, вслушивается в жизнь, во что-то такое, что находится за поверхностью вещей, и что, в конце концов, самое главное. И взгляд его как бы направлен вглубь самого себя, он все поверяет сердцем своим: верно ли? по истине ли?.. Это не лицо купца – торговца, – от его сословия здесь осталась только традиционная борода и усы, – благородное лицо русского православного человека, от взгляда которого хочется быть лучше. Как и многие другие портреты, созданные Крамским, лицо Третьякова дано на темном фоне, портрет как бы глядит из вечности, в своеобразном иконографическом модусе.

Мы приводили уже выше отрывок из Парижского письма Крамского В.В. Стасову, в котором он объяснял, что долго искал в Репине

И.Н. Крамской. Портрет Л. Н. Толстого. 1873

И.Н.Крамской. Портрет И.Е.Репина. 1876.

устойчивости, сформированности «физиономии», понимая под этим возможность за подвижностью лица увидеть *пребывающую* сущность характера, духовной индивидуальности. Именно так ставит перед собой задачу портретист Крамской. И там же он пишет: «Теперь, в Париже, он уже совсем определился, и физиономия его настолько сложилась, что надолго останется такою: *что-то тонкое и как будто, на первый раз, мягкое, несколько задумчивое, и в то же время серьезное*»²⁵. Мы видим на портрете живое и умное лицо малоросса, происхождения из Чугуева, получившего образование в Петербургской Академии художеств, и в дальнейшем ставшим известным руководителем ее живописной мастерской. Репин считал своим учителем Крамского, несмотря на то, что постоянно спорил с ним. Этот задор спорщика, это желание отстоять свое мнение, свою личную позицию по почти любому вопросу чувствуется и в картине. Герой ее с интересом вглядывается в действительность, любит жизнь во всех ее проявлениях, и не

желает навсегда принимать каких-либо догматических положений. Репин у Крамского открыт всему новому, и есть что-то симпатично детское в его разглядывании жизни, радость и доверие к ней... Эта свежесть взгляда, отклик на все новое были дороги и самому Крамскому, который признавался, что многому научился у Репина²⁶.

На XI выставке передвижников в 1883 году Крамской выставил портрет «Неизвестная». Критика сразу опознала в нем картину, обличающую современные буржуазные нравы, образ женщины-содержанки, одновременно жертвы и судии современного общества. Повод для картины, думаем, был неслучаен.

В 1880 году во Франции вышел отдельной книгой роман Э.Золя «Нана», годом ранее опубликованный в газете. Это был девятый том из серии романов «Ругон-Маккары», посвященный критическому осмыслению буржуазной действительности французской Второй империи. В центре романа была история французской кокетки, вышедшей из низов, смазливой бездарной актрисы, через постель которой проходят парижские нобили и члены правительства. Золя сравнивал Нана с навозной мухой, заражающей все, с чем соприкасается. В том же 1880 году русский перевод романа публиковался в «Новом времени», и тогда же вышел отдельной книгой. Крамской знал Золя, следил за его художественной критикой, и конечно, читал его романы, которые у всех были на слуху. Кроме того, думаем, что Крамской видел, конечно, и картину Э.Мане «Нана» 1877 года, изображавшую героиню такого же рода. С этой картиной был связан скандал, цензура не позволила Мане выставить ее на ежегодном художественном Салоне. По существу, Крамской предложил в 1883 году свой вариант русской «Нана».

Конечно, этот социологический момент картины, – дама полусвета, попирающая нормы морали, играющая на страстях богатых и ответственных людей, которых эти страсти нередко приводят к преступлению, – лежит на поверхности картины. И тут ассоциации с Золя очевидны.

25 В.В. Стасову. 9 июля 1876, Париж // Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 38.

26 Любопытно, что сам Крамской был недоволен портретом Репина. Он пишет В.В. Стасову в следующем письме: «Портрет Репина вышел совсем ординарен – не того он заслуживал, но что же делать? – оборвался. Поправлюсь, если встретимся» (В.В.Стасову. 19 июля 1876, Париж // Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 39).

И.Н.Крамской. Неизвестная. 1883.

Однако это есть только поверхностный уровень портрета²⁷, так сказать журналистский. Крамской не был бы Крамским, не был бы русским художником, если бы ограничился только этим. Современник Достоевского, «Записок из подполья» (особенно, второй части их «По поводу мокрого снега»), воспитавшийся на Чернышевском, сам глубоко проникнутый народнической идеологией, Крамской не мог ограничиться только обличительной идеологией картины, как в адрес общества, так и, тем более, в адрес падшей женщины... Самый нерв картины лежит глубже. В лице героини, в ее напряженном взгляде, где насильственно сопряжены беззащитность и вызов, мы видим человеческую трагедию; за броней гордости – горестный вздох и наворачивающаяся слеза: «Конечно, знаю, неправильно живу, а как по-другому, и не знаю...» Крамской идет вглубь, через социологию и психологию, к тайне человеческого сердца.

В 1880-е годы Крамской сближается с А.С. Сувориным, знаменитым издателем, редактором «Нового времени», публицистом и драматургом. В издательстве Суворина вышло, по подсчету биографов,

около 1600 наименований книг, общим тиражом 6,5 миллионов экземпляров. Наибольшей заслугой издателя была «Дешевая библиотека», серия небольших по объему книг и брошюр, в которой Суворин публиковал и мировую, и русскую классику. С 70-х годов Суворин становится главным редактором газеты «Новое время», превратившейся под его руководством в самую читаемую газету России. Как журналист, Суворин много сделал для пропаганды и поддержки внешнеполитических инициатив русского правительства. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов он был корреспондентом в действующей армии, описывал подвиги генерала Скобелева и русских солдат. В годы правления Александра III «Новое время» выбрало курс на правительственную линию, на защиту России и русского народа. Суворин был принципиальным противником революции и революционного насилия, чем вызывал бешеную злобу со стороны революционных деятелей, таких как, Ленин и иже с ним. Статьи Суворина нередко резко критиковали и деятельность самого правительства, временами вольно или невольно подливавшего масло в тлеющий огонь революционных настроений в обществе. Его газета выбрала трудную линию – вне партий, вне объединений, за все, что служит прогрессу России и русского народа. Поэтому на него нападали и «слева, и справа»...

В «Новом времени» печатались также и критические статьи по искусству. Большая историко-критическая работа Крамского «Судьбы русского искусства» появилась как раз на страницах «Нового времени». Суворин поддерживал русских писателей В.М.Гаршина, А.П.Чехова, был близок с Ф.М.Достоевским. Суворин сам писал статьи и как художественный критик, о театре и живописи. Крамской по-своему ценил критические статьи редактора «Нового времени». «Я говорил уже неоднократно, – пишет он Суворину, – что вы напишете, не зная специально предмета, гораздо лучше, чем те, кто об этом считает себя вправе писать. В Вашей заметке есть то, что называют впечатлением и что художнику знать гораздо более важно, чем обыкновенно думают <...> Конечно, весьма важно знать, чьи впечатления, но в данном случае, впечатление мне известно чье: человека очень меткого и не раз определявшего весьма запутанные общественные течения, следовательно, умного, много думавшего, наблюдавшего, – словом, для меня (т.е. собирательного русского художника) знать впечатления такого

27 Мы не обсуждаем здесь картину в целом, ее художественные достоинства и недостатки. Этой цели посвящено множество других публикаций. Нас здесь интересует только сущность портретной стратегии Крамского.

человека очень интересно. Мало того – просто необходимо»²⁸.

В 1880-х годах Крамской активно общается с Сувориним. В многочисленных письмах к последнему мы видим, как постепенно обращение «многоуважаемый» сменяется на «преданный Вам»²⁹. Их сближает общая забота о развитии русской национальной школы в искусстве, как мы помним, Крамской также называл себя последователем славянофилов... В 1881 году Крамской пишет портрет Суворина. На портрете мы видим человека, только что вставшего из-за своего рабочего стола, за которым он нередко проводил всю ночь напролет, готовя к выпуску очередной номер газеты, не успевшего даже снять очки, вставшего навстречу новому посетителю. Левая рука нащупывает сигарету, издатель готовится к беседе. Глаза одновременно и приветливые, и оценивающие, глаза человека, много повидавшего, много испытывавшего, видевшего и правду, и ложь, и доблесть, и подлость, «умного, много думавшего, много наблюдавшего» ... Большой патриот, просветитель и труженик, который так оценивал сам свою издательскую деятельность: «Как издатель, я оставлю прекрасное имя... Ни одного пятна. Я издал много, я никого не эксплуатировал, никого не жал, напротив, делал все, что может делать хороший хозяин относительно своих сотрудников и рабочих. <...> Газета дает до 600 тысяч в год, а у меня, кроме долгов, ничего нет, то есть нет денег. Есть огромное дело, которое выросло до миллионного оборота, но я до сих пор не знал никакого развлечения, никаких наслаждений, кроме труда самого каторжного. Расчетлив я никогда не был, на деньги никогда не смотрел как на вещь, стоящую внимания».

Из ранних портретов Крамского невозможно

28 А.С.Суворину. 4 марта 1884, С.-Петербург // Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 273-274.

29 Мы не касаемся здесь пресловутой истории объяснений Крамского с Сувориним по поводу бестактного замечания В.В.Стасова. Советскими критиками это постоянно подавалось как свидетельство напряженных отношений Крамского и Суворина (см. например, Гольдштейн С.Н. Крамской. Жизнь и творчество. 1837 – 1887. Из-во «Искусство», 1965. С.196 и далее). Переписка же их показывает обратное, дружба только укрепилась.

И.Н.Крамской. Портрет А.С.Суворина. 1871.

пройти мимо портрета художника Ф.А.Васильева. Васильев был любимцем Крамского, между ними шла активная переписка, в которой видно с каким отеческим вниманием относился Крамской к своему юному другу. В Васильеве рано проявился талант пейзажиста, и хотя современником ему и отчасти учителем был великий Шишкин, но манера Васильева была совсем другой. Крамской писал об этих двух мастерах пейзажа: «Один трезвый до материализма художник, лишенный даже признака какого-либо мистицизма, музыкальности в искусстве (как и все почти племя великоруссов), художник, которому недостает только макового зерна, чтобы стать вполне объективным; другой, весь субъективный, субъективный до того, что вначале не мог даже этюда сделать без того, чтобы не вложить какого-либо собственного чувства в изображение вещей совершенно неподвижных и мертвых»³⁰. Крамской, – и не только он один, – видел в Васильеве присутствие большого самобытного таланта,

30 Н.А.Александрову. 12 августа 1877 // Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 93.

уже поразившего своими первыми проявлениями и еще больше обещавшего в будущем. «Я думаю, что ему было суждено внести в русский пейзаж то, чего последнему недоставало и недостает: поэзии при натуральности исполнения»³¹.

Простудившись весной, Васильев заболел, и постепенно болезнь перешла в фазу туберкулеза. Благодаря спонсорам он переехал с семьей (мать и двое маленьких братьев) в Ялту. Болезнь прогрессировала, требовались средства. Крамской посылал Васильеву свои деньги, просил у Третьякова и друзей, но несмотря на все старания, исцеления так и не произошло. В 1873 году в возрасте 23 лет Васильев умер.

На портрете 1871 года мы видим молодого человека, едва вышедшего из юношеского возраста, с чуть еще только проклюнувшейся растительностью на лице, с живым, умным взглядом, в котором еще так много детского доверия к миру, но который уже имеет собственное мнение по всем вопросам и желает его объяснить каждому. Портрет выполнен Крамским с большой любовью, глазами друга отмечает он некоторую болезненность лица и напряженность фигуры, будит сочувствие к этому молодому талантливому человеку.

§3. Богословие портрета

Крамской написал за свою жизнь огромное количество портретов людей из самых разных социальных слоев: крестьян, художников, писателей, ученых, артистов, чиновников, членов царской фамилии и т.д. Не все эти портреты равноценны, но лучшие из них создали и задали своеобразную норму русского реалистического портрета, значимую и по сегодняшний день. В творчестве Крамского есть определенная тайна. Всю свою зрелую творческую жизнь он мучается желанием написать свой «Второй том», свой «Хохот», «Радуйся, царю Иудейский». Все время готовится к этому, в Париже, в Москве, все время надеется, вот-вот кончу текущую работу, – а это, главным образом, были портреты по заказу! – и наконец-то возьмусь за заветное, за Христа посреди хохочущей толпы!.. Но заветное не удастся. Со временем самим художником понимается, что дело не просто во времени, что есть какие-то внутренние препятствия к реализации этого плана... Какие?..

Вместе с этим из года в год растет галерея написанных портретов, Крамской становится признанным мастером в этом жанре, и дело

И.И.Крамской. Портрет Ф.А.Васильева. 1871.

здесь не только в его техническом мастерстве. Лучшие портреты Крамского дают нам возможность встретиться с самой изображаемой личностью, как бы коснуться души героя, начать с ним молчаливый диалог... От года к году, Крамской все сознательнее применяет свою методу, все настойчивей ищет подступ к тем высотам, которые ему уже известны, и последний незаконченный портрет доктора Раухфуса, перед которым он умирает во время сеанса, еще раз подчеркивает это удивительное искусство Крамского проникать в чужую душевную жизнь...

Критики называют Крамского, наряду с другими художниками – передвижниками, представителем реализма. Но что такое реализм? Что есть реальность?.. Во все времена вопрос о реальности был сложным философским вопросом³². В особенности на вопрос этот трудно

31 Цит.соч., С.95.

32 См. мои статьи: Катасонов В.Н. Реализм в понимании Ф.М.Достоевского. Сборник трудов международной научной конференции «Духовные смыслы националь-

ответить, когда мы говорим о реальности человека. Что есть этот предстоящий нам человек?.. Что значит, когда мы говорим, что мы знаем этого человека? Понятно, что это не просто его внешние физические данные, как ни необходимы они для статуса реальности. Этот вопрос с особой остротой встает перед художником, создающим портрет. Что, собственно, он должен изобразить? Ясно, что здесь будут, вообще говоря, одежда, определенные черты лица, определенная композиция, отражающая особенности тела. Но что еще? Как художник должен изобразить внутреннюю жизнь своего героя? Говорят, «психологический портрет», но что есть психология, как она проявляется телесно, ведь художник, в конце концов может изображать только видимые телесные вещи!*

Все эти трудности с необходимостью встают перед художником вопрос об антропологии: как он мыслит человека? Что есть человек? Сознательно или бессознательно художник всегда определенным образом отвечает на этот вопрос, и этот ответ мы чувствуем в его картине. Во всей христианской культуре, начиная с первых икон, художники стремятся изобразить не просто некое физическое существо, а человека, у которого есть внутренний мир, душа. Причем, внутренняя душевная жизнь может быть разной интенсивности. Поэтому в христианстве возникает и трихотомная модель человека: тело – душа – дух. В живом человеке актуальны сразу все три антропологических уровня: тело, со своими витальными инстинктами, душа, движущая телом, и дух, как орган мысли и самосознания. Именно в духе человек самоопределяется в отношении высших ценностей, добра и зла, любви, ненависти и т.д. В духе человек слышит голос своей совести, призывающей его к самоопределению в отношении абсолютной ценности, в отношении Бога.

Христианская живопись, и в особенности православная икона, стремятся изобразить именно жизнь человеческого духа. Конечно, как живопись икона должна учитывать все материаль-

ные особенности человеческого существования, однако главное внимание здесь сосредоточено как раз на духовном облике. Тело, душа живут, а дух пребывает, он определяет все нравственные, онтологические, жизненные координаты человека. Это в особенности касается икон святых, уже перешедших в вечность, но также является принципом изображения и еще живых персонажей. Иконописец стремится нарисовать не лицо, а лик, пребывающий в вечности: лицо изменяется и живет, лик же пребывает. В лике святых, пребывающих в вечности, перед лицом Бога, как бы отражается сам Христос, насколько это возможно человеческой преображенной природе³³. Человек, сотворенный по образу Божьему, хотя и утратил свое богоподобие, однако, отчасти, в меру своей духовной высоты отражает в своем лике самого Христа Бога.

Это стремление разглядеть в человеке отблеск Христа – Бога, и обратно – во Христе каждого человека, нередко встречается в культуре. И.С.Тургенев в своем стихотворении в прозе «Христос» 1878 года рассказывает о своем видении (изначально «Сон») во время церковной службы: «Вдруг какой-то человек подошел сзади и стал со мною рядом. Я не обернулся к нему – но тотчас почувствовал, что этот человек – Христос <...> Лицо, как у всех, – лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем, как на всех <...> Я опять сделал над собою усилие... И опять увидел то же лицо, похожее на все человеческие лица, те же обычные, хоть и незнакомые черты. И мне вдруг стало жутко – и я пришел в себя. Только тогда я понял, что именно такое лицо – лицо, похожее на все человеческие лица, — оно и есть лицо Христа»³⁴.

33 Таким же отражением Бога являются, согласно церковной традиции, и ангелы Божии. Так, первоверховный Архангел Михаил часто изображается со щитом, в котором отражается Христос. Архангел Михаил передает энергии Божии земному миру.

34 Тургенев И.С. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.8. М., «Художественная литература», 1978. С.447-448. Тургенев так же как и Крамской, Polenov, Антокольский и др. был хорошо знаком с работами Д. Штрауса, Э. Ренана и других авторов, разрабатывав-

ной культуры России: ретроспекция, современность, перспективы». М., 2020. С.51-57; К вопросу об онтологии культурных ценностей. Ч.1 // Культурное наследие России, 2017, №3. С.3-16; К вопросу об онтологии культурных ценностей. Ч.2 // Культурное наследие России, 2017, №4. С.3-11.

Ну и, конечно, Крамской, отдававший портретной живописи столько времени и сил своего таланта, не мог пройти мимо этой идеологии. Важно помнить, что Крамской писал и иконы, и в начале своей художественной деятельности, и позже; кроме того, как мы уже отмечали выше, он делал большие росписи плафона храма Христа – Спасителя в Москве. Ему была достаточно известна философия православной иконы, что и как иконописец должен был нарисовать. Это различие между лицом и ликом, конечно же, было ему известно. Несмотря на весь, в основном, чисто светский, психологический характер своего взгляда на человека, несмотря на чисто гуманистическое, нецерковное понимание Христа, Крамской не только знал, что у человека есть духовная глубина, которую нужно уметь в нем разглядеть, но и был знаком с церковной практикой живописного воплощения этой глубины. Крамской, как говорится, «стоял на плечах гигантов» христианской живописи, и сознательно или бессознательно следовал заветам этой традиции. Мы помним, как он говорил, что любит «человеческую физиономию»³⁵. В лице человека он искал не просто психологических черт, свидетельств темперамента, способностей и т.д., он хотел найти тот уровень, где человек говорит с нами перед лицом своей совести, перед лицом последней правды... Именно этот молчаливый диалог перед лицом вечности и создает особую атмосферу портретов великого русского художника.

Драма Крамского состояла в том, что он хотел взглянуть на современное общество, на все человечество вообще, с точки зрения идеала, с точки зрения Христа. Но по причине всех своих гуманистических блужданий он Христа так и не встретил, как не встретили Его многие его современники. Ведь главной неудачей его «Второго тома», его «Хохота» были не ошибки композиции и колорита. Главной проблемой, камнем преткновения было отсутствие Лица Христа, духовного и композиционного центра картины. Заметим, что на картине «Христос в пустыне» мы также не видим Христову Лица, он дан в три четверти, уклончиво. Являвшаяся Крамскому фигура не была Христом, что он и сам пони-

мал... Встречи со Христом не гуманистических и моральных интерпретаций, а с реальным Христом церковной традиции, основавшим саму эту традицию, двухтысячелетнюю Церковь, не произошло. Также, как не произошло ее и у А.А.Иванова³⁶, почему последнему так и не удалось закончить свою знаменитую картину. Крамской хочет объяснить свое видение человечества с точки зрения последней Христовой правды, а сам Христа не видит...

Однако во всей долголетней, изнуряющей, высасывающей все соки жизни и таланта работе по созданию портретов, которую сам художник считал чуть ли не каторгой, он все глубже вглядывается в человека, ведет с ним диалог, все полнее постигая отблески образа Божьего в человеке, приближая тем самым и нас, и себя ко Христу.

ших тему исторического Христа, и находился под их духовным влиянием.

35 П.М.Третьякову. С.-Петербург, 15 января 1883// Крамской И.Н. Письма. 1876 – 1887. Том II. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. С. 251.

36 На эту тему см, например: Охочимский А. Александр Иванов и внутреннее христианство (<https://proza.ru/2018/02/08/2232>. Время просмотра – 10.11.2020).

IVAN KRAMSKOY. THE ARTIST'S RELIGIOUS DRAMA

Part III. Portraits

Katasonov Vladimir Nikolaevich,
DSc in Philosophy, DSc in Theology;
Professor of Ss Cyril and Methodius Theological Institute
of Post-Graduate Studies in Moscow
str. Pyatnitskaya, 4 / 2S1, Moscow, Russia.
E-mail: vladimir15k@mail.ru

Abstract

The article analyzes the philosophical and theological aspects of the portrait work of I. N. Kramskoy. The author discusses the views of the artist's contemporaries on portraiture: N. V. Gogol, L. N. Tolstoy, I. S. Turgenev.

Keywords

Portrait, photograph, face, personality, Christian realism.

RAR
УДК 7.01
ББК 85.1
10.34685/НИ.2021.33.2.005

ЭПИГРАФИКА И ИКОНОГРАФИЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ Б. ЗВОРЫКИНА К «БОРИСУ ГОДУНОВУ» ПУШКИНА

Марков Александр Викторович,
профессор кафедры кино и современного искусства
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
ул. Чаянова, д. 15, Москва, 125047.
ResearcherID: Q-7934-2016
ORCID: 0000-0001-6874-1073
E-mail: markovius@gmail.com

Аннотация

Иллюстрации Б. В. Зворыкина к произведениям Пушкина, предназначенные для западного читателя, вписывают его произведения в представления о средневековом и ренессансном искусстве. Если иллюстрации к «Сказкам» Пушкина декоративны, то иллюстрации к «Борису Годунову» интерпретативны. В этих иллюстрациях выстраивается отдельный сюжет катастрофического развития событий в случае отступления от христианства, амбиции самозванца рассматриваются прежде всего как антицерковные. При этом Зворыкин свободно обходился с церковной символикой, сближая церковное искусство с народным и предпочитая историческую точность риторической выразительности.

Ключевые слова

Книжная иллюстрация, книжный дизайн, Пушкин, иконопись, «Борис Годунов».

Борис Васильевич Зворыкин (1872–1942) был одним из ведущих художников национального стиля, наравне с И. Билибиным, братьями Васнецовыми, Н. Рёрихом и другими. Он был и фактическим организатором в 1915 г. Общества возрождения художественной Руси, которое должно было объединить по возможности всех художников, приверженных русскому стилю в живописи и дизайне. Начиная Зворыкин как оформитель книг, по преимуществу в издательстве И. Д. Сытина, но по-настоящему поворотным для него проектом стало участие в росписи Феодоровского Государева собора в Царском селе, воздвигнутого к 300-летию Дома Романовых и оказавшегося последним большим памятником предреволю-

ционного русского стиля. Феодоровский собор создавался как продуманное целостное произведение искусства – даже служители в соборе ходили в костюмах стрельцов по эскизу В. Васнецова, а широкое использование мозаики, тканей, цветных росписей, создало новый стандарт декоративности, который в полной мере проявляется и в иллюстрациях Зворыкина 1920-х годов. Обосновавшись с 1921 г. в Париже, он уверенно занял место на рынке роскошных изданий¹, и издания

1 Сеславинский М. В. Французская книга в оформлении русских художников-эмигрантов (1920-1940-е гг.): дисс.... канд. ист. наук. М., 2010.

«Сказок» Пушкина² и трагедии «Борис Годунов»³ и составили его славу на Западе.

Первая оформленная им пушкинская книга для западного рынка, «Золотой петушок и другие сказки», указывает как на источник вдохновения иллюстраций на «русские миниатюры XVI и XVII века», а при этом заставки, буквицы и другие элементы оформления «следуют орнаментированию любой рукописи этой эпохи русского Ренессанса». Иначе говоря, русское искусство вписывается в европейскую схему, где догрозненское время отвечает высокому средневековью, а время, в том числе действия «Бориса Годунова» – это ренессансное искусство с его яркостью красок и изощренностью в композиционных симметриях. В оформлении «Бориса Годунова» он создал то соединение иконописной статичности и театральной экспрессии, которое определило последующие программы иллюстрирования этой трагедии в эмигрантской живописи⁴. Цель нашей статьи – выяснить, как именно эта программа сложилась, и какую роль в этой программе сыграли иконология, осмысленное воспроизведение средневековых живописных сюжетов и эпиграфика, создание надписей, которые должны помочь считывать эти сюжеты.

Парадоксом здесь является то, что французский читатель явно не мог прочесть русские или церковнославянские надписи, поэтому они часто представляют собой заведомо нечитаемые тексты. Но при этом сам факт их появления оказывается важен, они показывают наличие некоторого сообщения, которое может быть не менее загадочно, чем иконописное сообщение, но позволяет выстроить форму. Метод настоящего исследования – сопоставление иконологических и эпиграфических данных, что именно показано и написано, как это соотносится с популярным в целом характером книг, несмотря на их дороговизну,

посвящающих в азбуку русской культуры, и как этот показ и позволяет выстроить общий сюжет, который интуитивно угадывается читателем, знающим очень поверхностно основные признаки древнерусской культуры. Такой метод позволяет реконструировать, как вводится в эти иллюстрации собственное сообщение русской культуры, определенные концепции церковности и власти, важные и для понимания пушкинской трагедии.

Иллюстрации к сказкам Пушкина, подписанные еще кириллицей «Б. З.», а не «В. З.», как к «Борису Годунову», почти не имеют надписей, за редкими исключениями, как коронованная кириллическая Д, как вензель царя Додона, хотя при этом в маргиналиях Зворыкин использует кириллицу, например, сокращение «зач[ало]» и нумерацию иллюстраций старославянскими цифрами, позволяя вообразить читателю, что он или она держит в руках оригинальный древнерусский пергамент. Но при этом знаки, близкие буквам, есть, например, на подпругах свода тронного зала, в котором сидит Старуха-Царица из «Сказки о рыбаке и рыбке», мы видим знаки зодиака: рыбы, овен, телец и вдруг лев, с пропуском близнецов и рака (Илл. 1). Вероятно, это имитация индивидуального гороскопа старухи как последовательного пути от жены рыбака к королю-солнцу. Но также мы находим на иллюстрации британских шитодержателей льва и единорога (зверей, востребованных в псевдорусском стиле, можно вспомнить единорога и грифона на портале работы Владимира Покровского и Петра Ваулина для Русского па-

Илл. 1. Старуха-царица. Иллюстрация Б. Зворыкина к «Сказке о рыбаке и рыбке». Фрагмент.

- 2 Pouchkine, A. Le Coq d'or et d'autres contes / illustrés par B. Zworykine; traduction française de N. Andreieff. Paris: l'Édition d'art H. Piazza, 1925. 192 с.
- 3 Pouchkine, A. Boris Godounov / l'illustration et la décoration de l'ouvrage ont été exécutées par Boris Zworykine; traduction française de A. Baranoff. Paris: L'Édition d'Art H. Piazza, 1927. 135 с.
- 4 Капица В. Ф. «Книга художника» – творческий союз писателя и художника («Борис Годунов» А.С. Пушкина и В.И. Шухаева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 5. С. 36.

Илл. 2. Пир у Гвидона. Фрагмент.

вильона на гигиенической выставке в Дрездене 1911 г.), держащих окно зала, причем охраняют ее мавры с алебардами – намек уже не на царские, а на императорские амбиции старухи.

Также на финальной иллюстрации, изображающей пир у Гвидона, на парусах свода есть медальоны с изображением неизвестной мученицы с пальмовой ветвью в красной одежде и неизвестного святителя в белом клобуке (Илл. 2), с принципиально неразборчивыми надписаниями – конечно, это знаки наличия династии, среди членов которой в том числе могут быть лица, названные в честь мучеников, и столичности города, собственной митрополичьей кафедры. Неразборчивая надпись оказывается легитимацией этого имперского династического статуса. Город Гвидона однозначно изображен как Москва, с двуглавыми орлами на башнях и на знаменах в его дворце, при этом двуглавые орлы есть даже на двери в келью трех девиц, которые тем самым оказываются уже самим сватовством приняты в царскую династию. Также у Додона золотой петушок становится еще и гербом (Илл. 3), с широко распростертыми крыльями и распушенным хвостом, как на русском гербе в Царском Титулярнике 1672 г., явно вдохновившем большинство флористических украшений и той, и другой книги Зворыкина. Таким образом, программа иллюстрации Сказок Пушкина должна показать всё царское и царственное не как образ далекой русской экзотики, не как что-то далекое, но как часть общеевропейского процесса борьбы за имперское наследство, включающую в себя утверждение изощренных династических принципов.

«Борис Годунов», переведенный, как и сказки, прозой, оказывается как раз трагедией, показывающей кризис борьбы за это имперское наслед-

ство, невозможность такой борьбы, если она не считается с высшими законами, с евангельским милосердием и церковностью, которая несет милосердие. Если в Сказках с их условным миром Пушкин показывал, как милость и жажда истины пробуждаются в отдельных героях, то в более раннем «Борисе Годунове» он говорил о церковности как начале, без которого невозможно открытие истины в истории. Поэтому иллюстрирование трагедии стало для художника следующим этапом – не раскрывать царство как условную империю, но показывать, как царство само может быть оправдано только праведностью. Особенностью этого издания является, что графически отделяются новой страницей и декоративными элементами не главы, а даты (или указания географических мест, как «Краков»), которые у самого Пушкина идут после обозначения места самой сцены, пространства в узком смысле. Это сделано явно в расчете на западного читателя, которому

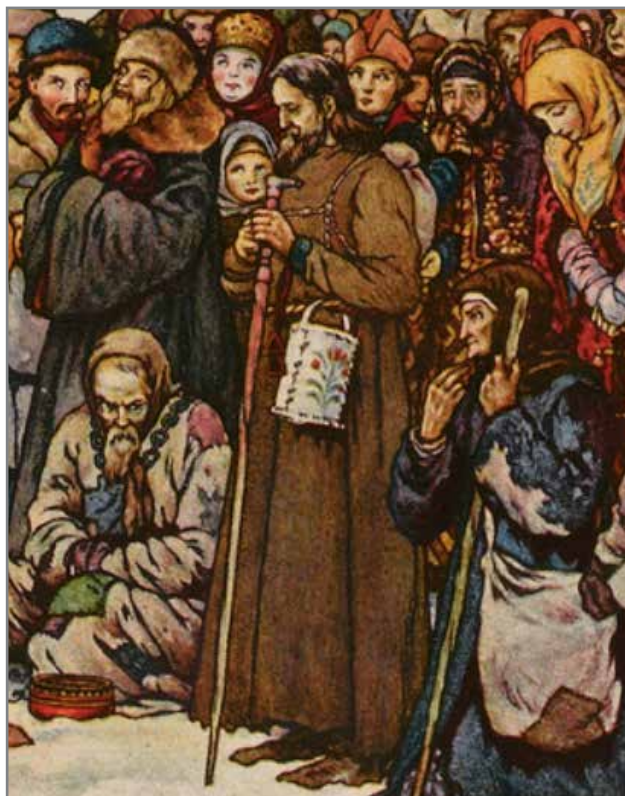

Илл. 3. Золотой петушок в качестве герба. Фрагмент.

имя Бориса Годунова ничего не говорило и которому надо было несколько раз напомнить, в какое время происходят события. В этой книге иллюстрации также даны как вклейки, не нумерованы, и поэтому мы даем в качестве ссылок не отсутствующую пагинацию, а только указание, к какому эпизоду они относятся.

Знакомство с иллюстрациями к «Борису Годунову» сразу показывает укорененность художника в традициях русской исторической станковой живописи. Так, на изображении к сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь» сам монастырь показан в том виде, который он получил только при царице Софье, включая нижнюю часть двойных колонн композитного ордера надвратной церкви Преображения, которых не могло быть ни при Борисе Годунове, ни даже много позже. При этом многие персонажи в толпе представляют собой оммаж картине В. Сурикова «Боярыня Морозова» (1887): нищий и нищенка тоже оказались на переднем плане, а в толпе мы узнаём один-один и суриковскую монахиню, и молодую боярыню, и пожилую горожанку, полузакрывшую рот платком (Илл. 4). Персонажи Сурикова перерисованы со всеми подробностями выражений лиц и одежды, только расставлены иначе – можно сказать, они превращены в ходовых персонажей русской жизни, которых можно запросто поместить в другую композицию, ничего не меняя, что позволит, как мы увидим, обособить и изображения святых как историсофски ключевые. А иллюстрация к сцене «Красная площадь» заимствует ракурс и стиль изображения Кремля с другой знаменитой картины Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881), сохраняя и общую треугольную композицию толпы, правда, населив ее другими персонажами.

Изображение польского мира опирается не на традиции станковой живописи, но скорее, романтической иллюстрации. Так, изображение к сцене в уборной Марины Мнишек (в списке иллюстраций просто «Марина»), не вошедшей в окончательную авторскую редакцию пьесы, но включенной в этот перевод, где она надевает алмазный венец, изображает комнату в замке с розами в вазе и шпалерами на стене – вполне можно подумать, что это иллюстрация к любому западному роману из средневековой жизни. Вероятнее всего, эта сцена появилась под влиянием оперы Мусоргского (первая картина третьего действия), но в композиционно-пространственном решении

Илл. 4. Девичье поле. Фрагмент.

очевидны традиции иллюстрированных исторических романов больше, чем оперных сцен. Все присутствующие изображены в условно «средневековых» городских одеждах, не в одеждах слуг, а на одной из шпалер с изображением охотничьих сцен дана надпись *ochota* (Илл. 5). По-польски это слово значит «влечение», «охота» на животных лучше перевести *rogoń* (преследование), *myślistwo* (охотничий промысел) или *łowiectwo* (ловля), не вполне ясно, есть ли в этом намек на любовный характер сцены, но это подтверждение того, что надписи должны говорить не столько о содержании сцен, сколько придавать им дополнительную прагматику, как это и было нормой в средневековой культуре, где надпись означала освящение иконы или поучительность миниатюры. При этом польское как драматическое, а не романное, всякий раз выносилось Зворыкиным за скобки. Так, сцена «граница литовская» с Курбским и Самозванцем отличается как раз отсутствием чего-либо польского (Илл. 6): мы видим бородатое ополчение в самодельной обуви с такими же самодельными каплевидными щитами без опознавательных знаков, на фоне совершенно билибинского леса. Тем самым польское как бы за-

ранее подчинено законам исторического романа, где есть таинственные замки и народные ополчения, но не собственно пушкинской драматургии, вся тяжесть которой ложится на мир московского православия.

Илл. 5. Сцена в доме Вишневецких. Фрагмент.

Здесь как раз целый ряд иллюстраций озадачивает, но их правильное понимание и позволяет понять, какая концепция пушкинской трагедии подразумевалась художником. Прежде всего, это сцена в Чудовом монастыре, со спящим Отрепьевым, над которым на стене по правилам салонной развески помещена икона Георгия Победоносца (где он развернут геральдически влево, что было привычнее французскому читателю), тогда как другие иконы, малая икона Спасителя и большая икона двух святителей, один из которых с посохом, а другой – с книгой, помещены на печку, опертые на ларь и другой скарб (Илл. 7). Такое невозможно представить себе в монашеской келье, как и разные дорогостоящие кувшины и блюда в быту скромного монаха.

Но всё встаёт на места, если мы начинаем вспоминать Феодоровский царский собор: поза Георгия, цветовая гамма, с зеленым драконом, шрифт надписи оказываются скопированы с мозаики над входом в собор. Те же цветовые и жестовые решения, но уже с нашим разворотом влево и нашим положением ног коня, мы находим на плакате Звoryкина «Русь, зло мира попирающая» (1916). Тем самым это изображение оказывается теснее всего связано с судьбами царствующих династий, предвещающая притязания Самозванца на принадлежность

Илл. 6. Граница Литовская. Фрагмент.

Рис. 7. Келья в Чудовом монастыре. Фрагмент.

к династии и обличая их ложность, ибо вид самого самозванца совсем не иконописный. Изображение уместных в Чудовом монастыре московских святителей (вероятно, Петра и Алексия, хотя точно

сказать, кто это, невозможно из-за того, что одежды и атрибуты почти не просматриваются, могут быть и основатели какого-то крупного монастыря, существование которого значимо для всей страны) и собора между ними тогда должно означать, что святительство благословляет царство, и что царские амбиции Самозванца и желание угодить народу заранее обречены из-за их нецерковности. На заставке к этой сцене (с. 27), заметим, необычным образом изображен огненный шестокрылый Серафим с крестчатым нимбом (Илл. 8), как на иконах изображается только Спас, в чем можно видеть попытку превратить русскую иконопись, как и русскую церковную архитектуру, в ресурс стиля, интенсивного погружения в культуру изучаемой эпохи, но также усилить и церковность самого декора, показав в нем богословскую семантику, а не только орнаментальную игру.

Илл. 8. Заставка. Фрагмент.

Иконы, тоже оказавшиеся вовсе не на почетном месте, мы видим также в сцене «Царские палаты». Как мы и ожидаем из текста Пушкина, Феодор Годунов чертит географическую карту, а Ксения Годунова держит в руке портретную миниатюру, которая видна только ей одной. При этом под картой лежат предшествующие образцы каллиграфического искусства Феодора – переписанное начало Евангелия от Иоанна, и живописного искусства – изображение Архангела с копьем, почему-то в левой руке; скорее всего, это нарочитая небрежность. Ключом к этой сцене оказывается крайняя слева икона (Илл. 9), с изображением Константина и Елены как изнесших Древо Креста.

Илл. 9. Сцена в царских палатах.
Фрагмент: Феодор Годунов

Крестообразный узор васильков мы находим на платье мамки, там васильки как царские цветы по греческому значению названия, также есть кресты на лампадах, но больше их нигде нет. В отличие от торжественного выхода Бориса Годунова, где на его одеждах сплошные крестообразные узоры, двуглавые орлы на туфлях и крест-энколпий на шее, здесь в частной обстановке на нем не видно ни одного креста. Тем самым оказывается, что первые христианские правители как бы оставлены в стороне, мир семьи Бориса Годунова довольно секуляризован, это не поднятие Креста, а исключительно мир земных замыслов, которые терпят поражение – по своим психологическим качествам Борис Годунов не смог до конца стать равноапостольным как император Константин.

Еще одно несомненное влияние Феодоровского собора мы видим в сцене в кремлевском соборе, которая собственно у Пушкина не дана, поскольку в театре она никак не могла бы быть поставлена, хотя в трагедии патриарх служит дважды: молебен перед призванием на царство и вечную память Димитрию. В списке иллюстраций (с. 135) эта вклейка обозначена просто «Патриарх». Эти две сцены здесь явно совмещены, и совмещение приводит к шмарным анахронизмам: патриарх благо-

словляет, причем новообрядческим жестом, а за ним стоит священник в митре – но награждать священников митрами стали только при Екатерине II (Илл. 10). Такие грубые нарушения всех археологических правил со стороны профессионального иконописца сочетаются и с необычным появлением ростовых ангелов в композиции Спас в Силах, но поза этого ростового ангела и колористика, цветные яркие одежды и цветные крылья, взята, судя по всему, как раз с мозаики парадного входа Феодоровского собора.

Илл. 10. Сцена в Успенском соборе. Фрагмент.

Также и при изображении экстерьера собора, в сцене, где Борис Годунов вышел из собора, ангелы на фреске тоже оказываются слишком наклонены, в чем можно видеть эмоцию, скорее, композиции мозаики Феодоровского собора, чем средневековой живописи Успенского собора Кремля. В иконостасе оказываются смещены и таблички праздников относительно их действительного положения в иконостасе Успенского собора, чтобы мы видели Распятие, Положение во Гроб и Воскресение. Фактически такая иконографическая композиция означает, что патриарх берет на себя во все времена ответственность за страну, там где нет царя или царь не справляется, не потому что он выше царя, а потому что бывают ситуации отсутствия царя – возможно, это стало результатом размышлений художника о роли патриарха Тихона в первые годы после революции. На этой вклейке патриарх бородой и чертами лица напоминает именно Тихона, а вовсе не Иова, и изображена явно служба, которая могла состояться

в 1917 году, с протопресвитером в митре и николаевским благословением.

Наконец, сцена «Царская Дума» еще необычнее: патриарх (по сюжету Пушкина) или какой-то еще представитель духовенства изображен как схимник, на аналаве которого приведены слова из Пс. 39: «Постави, Господи, на камени нозе мои», «камени» написано небрежно, почти как «колени». Но тоже всё встаёт на свои места, если мы сочтем этот эпизод зеркальным по отношению к сцене в келье: там Пимен пишет летопись на свитке (условность, он, конечно, писал в кодексе), который свисает декорированным началом, тогда как здесь документ свисает другим концом, печатью. Там было на иконе два святителя, между которыми стоит храм, основатели государства, а здесь один святитель, между двух храмов на центральном медальоне на своде (Илл. 11). Иначе говоря, прежний политический проект подошел к концу, уже молитвы святителей не могут поддержать порядок в государстве, и любой деятель церкви сам должен молиться о милости, чтобы остаться самому в живых и как-то сохранить государство.

Илл. 11. Царская дума. Фрагмент.

Сцена финальной иллюстрации, «Пленники», изображает деревянный терем, в который заточены Годуновы, взятый как будто с изображений деревянного московского Кремля Аполлинарием Васнецовым, с добавлением колорита Рёриха. При этом народ перед теремом стоит вовсе не московский, а крестьянский. Иначе говоря, официальный мир с победой Самозванца закончил существование, достроенная как раз Борисом Годуновым колокольня Ивана Великого дана не рядом, а на горизонте, в отдалении (Илл. 12) – мир, создан-

Илл. 12. Пленники. Фрагмент.

ный этим царём, как бы уходит, хочет скрыться за горизонт. Таким образом, общая идея Зворыкина становится понятна: любая секуляризация без милости приводит к краху, духовенству приходится брать на себя предельное напряжение ответственности за состояние людей, и возрождение этого мира возможно не когда установится новая династия, но когда несколько святителей благословят

порядок в государстве. Итак, мысль Зворыкина оказывается целой программой для русской эмиграции, и, обращаясь к французскому читателю, Зворыкин объяснял, как мир Руси был вообще построен и благодаря чему он может сбыться и в изображении, и в самой жизни.

Список литературы

1. Капица В. Ф. «Книга художника» – творческий союз писателя и художника («Борис Годунов» АС Пушкина и ВИ Шухаева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 5. С. 34-38.
2. Сеславинский М. В. Французская книга в оформлении русских художников-эмигрантов (1920-1940-е гг.): дисс.... канд. ист. наук. М., 2010. 431 с.
3. Pouchkine A. Le Coq d'or et d'autres contes / illustrés par B. Zworykine; traduction française de N. Andreieff. Paris: l'Édition d'art H. Piazza, 1925. 192 с.
4. Pouchkine A. Boris Godounov / l'illustration et la décoration de l'ouvrage ont été exécutées par Boris Zworykine; traduction française de A. Baranoff. Paris: L'Édition d'Art H. Piazza, 1927. 135 с.

EPIGRAPHY AND ICONOGRAPHY OF ILLUSTRATIONS BY B. ZWORYKIN TO "BORIS GODUNOV" BY PUSHKIN

Markov Alexander Viktorovich,

DcS, Professor at the Department of Cinema and Contemporary Arts
Russian State University for the Humanities (RSUH),
Street Chayanova, 15, 125047, Moscow, Russia.

Researcher ID: Q-7934-2016

ORCID: 0000-0001-6874-1073

E-mail: markovius@gmail.com

Abstract

Boris Zvorykin's illustrations to Pushkin's works, intended for the Western reader, fit his works into the idea of medieval and Renaissance art. If the illustrations for Pushkin's Fairy Tales are decorative, the illustrations for Boris Godunov are interpretive. In these illustrations, a separate plot of the catastrophic development of events as a result of secularisation, the ambitions of the Impostor are viewed primarily as anti-Church. At the same time, Zvorykin dealt with fantasy with church symbols, bringing church art closer to folk art and preferring historical accuracy to rhetorical expressiveness..

Keywords

Book illustration, book design, Pushkin, icon painting, Boris Godunov.

RAR
УДК 7.03
ББК 85.7
10.34685/НП.2021.33.2.006

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ ЭСТРАДНОГО БЫТОВОГО РАССКАЗА

Сариева Елена Анатольевна,
кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник ФГБНИУ
«Государственный институт искусствознания» (ГИИ),
Россия, Москва, 125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5,
доцент кафедры Эстрадного искусства ФГБОУ ВО
"Российский институт театрального искусства – ГИТИС",
Россия, Москва, 125009, Малый Кисловский переулок, д. 6,
E-mail: easarieva@mail.ru

Аннотация

Прослеживается появление в 1870–х годах жанра «еврейского» рассказа и дальнейшее его бытование на концертной эстраде в творчестве артистов Пав.И. Вейнберга, Д.А. Богемского, Б.С. Борисова, Вл.Я. Хенкина, Л.О. Утесова и др. Автор показывает, как на низовом уровне культура еврейского местечка со своим традиционным укладом, национальным самосознанием влиялась в общероссийскую культуру и обогащала ее своеобразным юмором, мелодикой речи, живостью языка, приемами актерского перевоплощения.

Ключевые слова

Театр, эстрада, «импровизационный» рассказ, «еврейский» жанр, «еврейский» рассказ, «акцентированный» рассказ, Пав. И. Вейнберг, разговорный жанр.

Во второй половине XIX века на концертной эстраде появился и утвердился короткий бытовой «импровизационный» рассказ благодаря творчеству выдающихся артистов М.С. Щепкина, П.М. Садовского и И.Ф. Горбунова. Из короткого бытового рассказа в 1870–е годы выделился особый тип рассказа – «еврейский рассказ» (или рассказ «из еврейского быта»). Сразу замечу, что это были рассказы не только из еврейского быта, но также из быта немцев, греков, армян, малороссов, татар, населявших в XIX веке многонациональную Россию. Поэтому, уже в советские годы, когда исполнение таких рассказов со сцены запрещалось, в документах и постановлениях они назывались «акцентированными».

У истоков «еврейского рассказа» стоял Павел Исаевич Вейнберг (1846–1904), младший брат Петра Исаевича Вейнберга (1831–1908) – поэта, ученого, издателя, редактора, переводчика, в молодые годы – одного из авторов «Искры», публиковавшегося под псевдонимом «Гейне из Тамбова». Родители Пав.И. Вейнберга были этническими евреями, принявшими православие в 1830 году. Семья жила в многонациональной Одессе – культурном центре обширного юга Российской империи. Отец Исай Семенович, нотариус по профессии, страстно любил театр, в их одесском доме давались любительские спектакли. Пав.И. Вейнберг рано обнаружил способность к пародированию,

но и смешно имитируя говор одесских обывателей – евреев, греков, армян.

Будучи гимназистом, в 1856 году в одном из любительских спектаклей он выступил в качестве рассказчика и имел большой успех. После гимназии Пав.И. Вейнберг служил на железной дороге и по приглашению антрепренера Фолетти исполнял рассказы в дивертисментах и на открытых сценах. Когда в Одессе был открыт русский театр, он вступил в труппу Н.К. Милославского. Артист Г. М. Ярон вспоминал молодого Пав. И. Вейнберга в трех ролях – Хлестакова в «Ревизоре», англичанина Джона в водевиле С.О. Бойкова «Купленный выстрел» и Янкеля в героической комедии «Маркитанка» Н.В. Кукольника. Он утверждал, что Пав.И. Вейнбергу наиболее удалась роль Янкеля, «как и следовало ожидать». Молодому артисту сильно вредил голос – «какой-то визгливый, резавший слух». «И странное дело, этот же голос вполне подходил к еврейскому акценту, при передаче рассказов»¹, – пишет Г. М. Ярон. Почуввав свое призвание и окрыленный первым успехом, Пав. И. Вейнберг собирает репертуар. «Вейнберг обладал особенной способностью собирать анекдоты, из которых им и составлялись сцены и рассказы. За хороший анекдот Вейнберг не отказывался даже платить, а если эти анекдоты передавались ему приятелями, он вместо денег, дарил обыкновенно на память галстук»², – свидетельствует Г. М. Ярон. Пав. И. Вейнберг приобрел широкую известность очень быстро не только в Одессе, но за ее пределами и даже в столицах, куда регулярно выезжал на гастроли. (Илл. 1.)

Благодаря ему на низовом уровне культура еврейского местечка со своим традиционным укладом, национальным самосознанием вливалась в общероссийскую. «Вейнберг пользовался большими симпатиями публики, как прекрасный рассказчик и имитатор русской речи, произносимой евреями, немцами, греками, армянами и другими народностями, живущими в России, – без всякой шаржировки»³, – писал историк литерату-

Илл. 1. Павел Исаевич Вейнберг.

ры А.М. Фемелиди. Несмотря на это, Пав.И. Вейнбергу не везде оказывался одинаково восторженный прием, особенно среди еврейского населения. Сам Пав. И. Вейнберг относился к этим скандалам довольно равнодушно и превращал такой скандал в очередной юмористический рассказ.

В 1870 году Пав.И. Вейнберг впервые издал в Петербурге сборник своих рассказов и анекдотов «Сцены из еврейского быта». Под разными названиями они выходили в Москве и Петербурге в 1871–1896 годах. В 1896 году вышло последнее, восьмое издание – «Полное собрание рассказов и сцен» (СПб.).

Первому изданию «Сцен» Пав. И. Вейнберга пресса прочила провал. «Представьте себе, читатель, книжку, состоящую из 125 страниц и не дающую вам ничего другого, кроме пошлого передразнивания евреев, говорящих ломаным русским языком. По нашему мнению, это так же

литературы и искусства (1904–1936) «Русские писатели»// РГАЛИ. Ф. 626, Оп. 1, Ед. хр. 5. С. 436–437.

1 Ярон С.Г. Воспоминания о театре (1867–1897). – Киев, 1898. С. 49.

2 Ярон С.Г. Воспоминания о театре (1867–1897). Киев, 1898. С. 50.

3 Фемелиди А.М. Энциклопедия литературы и искусства. Био-библиографический справочный словарь русской

занимательно и интересно, как пение петухом и хрюканье»,⁴ – писал столичный журнал «Дело». «Вейнберг вообразил, что его рассказы...достойны будто бы того, чтобы им явиться в образе брошюры.....За что же, за тощенькую брошюру назначать цену – рубль?»⁵ – возмущался «Сын Отечества». Тем не менее, первый сборник ждал «сногшибательный успех» – трехтысячный тираж разошелся за два месяца.

Короткие сценки из еврейской жизни, практически анекдоты, с участием двух-трех персонажей, построены на диалогах. Подобно И. Ф. Горбунову Павл.И. Вейнберг записал их фонетически. Но комический эффект создавался не столько благодаря акценту, неправильному употреблению слов или неверному построению фразы. Колоритные зарисовки из еврейского быта полны забавных и метких наблюдений. Типичные жители еврейского местечка переносят тяготы жизни со свойственным им жизнелюбием, наивным простодушием и предпримчивостью.

Один из рассказов так и называется – «Наблюдение из жизни». События разворачиваются на Одесской железной дороге. На станции Раздельной поезда расходятся в одно и то же время в разные стороны. Один идет по прямой линии в Елизаветград, другой поворачивает налево, в Кишинев. «Еврей отворяет окно, высовывается и кричит во все горло:

– Гашпадин кондукттор! Каравул! Держите левой! Мне надо ехать на Кишинев! Ради бога, держите левой!

В вагоне раздается хохот. Бедный еврей приходит в совершенное отчаяние».

В другом «Нежная мать» – старая еврейка, волнуясь за сына, который «должен идти в шалдаты» на русско-турецкую войну, просит генерала: «Нехай ему лучше турки сюда присылають, он вам восемь турки с удовольствием убьет...». Преступник-еврей (сцена «В суде»), попавшись с ворованными бриллиантами, просит председателя окружного суда отложить его дело на семь дней, потому что отсутствует адвокат. «Что же он может сказать в вашу защиту?» – спрашивает председатель суда. «Мине самому уже интересно узнавать, что он после этого можить сказать в моего защита», – резонно замечает находчивый

еврей. В сценке «Приручили» еврея спрашивают о новом начальнике полиции. «Был очень сердитый. – А теперь? – Теперь? Теперь вже из рук кушает». В маленьком рассказе «Овес» еврей везет на повозке полные мешки. «Что везешь? – Овес, – отвечает он шепотом. – Что так тихо говоришь? – Чтобы, часом, моя коняга этого не услышала. Потому она давно уже этого не кушала, чтобы она теперь не захотела попробовать». «Юмор Павла Вейнберга окрашен сочувствием к маленькому человеку из “местечка”, его неутомимой борьбе за выживание»⁶, – отмечает Е. Д. Уварова. Даже просто читая эти рассказы, попадаешь под обаяние персонажей. Если прибавить местечковый говорок, мимику, выразительные жесты, понимаешь, что перед слушателями проходил целый мир еврейского местечка, со всеми своими обывателями – молодыми и старыми, умными и не очень, бедными и зажиточными, мужчинами и женщинами. (Илл. 2.)

Илл. 2. Пав. И. Вейнберг в гриме старой еврейки.

4 Новые книги//Дело. 1870. № 7. С. 109.

5 Русская литература//Сын Отечества. 1870. № 167. С. 4.

6 Уварова Е.Д. Истоки российской эстрады. М., 2013. С. 26.

Рассказы на «околотеатральные» темы тоже имелись в репертуаре Пав.И. Вейнберга. Можно догадаться, что посетителями театра были евреи, в красках рассказывающие о незабываемых впечатлениях своим собратьям. Герой рассказа «Елена Прекрасная (рассказ еврея)» с гордостью сообщает, что «видал, как люди представляли...вше от греческой филологии». На вопрос Елены – «за что в море бывает саленая вода!» только Париска, смог дать правильный ответ: «в море бывает саленая вода зато, что там плавают очень много селедки». «Это умная голова, это мальчик! Никто не мог сгадать, а он сгадал; наверно, из евреев», – делает вывод любитель оперетты. Подобным образом звучала в устах другого еврея интерпретация оперы «Руслан и Людмила». «Когда ше покушали, – рассказывает еврей из Бердичева, – та король вштавал и шказал: “Милый шин Рушлан, вот тебе моя дочка и двадцать тысяч в приданое, только шделай милость, будь хороший муж и ни шпорти мне моя Людмила!” Та Рушлан шказал: “Бог з вами, милый папынька, что я разве дите, только пожалуйте деньги вперед“».

Вызывает недоумение отношение некоторых современников, признающих рассказы и сцены Пав.И. Вейнберга юдофобскими. Среди них – А.М. Горький. Переехав в 1884 году из Нижнего Новгорода в Казань, будущий пролетарский писатель услышал на открытой сцене городского сада столичного рассказчика–гастролера – Пав.И. Вейнберга. «Таких анекдотистов, – писал впоследствии А.М. Горький, – было, мне кажется, особенно много в восьмидесятых годах. Весьма славился Вейнберг...Постыдному делу распространения антисемитизма в массах весьма сильно способствуют сочинители и рассказчики “еврейских анекдотов“». Такую резкую оценку в общем–то невинных рассказов Пав.И. Вейнберга диктовало время – волна еврейских погромов прокатилась в 1880–х года по всему югу Российской империи. Однако сам А.М. Горький признавался: «Мне нравилось слушать его рассказы, – рассказчик он был искусный...»⁷.

Во множестве рассказов Пав. И. Вейнберг верно улавливал менталитет представителей других национальностей и их реакцию на определенные события или создавшуюся ситуацию,

по незначительным поводам высказывающих свои «авторитетные» суждения. В рассказе «Астрономия» собеседник спрашивает у немца, любит ли он астрономию. «Да люплю, – отвечает немец, – только ни завсем понимает эта наук». – «Отчего–ж?» – «Потому, например, как накодиль разстоянье до звезды, – это я понимаю; но как ознафаль, как эта звезда назифается, – это я никак не могу понимать». Или рассказ, где армянин спорит с русским, что лучшие песни поют на Кавказе: «А у вас пэсны есть: “Возлы речка, возлы мост, трава растот!” У нас на Кавказе, пожалуста каждый ишак знает, что возлэ речка трава растот, а у вас это луди поют! Наши пэсны – грустный пэсны! У нас есть адын пэсны очинь грустный. Поем мижду прочим: “Стаит гора: на горе ишак стоит; дытэ малэнкий трава лежыт; ишак грустно кричыт, дытэ очинь плачит; возлэ малчышка бижыт!” Вот это пэсны! Сердцэ трогает такой пэсны!» Эти милые рассказы ни в коей мере не задевали ничьих чувств. Современники вспоминали Пав.И. Вейнберга, как человека доброго и неистошимо веселого: «У этого человека было столько юмору, что он был способен рассмешить даже мертвого»⁸.

В 1869 году Пав. И. Вейнберг дебютировал в Александринском театре, хотя в труппу вступил только в 1879 году. Служба в театре ограничивалась исполнением небольших характерных ролей и участием в дивертисментах. В 1891 году тяжело больной, он вынужден был покинуть сцену. Материальную помощь ему оказывали коллеги по театру, в 1902 году в пользу прикованного к постели Пав.И. Вейнберга давался спектакль в Александринском театре. После гоголевских «Игроков» шло концертное отделение, в котором приняли участие М.Г. Савина, М.Ф. Кшесинская, М.М. Петипа, С.Г. Легат, К.А. Варламов, И.В. Тартаков и др. Автор некролога в журнале «Театр и искусство», поставив Пав.И. Вейнберга в один ряд с И.Ф. Горбуновым, отмечал: «И тот, и другой были не просто рассказчиками. каких много, не обыкновенными актерами, а создали жанр, имели и имеют массу последователей»⁹.

7 Горький М. Заметки из дневника. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 164.

8 Вл. Л–ий. Памяти Павла Ис. Вейнберга//Театр и искусство. 1904. № 31. С. 570.

9 Вл. Л–ий. Памяти Павла Ис. Вейнберга//Театр и искусство. 1904. № 31. С. 570.

Действительно, в сборниках рассказов и сцен Пав. И. Вейнберга многочисленные продолжатели и подражатели черпали репертуар, занимательные сюжеты, отдельные сцены. После выхода первого сборника, тогда еще артист провинциальных театров В.Н. Давыдов начал исполнять его сценки наряду с рассказами И. Ф. Горбунова. «Меня как артиста увлекла задача достигнуть усвоения тончайших интонаций и типических мимических движений... В них не было ничего оскорбительного, это были наивные рассказы, ...и я рассказывал их в обществе, где было немало евреев, и никто никогда не обижался»¹⁰.

Грамофонные пластинки не сохранили для нас голос Пав.И. Вейнберга, он не записывался на пластинки. Некоторые его вещи можно услышать в исполнении других артистов, которые, как правило, были выходцами из еврейского местечка, хорошо эту среду знали и начинали свой артистический путь, выступая в «еврейском жанре». Можно найти и послушать в интернете знаменитую «Качку на пароходе» Пав. И. Вейнберга в исполнении рассказчика и куплетиста Дмитрия Анисимовича Богемского (Беркович, 1878–1931). Д.А. Богемский записывал «Качку» много раз, впервые – в 1899 году еще на фонографические валики. В 1909 году тираж грамофонных пластинок с «Качкой на пароходе» дошел до 20 тысяч, цифра по тем временам невиданная. Невозможно оценить, какой процент текста «Качки» принадлежит Пав.И. Вейнбергу, а что является отсебятиной Д.А. Богемского. Тем более, что «Качка» по точному замечанию Л.И. Тихвинской, представляет собой «фонетический анекдот» – текста в сущности нет. Вся игровая сценка состоит из набора междометий представителей разных национальных типов – немца, хохла, армянина, русского и еврея, которые по-своему переносят пароходную качку. Коммерческий успех записанной сценки Л.И. Тихвинская видит не столько в самой сценке и исполнении, сколько в универсальном комическом приеме, на котором она строится¹¹.

Еврейскую тему на эстраде Д.А. Богемский дополнил собственными сочинениями, в больших количествах записанными на грамофонные пластинки. Помещая своих героев в различные «предлагаемые обстоятельства», Д.А. Богемский создает в сущности хронику повседневной жизни «национальных меньшинств» в большом городе: «Травиата», «Гамлет» – впечатления еврея после театра, «Туманные картины», «Армянин в театре», «Рассказ фабричного», «Беспроволочный телеграф», «Еврейка у доктора», «Процесс Циперовича», «Браунинг», «Армянская свадьба», «Рассказ одессита», «Еврейская свадьба», «Проводы генерала», «Финансовый вопрос» и др.

Известный актер драматического театра, впоследствии один из корифеев советской эстрады Борис Самойлович Борисов (Гурович, 1873–1939) в детстве пережил еврейские погромы в родном Александровске (ныне – Запорожье). Об этом он упоминает в книге «История моего смеха», написанной в 1929 году (М.: Театропечать, 1929). Творчество Б.С. Борисова было действительно уникально, он освоил не только театральные (как ведущий актер московского театра Корша), но и практически все эстрадные жанры: был рассказчиком, куплетистом, мелодекламатором, автором, исполнителем романсов и песен П.–Ж. Беранже, имитатором и пародистом. По его инициативе и с его участием в театре Корша ставятся пьесы еврейских драматургов Я.М. Гордина, Шолома Аша. В 1908 году, как приглашенный, артист выступает в театре миниатюр «Летучая мышь» с рассказом С.С. Юшкевича «Еврейское счастье». (Илл. 3.)

Рассказ велся от лица старой еврейки Симы, Б.С. Борисов был загримирован и одет в черное платье с надвинутым на лоб черным платком. Женщина делилась странностями судьбы, рассказывала, что ее дочь Цилечка должна выйти замуж за Санчика, а мать Санчика – настоящая змея. А другая ее дочь забеременела, не будучи замужем, а сын, работающий провизором, «надорвался на работе». «Вы же знаете, когда еврей радуется? Когда находит то, что потерял. Такое еврейское счастье, а где я возьму другое?» – обращалась Сима в зрительный зал. В какой-то момент за нелепыми и смешными случаями из жизни проступала страшная, полная лишений жизнь в еврейском местечке. «Чем дальше, тем явственнее был слышен голос самого актера –

10 Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л.–М., 1962. С. 85.

11 Тихвинская Л.И. Фрагменты одной судьбы на фоне фрагментов одной культуры//Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 439.

Илл. 3. Борис Самойлович Борисов.

как будто горечь мешала ему изображать чужую боль. Сцена сохраняла интонацию живого повествования о событиях, свидетелем которых словно был сам актер Борисов – и вот теперь спешит поведать друзьям»¹². Сохранились записанные на граммпластинки «Рассказ еврея о “Гамлете”» и сценка Пав.И. Вейнберга «В еврейской корчме».

В еврейском жанре начинал карьеру будущий премьер московского театра сатиры, один из лучших рассказчиков на отечественной эстраде Владимир Яковлевич Хенкин (1883–1953). Еврейский репертуар Вл.Я. Хенкина был обширен и разнообразен – небольшие пьески, жанровые сценки, монологи, анекдоты, куплеты. В автобиографии Вл. Я. Хенкин позже напишет: «Опыт эстрады я переносу на сцену театра, театр мне помогает быть на эстраде не рассказчиком чистой воды, а актером, “играющим” тот или иной

рассказ».¹³ Исполняя еврейский репертуар, не только собственный, но и других авторов (в том числе, пронзительный монолог Шолом–Алейхема «У доктора»), Вл. Я. Хенкин прибегал к перевоплощению в своем стремлении передать правду характера, достоверный бытовой колорит. С 1911 года артист работал в театрах миниатюр, в том числе в Одессе, где еврейский жанр был особенно популярен. Живописный язык, богатство и напевность интонаций, забавные и надежные особой печалью колоритные персонажи привлекали публику и пленяли узнаваемостью. «Героем, от лица которого он рассказывал свои уморительные истории, стал одесский обыватель, мелкий коммерсант, “человек воздуха”».¹⁴ Постоянным успехом пользовались рассказы «В бане» и «Танцкласс». Биограф Вл. Я. Хенкина отмечает, что эти рассказы неизвестного автора были основательно переделаны Вл. Я. Хенкиным: «тормозящая повествовательность» убиралась, вместо нее появлялись реплики и диалоги. Впоследствии Вл. Я. Хенкин будет то же самое делать с рассказами М.М. Зощенко, «придавая им особую психологическую динамичность»¹⁵. (Илл. 4.)

Герой рассказа «В бане», добродушный и общительный пожилой еврей, сквозь поднимающиеся пары старается разглядеть среди голых тел своих знакомых, родственников, соседей и завязать разговор. Но сосед по лавке ошибочно принимает его за своего знакомого – Гидалевича и неожиданно обдает ледяной водой. «Зрителям казалось, что персонаж Хенкина стоит словно бы окруженный горячим влажным паром, который как бы смазывал, стирал черты людей, делал их блики расплывчатыми, когда действительно трудно узнать друг друга»¹⁶. Другой старый еврей в рассказе «Танцкласс» обучал молодежь танцам и одновременно хорошим манерам. Почти как в популярной одесской песне «Школа бальных танцев Соломона Пляра», которая тоже имела в репертуаре Вл. Я. Хенкина. Казалось, сцена вмиг наполнялась множеством

12 Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 350.

13 Разговорные жанры//Русская советская эстрада. 1917–1929. Очерки истории. М., 1976. С. 118.

14 Уварова Е.Д. Истоки российской эстрады. М., 2013. С. 30.

15 Булгак Л. Г. Владимир Хенкин// Мастера эстрады. М., 2003. С. 164.

16 Булгак Л. Г. Владимир Хенкин// Мастера эстрады. М., 2003. С. 164.

Илл. 4. Владимир Яковлевич Хенкин.

учеников и к каждому учитель танцев имел свой подход, к каждому обращался с особой интонацией: «Раз-два-три-четыре, затворите сквозняк, раз-два, кавалеры, делите дам пополам, раз-два, слушайте тапера, три-четыре, не берите ее за живот голыми руками, не сморкайтесь в занавеску, это вам не салфетка... Янкель, уберите руку, там уже не талия!».

Сценку «Дуэль» Вл.Я. Хенкин играл в Одесском театре миниатюр с начинающим Л.О. Утесовым. Его герой – Пинсухович, получил пощечину и вызвал на американскую дуэль своего обидчика. Суетливый секундانت Лейбович подгонял незадачливого дуэлянта: «Вы что, с ума сошли, почему вы дома? У вас же дуэль! – Са-

дитесь, пожалуйста. Ей-богу, понятия не имею. Мне это нужно? На когда назначена?.. Так я же опоздал. Слушайте, Лейбович, поезжайте и начинайте без меня». Суть американской дуэли сводилась к тому, что два дуэлянта при секундантах тянули жребий, кто из них совершит суицид (в России участие в американской дуэли наказывалось каторгой, согласно русскому уголовному уложению 1903 года). Несчастливый жребий выпадал Пинсуховичу. Но все заканчивалось вполне анекдотично – Пинсухович ухотил, раздавался выстрел и через секунду вновь появлялся, сияющий и довольный собой: «Слава Богу, промахнулся!» Благодаря игре двух блестящих актеров эта сценка (по сути – инсценированный анекдот) имела у одесской публики ошеломительный успех. Замечу, что в исполнении Л.О. Утесова «Одесские рассказы» И.Э. Бабеля найдут проникновенного исполнителя, хорошо чувствующего своеобразие и музыкальность бабелевской прозы.

Черта оседлости разрушится с началом Первой мировой войны, но интонации и живой язык еврейского местечка будут сохранять на эстраде следующие поколения рассказчиков и куплетистов. Как, впрочем, и других «национальных меньшинств». Достаточно вспомнить конференс и интермедии двуязычного эстрадного дуэта Ю.Т. Тимошенко и Е.И. Березина (Тарапунька и Штепсель), монологи тети Сони в исполнении Клары Новиковой, монолог «Дефицит» – «человека кавказской национальности» в исполнении А.И. Райкина, «Монолог одесской тетушки» Максима Галкина и других.

Список литературы

1. Булгак Л. Г. Владимир Хенкин// Мастера эстрады. М., 2003. С. 164.
2. Вл. Л-ий. Памяти Павла Ис. Вейнберга// Театр и искусство. 1904. № 31. С. 570.
3. Горький М. Заметки из дневника. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 164.
4. Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л.–М., 1962. С. 85.
5. Новые книги//Дело. 1870. № 7. С. 109.
6. Разговорные жанры//Русская советская эстрада. 1917–1929. Очерки истории. М., 1976. С. 118.
7. Русская литература//Сын Отечества. 1870. № 167. С. 4.
8. Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 350.

9. Тихвинская Л. И. Фрагменты одной судьбы на фоне фрагментов одной культуры//Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 439.

10. Уварова Е.Д. Истоки российской эстрады. М., 2013. С. 26.

11. Фемелиди А.М. Энциклопедия литературы и искусства. Био–библиографический справочный словарь русской литературы и искусства (1904–1936) «Русские писатели»// РГАЛИ. Ф. 626, Оп. 1, Ед. хр. 5. С. 436–437.

12. Ярон С.Г. Воспоминания о театре (1867–1897). Киев, 1898. С. 49

FORMATION OF THE GENRE OF "JEWISH" STORY ON THE CONCERT ESTRADA

Sarieva Elena Anatol'evna,

PhD (Art Science), St. researcher of State Institute of Art Science (SIAS),
Russia, Moscow, 125009, Kozitsky lane 5, E–mail: institut@sias.ru,
associate professor of department of Russian University of Theatre Arts – GITIS, Russia,
Moscow, 125009, Maly Kislovsky lane 6,
E–mail: info@gitis.net

Abstract

The article traces the appearance in the 1870s of the genre of the “Jewish” story and its further existence on the concert estrada in the works of artists Pav.I. Weinberg, D.A. Bohemsky, B.S. Borisova, V. Ya. Khenkina, L.O. Utyosova and others. The author shows how, at the grassroots level, the culture of a Jewish settlement with its traditional way of life, national identity merged into the all-Russian culture and enriched it with a kind of humor, melodic speech, liveliness of language, methods of actor's reincarnation.

Keywords

Theater, estrada, “improvisational” story, "Jewish" genre, "Jewish" story, "accented" story, Pav. I. Weinberg, colloquial genre.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR

УДК: 069

ББК: 79

10.34685/ИИ.2021.33.2.007

ПУТИ РАЗВИТИЯ ИКОНОПИСИ НА СЛОБОЖАНЩИНЕ

Краснова Ирина Владимировна,

соискатель,

Российский научно-исследовательский институт

культурного и природного наследия

им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия),

ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366.

E-mail: krasnova_i@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются особенности формирования слобожанской иконописи, неразрывно связанные с историческими, политическими и экономическими процессами. В XVI – XVII вв. Слобожанщина сложилась как военно-политическая территория, а с XVIII ст. как крупнейший культурный, торговый, промышленный, научный, образовательный регион Российской Империи. Ее население формируется из переселенцев разных регионов Московии (а впоследствии Российской Империи), и других стран. Осваивая эти новые земли, в ходе экономических взаимодействий они выстраивали не только хозяйственные связи, но и формировали новые межкультурные отношения, создавая неповторимую слобожанскую культуру, что нашло отражение в духовной сфере, ярким выразителем которой являются иконы.

Ключевые слова

Слобожанская икона, храмы, переселенцы, иконописцы, церковное искусство.

Самобытную духовную культуру Слобожанщины невозможно понять в отрыве от ее политического и экономического развития. Она формировалась как пестрое многонациональное и поликонфессиональное образование юго-запад-

ного региона Московии, а затем и Российской империи. Только в контексте многих исторических событий можно рассматривать формирование сложного этнокультурного пространства и приблизиться к особенностям ее иконописного на-

следия, огромная часть которого для нас оказалась навсегда утраченной.

Церковное наследие, принадлежавшее церквям и монастырям Слобожанщины, не сохранилось по многим причинам. «Большинство из этих монастырей были в царствование Императрицы Екатерины Великой закрыты, здания проданы, иконы и утварь разобраны другими церквями, ценности исчезли». Кроме этого, при строительстве новых храмов на месте ветхих деревянных или перестройки обветшавших каменных, старые иконы сжигались, продавались, а реже – поновлялись.

Поэтому, только восстанавливая весь ход событий, внимательно изучая осколки сохранившегося, можно составить целостное представление о культуре края. Выделить особенности иконописной школы Слобожанщины лишь на основании сравнительного искусствоведческого анализа, как это делают в своих работах Т.В. Паньок, В.В. Шулика, Л.Д. Соколюк и их предшественники Е.К. Редин, П.Г. Фомин, С.А. Таратущенко, другие исследователи, невозможно, так как они не позволяют в полной мере охватить весь круг вопросов, связанных с возникновением, становлением и развитием Слобожанщины. Поэтому В. Пуцко, обратившись к проблеме генезиса слобожанской иконописи XVII – XVIII вв. и проводя анализ существующих на сегодняшний день исследований, делает вывод: «приходится осознать, что все ее отличительные свойства явно указывают на киевские истоки, остающиеся для нас в значительной мере гипотетическими». Это связано с тем, что слобожанская икона рассматривается исключительно с позиций ее стилистических и иконографических признаков, сравнивается с западноевропейскими образцами и киево-печерской школой живописи, а тот факт, что изначально духовная жизнь Слобожанщины находилась в лоне Русской Православной Церкви и проходила при непосредственном участии русского патриархата и дома Романовых, по непонятным причинам не учитывается. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что Слобожанщина в период своего формирования заселялась выходцами из западных земель. Но это были православные люди, спасавшиеся от гнета католичества польско-литовской шляхты. Показательны в этом отношении слова историка Пётра Головинского: «Не одни крестьяне, но и настоящие казаки покидали свое отечество. Оставляя свои жилища целыми селениями, переселенцы забирали свои имущества и жгли все, чего не могли взять с со-

бою; некоторые селения забирали и церкви со всею утварью и со всеми принадлежностями, и даже брали колокола; затем составляли таборы, вооружались ружьями и пушками, пускались в путь и, если нужно было, силою оружия очищали себе выход из покидаемого отечества. Всех этих выходцев правительство Московское обнадеживало, что они всегда будут жалованы царскою милостию». Исследователи не учитывают и тот факт, что Слобожанщина – это приграничный край Русского государства в XVI – XVIII веках, а еще раньше, с конца IX века значительная часть этой территории входила в состав Древнерусского государства, с XI века принадлежала православному Черниговскому, Переяславскому и Новгород-Северскому княжеству. В начале XIII в. этот край был опустошен и разорен постоянными набегами татар и превращен в Дикое поле. Оставшееся в живых население вынуждено было спасаться, переселяясь в северные московские и западные польские земли. Лишь в результате русско-литовской войны 1500 – 1503 годов эти земли опять вошли в состав Московского княжества. В 1612 царь Михаил Фёдорович издал указ: «для защищения Святых Божиих церквей и целостности и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходоу на поле построить Черту, ..и по Черте построить города, а промеж городов по полям земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтобы на ево государевы Украины теми местами татарского приходу не было... По Черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством».

С этого времени возводятся оборонительные линии – засечные черты 1635 – 1646 г. – Белгородская, 1679 – 1680 гг. – Изюмская, 1731 – 1733 гг. – Украинская линия с укрепленными крепостями (Вольный, Белгород, Царёв Алексеев (Новый Оскол), Усерд, Царевборисов, и другие), и монастырями (Славяногорский, Краснокутский, Куряжский, Дивногорский и другие). Они эффективно снижали риск грабительских вторжений в центральные и южные районы России и способствовали русскому заселению огромных территорий: так, в Диком поле рядом с монастырями возникали поселения, которые привлекли к себе переселенцев не только желанием жить рядом со святой обителью, но и тем, что за монастырскими стенами можно было укрыться от ногайских и татарских набегов.

Во второй половине XVII века территория Дикого поля, получившая название Слобожан-

щины, становится военно-административной зоной Московии. Под защиту русского государства сюда стекаются как русские служивые люди, так и казаки, и беглые черкасы. Если в период с 1640 по 1645 год из-за Днепра на Слобожанщину переселилось около 10 тысяч человек, то с 1645 по 1648 гг. – «1247 семей и около 2000 с лишком казаков». Среди них были представители дворянских гетманских родов, давших присягу русскому царю и перешедших в подчинение белгородскому воеводе и белгородской епархии.

В 1650 – 1651 гг. последовала следующая волна массового переселения, состоявшая из казаков Киевского, Белоцерковского и Переяславских полков, и к 1654 г. население Слобожанщины составило порядка 100 000 жителей мужского пола.

На новом месте жительства они возводили старые и строили новые деревянные храмы; проводили в них церковные службы. Большинство церквей строилось на деньги частных лиц и прихожан. Однако первые церкви были бедные. В редких храмах находились живописные иконы. Так, например, в храме Успения Богоматери хранилась икона Божьей Матери малорусско-греческого письма на холсте, принесённая первыми переселенцами Балаклеи. В Хорошевском монастыре хранились две святыни: одна – принесенная черкасами «Ченстоховская икона Божией Матери древнего письма с подписью на славянском языке», а вторая – Владимирская икона Божией Матери с частями мощей «преподобного Пимена многострадального и Агапита-врача, с незапамятных времен предмет особенного благоговения в обители». Ченстоховская икона, имеющая православные византийские корни, коронованная по поручению папы Римского Климента XI в 1713 – 1719 гг., особо почиталась в Речи Посполитой и до сих пор является ее святыней. Она частично утратила свои православные иконографические черты (элементы), приобретя взамен католические, такие, например, как головной убор в виде короны. Наличие в одном храме древнего списка польской святыни, принесенной на новые земли черкасами, и Владимирской Богоматери, особо почитаемой на Руси подчеркивает духовную близость переселенцев из разных регионов.

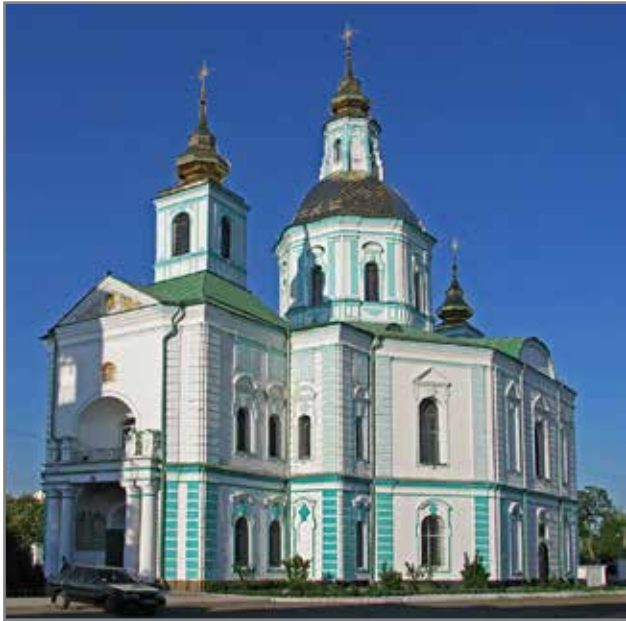
Убранство первых деревянных церквей до наших дней не сохранилось, как и не дошли сами церкви, но известно, что с первой волной переселенцев сюда хлынули печатные иконы. В 1654 г. среди крепостей засечной черты вы-

деляется Харьковская крепость и указом Алексея Михайловича на месте древнего городища Щурукань основывается город Харьков. Первые построенные в Харькове церкви тоже были бедными, лишенными иконостасов. Московский воевода Офросимов в своем донесении царю писал о том, что в местных церквях нет ни образов, ни деисусов, – черкасы «молятся бумажным листам, своему литовскому письму и стенам».

То же отмечает в Духовной грамоте 1674 г. Патриарх Иоаким: «Многие торговые люди покупают листы бумажные печатные немецкие, а продают немцы еретики, лютеране и кальвины, и по своему их проклятому мнению и не право на подобии лиц своя страны и в одеждах своих страных немецких, а не с древних подлинников, которые обретаются у православных». Как видно из сетований Иоакима, люди, сбежав от насилия, в том числе и западной веры, за неимением иного, молились католическим, униатским и другим прозападным образцам религиозного культа, не сильно вникая в сущность подмены. Для них смысл заключался в другом. Однако эти иконописные каноны из-за их широкого распространения и нахождения в стенах православных храмов не воспринимались как чуждые. Они постепенно входили в сознание прихожан и верующих как нечто само собой разумеющееся.

Слобожане, признавая себя подданными царей Московских, просили от царя одно право – беспрепятственно пользоваться выгодами хозяйственных наделов и промыслов. Алексей Михайлович не только отменил оброчные пошлины в полках на промыслы, но даже и вернул им деньги, которые они оплатили ранее за пошлины. Он также разрешил строить на этой территории церкви, соответствующие их вероисповеданию.

До 1667 года Слобожанщина входила в состав Патриаршей области; с 1667 по 1799 год – в состав новоучрежденной Белгородской епархии. В 1744 году в Харькове создается Духовное Правление, в состав которого уже к 1758 году входили 94 церкви. По ведомости за 1782 г. в Слободской Украине того времени было до 600 церквей. Филарет Гумелевский подробно описывает строительство церквей на территории Слобожанщины, указывая, что первые храмы были деревянными и в них были исключительно привозные иконы. Бедность этих храмов вынуждала священнослужителей обращаться за помощью к царю с просьбой о материальной помощи.

Илл.1. Кафедральный собор Покрова Пресвятой Богородицы. Украина, Сумская область, Ахтырка. (по: Народный каталог, Собору.ру, <https://sobory.ru/photo/190247>).

Однако с экономическим ростом региона, улучшением материального состояния его граждан ситуация меняется, и уже к началу XVIII века многие деревянные храмы заменяются на каменные и украшаются. Прихожане и дарители щедро вносят пожертвования, как на строительство храмов, так и на изготовление золоченых резных иконостасов, дорогих окладов, риз для икон, церковной утвари и богослужебных книг. В «Историко-статистическом описании Харьковской губернии» Филарет подробно описывает все существовавшие на тот момент церкви и монастыри Харьковской епархии, особо делая акцент на том, кто являлся благотворителями и какие суммы на что давались. Среди вкладов были и царские, потому что большинству церквей на Слобожанщине покровительствовала династия Романовых. Например, среди царских даров деревянному Соборному храму Преображения Господня в Балаклае были печатные евангелия 1685 года, священная риза и Евангелие, подаренные Петром Великим «во время путешествия» из Азова. По приказу дочери Петра Елизаветы в Ахтырке был заложен каменный собор в честь Ахтырской Богородицы (Покрова Пресвятой Богородицы), на создание которого она пожертвовала 2000 рублей. Он был выполнен по проекту придворного архитектора Бартоломео Растрелли (илл.1).

Пятиярусный резной иконостас был расписан академиком живописи И.С. Саблуковым (не сохранился).

На территории харьковского Свято-Успенского собора (Собора Успения Пресвятой Богородицы 1685 – 1686 гг.), деньги для которого также выделялись из казны Алексеем Михайловичем, после пожара 1734г. был отстроен новый каменный Успенский собор по образцу церкви святого Клементя папы Римского, построенного в 1762 – 1770 годах на Пятницкой улице в Москве. Главным украшением Успенского собора был золоченый резной иконостас, выполненный по рисункам Бартоломео Растрелли, по всей видимости, местными художниками (иконостас не сохранился) (илл.2).

В храме находились особо почитаемые иконы Елецкой Богородицы и святого Николая, передан-

Илл.2. Алтарь церкви Успение Пресвятой Богородицы. Предположительно выполнен по рисункам Бартоломео Растрелли. Украина, Харьковская область, Харьков. Собор Успения Пресвятой Богородицы (по: Народный каталог, Собору.ру, <https://sobory.ru/photo/358725>).

Илл. 3. Александровская колокольня Успенского собора, фото нач. XX ст. (по: А.Ф. Парамонов. Православные храмы Харьковской Губернии 1681-1917. Альбом-каталог. Харьковский частный музей городской усадьбы. С. 250)..

ные в собор князем Даниилом Борятинским. По проекту харьковского архитектора Е.А. Васильева была спроектирована Александровская колокольня Успенского собора высотой 89,5 метра (илл.3), размеры которой превосходили колокольню Ивана III Великого в Москве (81 м.).

В Успенском соборе хранилась «драгоценная святыня – подлинная, явленная и чудотворная икона пресвятой Богородицы Елецкой» (илл.4).

Начало широкого церковного строительства начинается уже в правление Екатерины II, когда Харьков становится административным, торговым и ремесленным центром Слобожанщины, а оборонительные функции отходят на второй план. Надо заметить, что своим «Манифестом о секуляризации монастырских земель» 1764 года она упраздняет монастыри, многие из которых

Илл. 4. Список с иконы Елецкой (Харьковской) Божьей Матери (по: Свято-Покровский мужской монастырь, <https://obitel.kh.ua/svyatyni/eletskaya-harkovskaya-ikona-bozhiej-materi/>).

постепенно приходят в упадок.

В это же время в храмах появляются золоченые резные иконостасы и иконы. Некоторые из них «греческого письма», например, иконостас в каменном храме Рождества Богородицы в Валках или иконы Петропавловской церкви (1747 год) в Ахтырском уезде, из которых к середине XIX в. еще сохранились: «Спаситель благословляющий, Мать Божия, держащая предвечного Младенца, и Свяtitель Николай, горнее место в алтаре резной работы, ... на котором изображены 12 пророков и несколько событий из страстей Господних» .

На Слобожанщине первые, написанные иконописцами иконы, появляются, вероятнее всего, только в начале XVIII века. Филарет Гумилевский упоминает имена некоторых монахов-иконописцев. Иерод Илия, малороссиянин, родился в 1672 году в городе Лебедин, учился в Киеве у иконописца, а по окончании учебы, через полгода – в Сумском монастыре «иску-

са пострижен в мантию игуменом Ждановичем». В 1742 г. посвящен в иеромонахи. Будучи настоятелем Сумского Успенского монастыря, игумен Иаков Жданович (согласно актов 1710 – 1715 гг.), заботился о том, чтобы в обители были свои иконописцы.

Ефрем Черкасский «в монастырских заметках называвшийся иконописцем, ... потому, что употреблял кисть для украшения храмов обители». В 1724 г. он «определен был в управляющего делами духовными и судебными по консистории, на время отбытия преосвященного Епифания в Петербург и тогда, как жил он в Белгороде, управлял Куражем (Куражским монастырём), как видно по бумагам, архимандрит Сильвестр, еще бодрый для забот о пользах Куража». О. Ефрем скончался в 1728 г.

«Набожным и искусным живописцем» называет Гумилевский Василия Рудецкого. В 1767г. им «безмездно» написан иконостас в храме слободы Малиновой Святогорского Успенского монастыря.

Главный иконостас каменного Успенского собора в Ахтырке в 1738 г., построенный ахтырским полковником и бригадиром Алексеем Леонтьевичем Лесовицким, был расписан «в греческом вкусе» «живописным мастером и сыном живописца, уроженцем харьковским Владимиром Дмитриевым». Гумилевский дает высокую оценку талантливому мастеру: его живопись «дышит жизнью и величием». О нем известно немного: до 1734 г. жил в Харькове, после, до 1744 г., – в Печерской лавре и в Свенском монастыре, а в 1744 г. во время пребывания императрицы в Киеве «вызван был ко двору, где оставался до 1747 г.».

Из несохранившихся до сегодняшнего дня бумаг консистории, которые в свое время были изучены Гумилевским, можно узнать, что Синод, указом 8 января 1747 г., согласно с высочайшей волей, предписал дать художнику «по его желанию причетническое место при харьковской Рождественской церкви для его покоя и пропитания, но здесь он пробыл недолго, хотя из Петербурга отпущен он был по слабости зрения, но страсть к живописи не давала ему покоя. В начале 1748 г. он по его желанию уволен был в Брянск «для живописного мастерства», где оставался два года».

Говорить о вышеперечисленных художниках как о создателях иконописной школы на Слобожанщине нельзя, так как они были, по всей видимости, талантливыми живописцами-самоучками и не оставили после себя учеников.

Появление собственно слобожанской школы иконописи и живописи надо связывать с переездом на Слобожанщину академика петербургской Академии Художеств Ивана Семеновича Саблукова. Он родился в 1735 г. в с. Основьянцы Богодуховского уезда в семье крепостных графа П.Б. Шереметева. В 1753 г. он был определен на обучение живописи и рисунку к И.П. Аргунову – известному живописцу графа П.Б. Шереметева. Проявив себя как талантливый живописец (илл. 5), по велению императрицы Елизаветы Петровны в 1759 г. был переведен в Императорскую академию художеств, где продолжил обучение живописи под руководством Д.Г. Левицкого. В 1765 г. он стал академиком Петербургской Императорской Академии художеств.

В 1760-х гг. он расписывал иконостасы в Ахтырских церквях и организовал там при Покровском храме иконописную школу, где в числе соз-

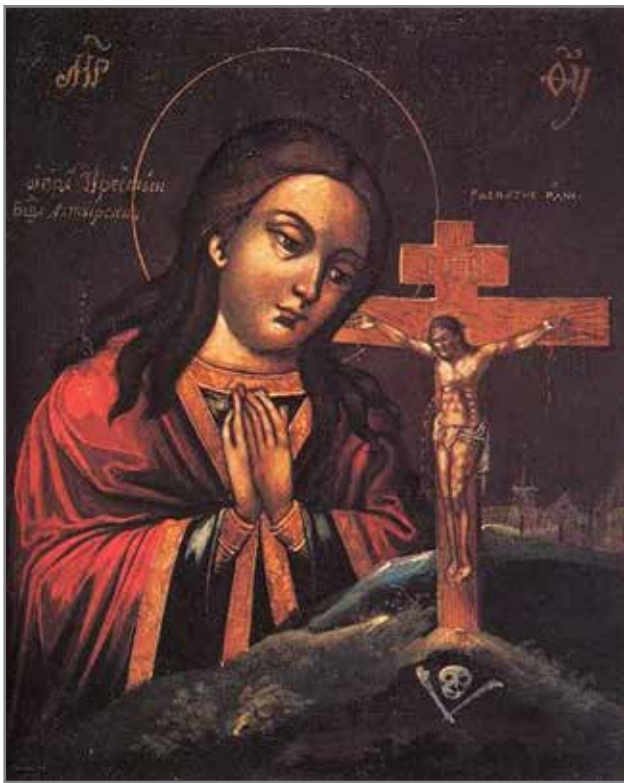

Илл. 5. Саблуков И.С. Портрет неизвестной (графини Любови Никитичны Кушелевой) 1770-е, холст, масло. 63,3 × 50,2 см., (по: Нижегородский художественный музей, Нижний Новгород, <http://zhais.ru/R-N-novgorod-kremlin-muz.htm>).

даваемых им и учениками икон, делались «многочисленные списки Ахтырской иконы Богоматери». Все известные на сегодняшний день списки этой иконы выполнены исключительно масляными красками. Характерной особенностью этой иконы, обретенной в 1739 году, является изображение Богоматери без головного убора, в несвойственной православию иконописной традиции (илл. 6).

Эти списки расходились по всей Российской Империи, попадали в Москву и Подмоскowie, большое их количество осталось на Яновщине –

Илл. 6. Список с иконы Божьей Матери Ахтырской. XIX в. (по: редкие и необычные иконы).

в гоголевском крае и в Ахтырке. Такое массовое распространение списков чудотворной иконы связано с тем, что Ахтырка становится городом-святыней восточнославянского православного мира благодаря указу Святейшего Синода: «Святую икону Богоматери, явленную в г. Ахтырке, иметь и почитать как чудотворную». Поэтому со всей Российской Империи сюда массово стекается огромное число паломников, ведется строительство гражданских построек и новых храмов. Икона была настолько знаменита и по-

пулярна, что в XVIII в. всюду создаются церкви в её честь, даже в Москве и Подмоскowie. В середине XVIII столетия икона становится покровительницей знаменитого Ахтырского гусарского полка, которым командовал поэт-гусар Д.В. Давыдов. Дальнейшее развитие иконописи связано с открытием в 1726 г. в Харькове коллегиума при Свято-Покровском монастыре, где готовили священнослужителей, служащих военных и гражданских ведомств, а также архитекторов и землемеров. По значению коллегиум стал вторым высшим учебным заведением на юге России после Киево-Могилянской академии. Согласно указу Екатерины II от 1767 года необходимо было: «к преподаваемым ныне в Харьковском коллегиуме наукам прибавить классы французского и немецкого языков, математики, геометрии и рисования...». Для преподавания рисунка в «Прибавочных классах» в 1767 был приглашен И.С. Саблуков.

О том, что рисование в коллегиуме им было поставлено на профессиональный уровень, свидетельствует, во-первых, большое количество часов, отведенных на занятия рисунком, во-вторых, подход к рисованию, который основывался на работе с натуры (натурой служили слепки с античных образцов и известных скульптур, привезенные И.С. Саблуковым из Санкт-Петербурга), и копировании произведений (гравюр) зарубежных художников. Помимо рисунка, И.С. Саблуков в коллегиуме преподавал еще и живопись, о чем свидетельствуют сохранившиеся расписания занятий. Поскольку он владел техникой масляной живописи, то и все выполняемые им работы были написаны именно в этой технике, то и этой же технике он обучал своих учеников. Это обстоятельство является ключевым для понимания того, почему все иконы, созданные в дальнейшем на Слобожанщине, выполнены именно в этой технике. Поэтому ученики, в числе которых были и будущие священнослужители, и художники, и архитекторы хорошо владели техникой масляной, а не темперной живописи. Характерно, что в стенах духовного, по своей сути учебного заведения обучали светскому искусству, которое серьезно отразилось на дальнейшем развитии иконописи на Слобожанщине.

Не случайно, на сохранившихся фотографиях интерьеров Слобожанских церквей можно увидеть копии с работ известных художников и сюжеты на религиозные темы, выполненные с известных гра-

Илл. 7. Иконостас церкви Покрова Пресвятой Богородицы в с. Кунье, фото П.И. Михайловского, 1901 г. (по: А.Ф. Парамонов. Православные храмы Харьковской Губернии 1681-1917. Альбом-каталог. Харьковский частный музей городской усадьбы. С. 177).

вюр западноевропейских и русских художников или их компиляции. Кроме того, решающим при оформлении не только домовых церквей на Слобожанщине было мнение благодетелей, которые давали деньги на строительство и обустройство храмов. В этом случае эстетические и духовные приоритеты заказчиков играли решающую роль. Примером может служить церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Кунье архитектора Е. Васильева (фото П.И. Михайловского, 1901 г.), в иконостасе которой имелась точная копия Сикстинской мадонны Рафаэля. Надо сказать, что эта копия выполнена на высочайшем профессиональном уровне (илл. 7, 8)

Современный интерьер лишен древних икон. Их место заняли новые.

Исходя из этого, можно сделать выводы:

1. формирование иконописи на Слобожанщине начинается не ранее XVIII века, когда Слобожанщина перестает выполнять защитные функции и переключается на мирную жизнь,
2. переселенцы с западных областей, принимая российское подданство, включаются в экономическую, политическую и духовную жизнь Российской империи и живут по ее законам, в том числе и церковным (московского патриархата), и под влиянием этого формируется их новое мировоззрение,

Илл. 8. Иконы Сикстинская мадонна и Спаситель из Покровской церкви с. Кунье, фото П.И. Михайловского, 1900 г. (по: А.Ф. Парамонов. Православные храмы Харьковской Губернии 1681-1917. Альбом-каталог. Харьковский частный музей городской усадьбы. С. 181).

3. привезенные переселенцами деревянные церкви недолговечны и к концу XVIII века большинство из них перестраивается в соответствие с канонами, существующим в Российской православной церкви соответственно и церковное убранство, включая иконостасы и иконы выполняются в том же стиле,

4. большинство слобожанских церквей находилось под покровительством царствующей династии, что во многом определяло не только их архитектурный облик, но и внутренне убранство,

5. церкви и их внутреннее убранство (иконостасы и иконы), построенные на частные деньги (пожертвования прихожан), отражают эстетические вкусы дарителей,

6. слобожанская иконопись неразрывна связана историческими культурными и духовными узами с русской православной церковью и развивалась в русле тех традиций, что и светское искусство России.

Список литературы

1. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків: Основа. 1990. С.180 – 181.
2. Головинский П.А. Слободские казачьи полки. СПб.: Н. Тиблена и К°. 1864. 254 с.
3. Голомбиевский А. Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (7189-1681 года) // Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Тамбов, 1892. Т. XXXIII. С. 49 – 56.
4. Гербель Н.В. Изюмский слободской казачий полкъ 1654 – 1765. Типография Эдуарда Праца. Санкт-Петербург, 1852г. С. 11 – 26.
5. Краснова И.В. Истоки формирования Слобожанщины как части геокультурного пространства России XVI – первой половины XVII вв. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-formirovaniya-slobozhanschiny-kak-chasti-geokulturnogo-prostranstva-rossii-xvi-pervoy-poloviny-hvii-vv> (дата обращения: 25.03.2021).
6. Лебедев А.С. Харьковский коллегіум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета. М., 1886. 551 с.
7. Пуцко В. Г. Слобожанская иконопись XVII–XVIII вв.: Проблема генезиса. / Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. III, 2013. С. 497 – 507.
8. Редин Е.К. Памятники церковных древностей Харьковской губернии. Х. : Тип. Губернского Правления, 1900. 19 с.
9. Святитель Филарет (Д.Г. Гумилевский) Историко-статистическое описание Харьковской Епархии – URL: http://history.org.ua/LiberUA/e_dzherela_statopysanye1_2005/e_dzherela_statopysanye1_2005.pdf (дата обращения 16.04.2021).
10. Срезневский И.И. Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины. – Губернская типография. Харьков, 1839. С. 15 – 17.
11. Стародубцев О.В. Печатные иконы: история и современность. Сретенский монастырь. – URL: – <https://pravoslavie.ru/sretmon/uchil/printicons.htm> (дата обращение 02.02.2021).
12. Фомин П.Г. Церковные древности Харьковского края: историко-археологический очерк. Харьков: Епархиальная типография, 1916. Вып. 1. 181 с.

WAYS OF THE DEVELOPMENT OF ICON PAINTING IN THE SLOBOZHANSKINA

Krasnova Irina Vladimirovna,

Doctoral student,
Russian Research Institute of Cultural
and Natural Heritage named after
D.S. Likhachev (Institute of Heritage),
Kosmonavtov st., 2, Moscow, Russia, 129366
E-mail: krasnova_i@mail.ru

Abstract

The article examines the features of the formation of the Slobozhansk icon painting, which are inextricably linked with the historical, political and economic processes taking place in the Slobozhansk region. In the XVI – XVII centuries. Slobozhanskina developed as a military-political territory, and from the XVIII century. As the largest cultural, commercial, industrial, scientific, educational region of the Russian Empire. Its population is formed from immigrants from different regions of Muscovy, (and later the Russian Empire), and other countries. Mastering these new lands, in the course of economic interactions, they built not only economic ties, but formed new intercultural relations, creating a unique Slobozhan culture, which was reflected in the spiritual sphere, which is a vivid expression of icons.

Keywords

Slobozhan icon, church, immigrants, icon painters, church art.

RAR

УДК 37.015(470.323)"18"

ББК 74.04

10.34685/НП.2021.33.2.008

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ И ЗЕМСКИХ ШКОЛ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

Капнин Владислав Олегович,

аспирант,

Курский Государственный Университет,

г. Курск, ул. Радищева д.33, 305000.

E-mail: kapnin922015@yandex.ru

Аннотация

Становление и развитие народного просвещения в Российской Империи началось в начале XVIII века, но в Курской губернии данная образовательная реформа была проведена только в середине XVIII века. Одним из главных элементов новой системы образования стали церковно-приходские и земские школы. В Курской губернии имелись свои специфические предпосылки к переходу на новую систему образования, а также индивидуальные черты нового устройства учебных заведений.

Ключевые слова

Народное просвещение, церковно-приходские школы, земские школы, Курская губерния, крестьяне.

Реформа в системе российского образования в XIX в. была обусловлена рядом причин, главной из которой стало кризисное состояние отношений между землевладельцами и крестьянами.

В царском манифесте «Об учреждении Министерств», который вышел в 1802 году говорится о том, что управленческие функции распределяются между министерствами, одним из которых является министерство Народного Просвещения. Возглавлявший его министр находился в подчинении у Главного Училищного Правления и всех принадлежавшим ему частей, среди которых можно выделить Академию Наук, Российскую Академию, Универси-

теты. Сферой ведения же органа просвещения являлись все училища, кроме тех, которые находились на особом попечении у императрицы Марии Федоровны, главного училищного правления, а также в управлении других именитых попечителей или мест; частные или казенные типографии, за исключением тех, которые находились под чьим-либо надзором, указанные в ведомственном Цензоре; издание ведомостей и всяких периодических сочинений; народные Библиотеки; собрания крепостей; натуральные кабинеты; музеи и всякие учреждения, которые могут быть созданы в ходе его деятельности.

24 января 1803 г. на заседании членов Правления училищ был заслушан доклад ми-

нистра Просвещения, в котором он говорит о важности не только гражданского образования, но и духовного. В связи с этим было отдано распоряжение Правительствующему Сенату о соработничестве министерства Просвещения и Святейшего Синода и издании соответствующих указов. Итогом заседания стало принятие указа «Об устройстве училищ», в котором рассматривались основные структурные моменты новой системы образования в Российской Империи, а также была отмечена большая роль Священного Синода в просвещении населения.

Четкая структура построения новой системы в образовании предполагала наличие разновысших учреждений, складывающихся в линию непрерывного становления нравственного и образованного гражданина страны. В ходе реформирования образования в Российской Империи должно появиться четыре рода училищ, а именно: 1, училища приходские; 2, уездные; 3, Губернские или Гимназии и 4 Университеты

В соответствии с данной структурой любой церковный приход или два прихода вместе, исходя из количества прихожан, должны были иметь одно приходское училище, под руководством приходского священника и одного почетного жителя. В помещичьих селениях попечительство приходским училищем осуществлялось через самих помещиков.

Следующей системообразующей единицей являлось условие создания в каждом уездном городе одного уездного училища, а в каждом губернском городе, помимо двухклассовых училищ, должна быть гимназия, которая подчинялась губернскому директору училищ.

В январе 1803 года в свет выходят «Предварительные правила народного просвещения». В этих правилах были сформулированы основные идеи по организации системы народного образования в России, *de jure* для сословно-образовательного обучения, *de facto* для высших сословий.

Анализируя имеющиеся научные исследования и статистические данные, можно сделать вывод, что до середины XIX века в Российской Империи какой – либо стройной системы образования не было. Основными учреждениями, которые были призваны уменьшить процент безграмотности среди населения, были церковно-приходские школы (Далее - ЦПШ) и земское начальное образование.

С приходом на пост обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева в 1880 году намечается тенденция к восстановлению системы ЦПШ как базиса для всеобщего народного образования и дальнейшего его развития. В 1882 году создается специальная комиссия при Священном Синоде, главной целью которой стало выведение ЦПШ из-под надзора епархиального учреждения и передача контроля особому училищному органу – училищному совету по делам церковно – приходских школ, который впоследствии создал систему управления этим типом учебных заведений.

Начавшаяся реорганизация выявила заметный качественный и количественный рост ЦПШ, переросший в усовершенствующий тип учебных заведений. Одним из ярких проявлений улучшения работы ЦПШ является разделение уровней образования. Первые занимались образованием и воспитанием учеников и назывались двухклассные, а вторые готовили учителей и носили наименование второклассные.

Таким образом, во всех губерниях начинается кампания по ликвидации безграмотности среди населения. Передовое место в этом движении заняла Курская губерния.

Одной из главных причин, побудивших Курского губернатора сконцентрировать свое внимание на системе образования, являлся быстрый рост населения на территории губернии. Если в конце XVIII века на территории Курской губернии было, согласно переписи 1795 года, 1 миллион 180 тысяч человек, то к середине XIX века население увеличилось на 49 % и насчитывало 1 миллион 766 тысяч человек, согласно переписи 1859 года, большая часть из которого были крестьяне, более 1 миллиона 600 тысяч.¹

Такой интенсивный рост крестьянского населения, в первую очередь, связан с низким уровнем технической модернизации на предприятиях региона. В Курской губернии были развиты экономические отрасли, базировавшиеся на физическом труде.

Данный факт подтверждает отчет от 18 июня 1840 года правительственной комиссии, которая проводила ревизию на Глушковской мануфактуре, принадлежавшей графу По-

1 Сборник статистических сведений по Курской губернии. Курск, 1885, С. 7

тёмкину Л.Р. В докладе сообщалось, что суконная фабрика, вместо использования автоматизирующих компонентов в производстве, продолжает, жертвуя здоровьем работников, прибегать к тяжелому ручному труду.

Развитие капитализма и масштабного внедрения модернизированного производства на мануфактурах требовало привлечения «умного» работника. Этот факт побуждал региональные власти к высокому темпу внедрения новой системы образования.

Заметный количественный скачок учебных заведений можно увидеть с началом реформы 1864 года. Если в 1864 году на территории Курской губернии действовало 25 школ, то через десять лет этот показатель достиг отметки 377. Далее темпы только росли и к 1895 году дошли до 591, а в 1900 году число образовательных учреждений на территории губернии достигло 700.²

Такой рост числа учебных заведений был внушительным, но в контексте притока населения на территорию Курской губернии это было несопоставимо мало. Подворная перепись, проводимая земскими статистами в шести уездах губернии, насчитывала грамотных в Фатежском уезде – 7,6 %; в Дмитриевском – 6,23%; в Курском – 5,75%; в Суджанском – 6,41%; в Льговском – 4,85%; в Обоянском – 3,36%. Таким образом общая грамотность населения Курской губернии не превышала 5,4%³.

Одной из главных причин такого низкого процента образования исследователи называют некавалифицированный педагогический состав.

Для поднятия профессионализма педагогических работников Земской управой было предложено губернскому земскому собранию летом 1869 года проведение летних учительских курсов. С этого момента, повышение уровня подготовки учителей легло в основу развития системы образования в Курской губернии.

Главным фактором в борьбе с преодолением безграмотности населения явилось развитие ЦПШ. Этому способствовало финансовое обеспечение и оказание учебно – методической по-

мощи епархиальным органом, который был образован 1886 году и носил название Курский епархиальный училищный совет. Помимо оснащения ЦПШ, в обязанности данного отделения входило создание новых ЦПШ, контроль за их деятельностью, кадровое обеспечение и взаимодействие с чиновниками в области просвещения.

Уже к 1888 году в каждом уездном городе были сформированы отделения епархиального совета.

Одним из самых активных отделений в Курской губернии становится Покровский церковно-приходской попечительский совет г. Фатежа. В его составе были: священнослужители, купцы, мещане, чиновники, среди которых мы встречаем смотрителя тюрьмы, надворного советника и уездного исправника. Председателем совета был купец Александр Васильевич Барков.⁴

В сферу главных задач совета входило привлечение материальных средств на нужды народного образования, а итогом его деятельности стала постройка в г. Фатеж ЦПШ на 200 учащихся, где учителя и дети из неимущих семей снабжались одеждой и обувью.

В то же самое время в поддержку церковно-приходских школ активизировалась деятельность региональных властей по созданию земских школ. До введения земских учреждений в Курской губернии было лишь 40 начальных школ этого направления. С 1864 года по 1915 год в Курской губернии было введено в строй 1593 земской школы.⁵

Анализируя статистические данные по темпу роста учебных заведений на территории Курской губернии, нужно отметить, что земские школы хоть и создавались в поддержку ЦПШ, но имели значительный перевес, который равен 65 %, по количеству созданных школ за год, т.е. на 1 ЦПШ приходилось 1,5 земских школ в регионе в XIX вв.

Вывод. В конце XIX века на территории Курской губернии действовало достаточное количество учебных заведений для образования местного населения, но такие факторы, как недостаток финансирования кадров и их малая квалификационная профессиональная пригодность,

2 Обзор Курской губернии за 1900 год. Курск, 1903, табл. 7. С. 5.

3 История образования. С древнейших времен до наших дней. (Текст) / А.С. Амоскин (и др.); Курск, ин-т соц. образования (филиал) РГСУ. – Курск: ООО «Учитель», 2010. С.120.

4 Стародубцева М.С. Теория и практика церковно – приходской школы России во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2004. С. 12-15.

5 Исторический очерк о деятельности земств Курской губернии. Курск, 1902, С. 3 -7.

а также внешние факторы, такие как, модернизация производства и социальные потрясения, привели к затормаживанию образования населения в Курской губернии. Об этом свидетельствует Всероссийская перепись 1897 года, которая показала, что грамотность, по-прежнему, оставалась на низком уровне и составляла 16, 3% образованности населения.

Список литературы

1. Исторический очерк о деятельности земств Курской губернии. Курск, 1902, С. 3 -7.

2. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Курск, 1885, С. 7.

3. Обзор Курской губернии за 1900 год. Курск, 1903, табл. 7. С. 5.

4. История образования. С древнейших времен до наших дней. (Текст) / А.С. Амоскин (и др.); Курск, ин-т соц. Образования (филиал) РГСУ. – Курск: ООО «Учитель», 2010. – 356 с.

5. Стародубцева М.С. Теория и практика церковно – приходской школы России во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2004. С. 12-15.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PAROCHIAL AND RURAL SCHOOLS ON THE TERRITORY OF THE KURSK PROVINCE IN THE XIX CENTURY.

Kapnin Vladislav Olegovich,
graduate student of department of history,
Kursk State University,
Kursk, Radishchev St. 33, 305000.
E-mail: kapnin922015@yandex.ru

Abstract

The formation and development of public education in the Russian Empire started at the beginning of the XVIII century, but in the Kursk province this educational reform was carried out only in the middle of the XVIII century. One of the main elements of the new education system was the parochial and rural schools. The Kursk province had its own specific prerequisites for the transition to a new system of education, as well as individual features of the new structure of educational institutions. This will be discussed in this article.

Keywords

Public education, parish schools, Zemstvo (county) schools, Kursk province, peasants.

RAR
УДК 930
ББК 63.2
10.34685/НИ.2021.33.2.009

ТИХОН ИВАНОВИЧ ПОЛНЕР И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ НОРВЕГИИ

Батшев Максим Владимирович,
руководитель Центра информационного обеспечения и документации
Наследия РНИИ Культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2.
E-mail: bmv@list.ru

Трифорова Светлана Александровна,
научный сотрудник Отдела учета и обеспечения сохранности документов,
Архив Российской академии наук,
ул. Новочеремушкинская, д. 34, г. Москва, Россия, 117218.
E-mail: trifonova_s@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена журналисту, политическому и земскому деятелю рубежа XIX–XX веков Тихону Ивановичу Полнеру. На основе неизвестных документов хранящихся в фонде Архива Российской академии наук рассмотрена его биография доэмигрантского периода. Из многожанрового наследия Полнера выделена не характерная для общественного деятеля часть – путевые записки, написанные в 1907 г. во время его пребывания в творческом отпуске в Норвегии. На основе этого материала показано становление Полнера как автора путевых очерков, получивших широкое распространение в журналистике последующего периода.

Ключевые слова

Норвегия, Путевые записки, Полнер, творческое наследие.

Одной из интересных, но забытых на сегодняшний день фигур в общественной и литературной жизни России рубежа XIX–XX веков является Тихон Иванович Полнер. Известный больше литературоведам своей биографией Льва Толстого, он остаётся менее известен, как земский деятель и прежде всего как журналист, редактор журнала «Голос Минувшего». Документальное наследие Полнера в России представлено небольшим фондом, находящемся в Архиве Российской академии наук (далее –

АРАН)¹ и публикациями в журналах «Голос Минувшего», газете «Русские Ведомости», двумя книгами об истории деятельности земских учреждений в России: «Общеземская организация на Дальнем Востоке» и «Наше земство за 50 лет его работы». Поэтому изучение его творческого наследия представляет интерес как для исследователей местных земских учреждений рубежа

1 Т.И. Полнер // Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 648. Оп. 1.

веков, так и для исследователей путевых очерков и заметок, характеризующих становление самого жанра в русской журналистике и являющихся важным источником для повседневной жизни описываемых им территорий. Целью же данной работы является введение в научный оборот части личных документов и творческого наследия русского журналиста и путешественника Тихона Ивановича Полнера.

На сегодняшний день не существует биографии Тихона Полнера нет даже полной библиографии его работ, он остается, прежде всего, автором самой известной своей книги «Лев Толстой и его жена. История одной любви»². Восполнить эти пробелы возможно, обратившись к фонду, хранящемуся в Архиве РАН. Не рассматривая деятельность Т.И. Полнера, как представителя земства и партийного сообщества, остановимся, прежде всего, на двух аспектах – биографии Полнера и одном из направлений его творческой деятельности – путевых очерков из Норвегии.

Говоря о его биографии, надо отметить, что данных о его жизненном и творческом пути сохранилось немалое количество, в том числе собственноручно написанная им по просьбе редакции газеты «Русские Ведомости» «Автобиография»³, которая хранится в Архиве РАН в фонде 648, выделенным в 1958 году из фонда В.И. Семевского. Согласно этой «Автобиографии», написанной в 1913 году, мы располагаем точными данными о периоде его жизни до этого года. В частности, об образовании и его службе в земских и общественных организациях. По словам Т.И. Полнера он родился в 1864 году в семье сенатора Ивана Ивановича Полнера. Учился в 2, а потом в 3 Петербургских гимназиях, а в 1884 году поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет, который так и не закончил. Чем он занимался в течение двух лет своего временного «простоя» в образовании неизвестно. Возможно, именно в это время он начал писать свои литературные и публицистические произведения. В «Автобиографии» об этом не упоминается. Свою учебу он возобновил в 1888 году, но уже на юридическом факультете, который благополучно закончил в 1892 году. На-

чало своей литературной деятельности Полнер относит к 1890 году. Первой своей серьёзной публикацией он считал статью по истории театра «Гаррик в Макбете», напечатанную в «Русской Мысли». Эта статья имела в авторской судьбе Тихона Ивановича счастливое продолжение: «Покойный Фл[орентий] Ф[едорович] Павленков, прочтя эту статью, поручил мне написать биографию Гаррика, что мною и сделано для его «Жизни замечательных людей». (появилась в 1891 году)»⁴/

После окончания Университета Полнер начал свою деятельность в московском земстве, оставя литературное творчество в качестве увлечения. Однако и в качестве земского деятеля он продолжал писать. Так, в 1895 году участвуя в организации очередной Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде и работая на выставке в течение нескольких месяцев, давал пояснения на экспозиции города Москвы. И в это же время написал два сочинения с рассказами о различных отраслях московского городского хозяйства. Более того, в том же году Полнер начал печататься в «Русских Ведомостях». В следующем году стал постоянным сотрудником газеты, по сути, начав журналистскую деятельность, не бросая службы в земстве.

В 1898 году начинается «провинциальный» период его карьеры – сначала Тихон Иванович провёл полгода в Уфимской губернии, где работал в кружке князя Шаховского по организации помощи голодающим, а затем в следующем 1899 г. поступил на службу в Статистический отдел Тульского губернского земства. В Туле он задержался на несколько лет, став заведующим статистическим отделом. По его собственным словам, служба в этот период не была лёгкой, местные власти иногда даже запрещали въезд статистиков в деревни. Тем не менее за 1902-1903 гг. Полнер подготовил подворные и оценочные данные по Епифанскому уезду, которые были изданы в виде отдельной книги в Туле.

В 1904 году, во время начавшейся русско-японской войны, Т.И. Полнер отправляется на Дальний Восток. Однако в военных действиях он не участвовал, а служил в качестве секретаря, кассира и бухгалтера общеземской организации. Главной его задачей в это время было оказание

2 Полнер Т.И. Лев Толстой и его жена. История одной любви. М. 2000.

3 Полнер Т.И. Автобиография // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30.

4 Там же. Л. 1.

помощи раненым русским солдатам. Эта деятельность продолжалась восемь месяцев. Судить о ней можно, в том числе, и по подготовленному Полнером отчёту о деятельности общеземской организации во время русско-японской войны.

На этом автобиография Тихона Ивановича Полнера заканчивается. О последующих событиях его жизни можно судить, прежде всего по его творческой деятельности – в газете «Русские ведомости», журналах «Голос минувшего», «Голос минувшего на чужой стороне», «Борьба за Россию». Два последних журнала приходятся на период его жизни и творчества в эмиграции. Однако до эмиграции во Францию в 1919 г. Полнер успел послужить сенатором Первого департамента в период Временного правительства.

Для подробной биографии Т.И. Полнера, которая должна представлять собой отдельное исследование, в фонде АРАН содержится большое количество различных записных книжек, заметок и писем. Среди этого разнообразного материала особо выделяются путевые записки, составленные автором в ходе служебных и творческих поездок. Часть этих «записок», прежде всего «Корреспонденция из Норвегии», была опубликована в газете «Русские ведомости» в 1907 г., сразу после их написания, и в «На чужой стороне» уже после эмиграции. Однако другие – «Письма из Уфимской губернии»⁵, «Крым весной (путевые наброски)»⁶, «По южному берегу Крыма (история одной прогулки)»⁷ так и остались в рукописях и хранятся в фонде Полнера в АРАН.

Опубликованная «Корреспонденция из Норвегии» нехарактерна для ряда путевых очерков Полнера. Прежде всего – отличаясь территорией описания и теми впечатлениями, которая эта страна произвела на автора. Уфимская губерния и Крым, являясь частью Российской империи, не требовали того большого количества пояснений и разъяснений, которое дает журналист в норвежских очерках. В отличие от тех же «Писем из Уфимской губернии», написанных в ходе служебных поездок по земским делам, норвежские

«зарисовки» появились на свет как наблюдения и впечатления автора во время его творческого отпуска, предпринятого в 1907 г. с целью написания книги «Общеземская организация на Дальнем Востоке»⁸. Книга была написана и появилась на свет в 1908 – 1910 гг. Норвежские же очерки, созданные в тот же период, стали совершенно другим по жанру проявлением творчества Т.И. Полнера. Создавались и издавались они практически одновременно, отсылаясь автором по мере написания в редакцию «Русских ведомостей» и выходя в разделе «Иностранские известия». Полностью, единым текстом они появились только в 1925 г. в журнале «На чужой стороне» под названием «Ключки воспоминаний (Норвегия)»⁹.

Это произведение по сути является тем, что в современной литературе классифицируется как научно-популярная литература. Кроме исторических, географических, политических фактов, рассказа о традициях и хозяйственной жизни населения Норвегии, текст насыщен личными впечатлениями, зарисовками о природе и собственной жизни автора в этой стране. Сам он называет себя «русским путешественником, путешествующим для удовольствия»¹⁰. Даже на сегодняшний день «путевые записки» о Норвегии Полнера содержат большое количество информации, мало известной русскоязычному читателю. Судя по всему, и автор многое узнавал в ходе пребывания в Христиании, приехав туда как «не подготовленный» путешественник, не владея норвежским языком, основывая все свои знания на литературных произведениях Г. Ибсена, А. Гарборга и К. Гамсуна. Несмотря на то, что это прежде всего, как было сказано выше, путевые записки, текст можно разделить на несколько направлений – описание достопримечательностей, исторические данные о Норвегии и современное политическое положение, географические описания, сведения о традициях и быте местных жителей, собственные впечатления автора.

5 Полнер Т.И. Письма из Уфимской губернии // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 11.

6 Полнер Т.И. Крым весной (путевые наброски) // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 16.

7 Полнер Т.И. По южному берегу Крыма (история одной прогулки) // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 17.

8 Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке: (со многим иллюстрациями в тексте). М. 1908-1910.

9 Полнер Т.И. Ключки воспоминаний (Норвегия). // На чужой стороне. 1925. IX. С. 181-204.

10 Там же. С. 186.

Описание достопримечательностей у Полнера постоянно пересекается с норвежскими писателями и их литературными произведениями. С самого начала своего повествования он говорит об отеле, в котором поселился, мотивируя свой выбор уже упомянутыми Ибсеном, Габоргом и Гамсунном. Для Полнера выбранный «Grand Hotel» сам является достопримечательностью, о которой он пишет с восторгом, вспоминая и писателей, и их литературных персонажей. Осматривая окрестности отеля, добавляет: «Весело было сознавать, что вглядываясь, наконец, собственными глазами в эту особенную жизнь, столь близкую и знакомую по книгам».¹¹ Кроме описания Национального театра, памятников вокруг него, т.е. самого центра современного Осло, путешественник описывает и остальные места, в которых он побывал. При общем восхищении столицей Норвегии и другими населенными пунктами, описаний их домов, памятников и пр. не большое количество. По сути оно сводится к впечатлению о широкой Иоханес-Гаде и двум скульптурам перед театром. Полнер отмечает здесь непривычную для многих государств особенность: «В те времена только норвежцы могли поставить памятники живым людям...»¹² и размышляя о смысле двух памятников – Ибсену и Бьернсону, подробно описывает и их, и различие между этими двумя авторами. В остальном он ограничивается замечанием, что наплыв туристов постоянно увеличивается и появляются все новые отели¹³.

Большую часть путевых очерков Полнера занимают исторические данные о Норвежском государстве и его современное политическое и экономическое положение. Исторический экскурс он начинает с XIV в. и заканчивает современным ему периодом, рассказывая о всех перипетиях Норвегии по обретению независимости, указывая даже источник полученной им информации: «Эти исторические справки, помнится, прочел я в забытой теперь книжке Фритиофа Нансена «La Norvege et l'union avec la Suede».¹⁴ Естественно, для русского человека он указывает на влияние России в становлении независимости Норвегии.

11 Там же. С. 181.

12 Там же. С. 182.

13 Там же. С. 199.

14 Там же. С. 192.

Современное политическое положение государства описывается им подробно с большим количеством деталей, включая истории о короле Гоконе, королеве Мод и самом богатом человеке в Норвегии Микельсене. Основываясь в том числе и на той же книге Нансена, Полнер рассказывает об экономическом положении государства, утверждая, что лес и рыба – главные сокровища страны и экономика сильно влияет на политическое положение в государстве. В частности, он уверяет, что в Норвегии нет подходящих условий для развития социал-демократии, а передовая демократия этого государства приводит к «сглаживанию социальных неравенств»¹⁵.

Неотъемлемой составляющей почти всех путевых очерков являются описания мест, которые посетил автор, и красот природы. Не исключение и записки Т.И. Полнера. У него нет точного географического описания страны, но он не обходится без рассказа о дорогах, горах, лесах и пр., говоря о своих поездках или же описывая все то же экономическое положение государства. Эти замечания носят больше личный характер: «... я мирно шел в горах, вдыхал лесные ароматы и наслаждался ярким, свежим вечером»¹⁶. Описания возникают как дополнение к рассказам о том, что делал Полнер в Норвегии, куда ездил, куда отправлялся пешком. Описывая свои приключения в горах и встречу с двумя девушками, следящими за стадом коров, непременно добавляет о том, как хороши дороги, насколько органично они вплетены в окружающую природу. Несмотря на то, что подобных описаний немного, в очерках журналиста они, в традициях русской литературы – поэтичны: «Норвежская природа обворожительна. Нигде не видел я такого гармоничного соединения красоты снеговых гор и нежно окрашенной, голубой воды, причудливо вьющихся фиордов»¹⁷.

Много и часто в своих «Клочках воспоминаний» Т.И. Полнер пишет о местных жителях, их жизненном укладе, быте, традициях. Эйфории у автора, судя по его произведению, нет, но есть глубокая симпатия и уважение к местным жителям. Ему одинаково интересны и люди, с которыми он живет в одном доме и те, которых

15 Там же. С. 196.

16 Там же. С. 186.

17 Там же. С. 188.

он случайно встречает в транспорте, и даже те, о которых он знает только по рассказам. Тема его квартирных хозяев полна симпатии и иногда даже восхищения. Подробно описан, насколько это возможно в небольшом по объему произведении, уклад жизни, четко определена семейная иерархия: «Во главе семьи стояла дама лет 40 с чем-нибудь<...>. В непосредственном ее подчинении находились: муж и дочь».¹⁸ Для автора явно непривычна норвежская дисциплина даже в быту: «День строго и раз навсегда распределен»¹⁹, однако ему приходится следовать ей, как и остальным домочадцам: «от этих правил нельзя было отступать, как, впрочем, и ото всех остальных»²⁰.

Как земского деятеля, Полнера интересуют все аспекты жизни населения в Норвегии – и будни, и праздники. Обеспечение правопорядка в стране, с его точки зрения, выше всяких похвал. Особенно удивляет статья бюджета, выделяющая полиции средства на пирожки для заблудившихся и попавших в участок детей. Он уверяет, что был очевидцем того, как местный житель попрекал депутата за то, что полиция этими своими пирожками сбивает с толку и портит детей. Применительно к пьяным полиция не столь добродушна, по наблюдениям автора. Несмотря на то, что он сам редко встречал людей в таком состоянии, журналист, ссылаясь на статистические данные, утверждает, что норвежцы в начале XX века были на одном из первых мест в мире по потреблению алкоголя. Такое несоответствие статистики и личных наблюдений Полнер объясняет тем, что полиция забирала всех пьяных в участок и выпускала только после протрезвления.

Продолжая свои наблюдения журналиста и земского деятеля, он видит достоинства и недостатки в различных явлениях норвежской жизни. Например, непривычная для русского человека система образования, при котором мальчики учатся вместе с девочками «от низшей школы до университета». В то же время подмечает и сходство в том, что высшее и отчасти среднее образование – привилегия состоятельных людей. Удивляет его слияние двух праздников: детского весеннего и празднования дня конституции.

Проведение этого празднования в 1907 г. вызывает у Полнера ироническое замечание: «По нынешним временам – смешная идиллия, не правда ли?»²¹ Не привычных для себя вещей и явлений автор подмечает большое количество, они не вызывают у него отторжения или неприятия, они вызывают любопытство: «Я уезжал плененный Норвегией – с твердым решением вернуться, как можно скорее, и всмотреться в эту оригинальную жизнь – как можно пристальнее»²².

Не характерные, на первый взгляд, для земского деятеля, автора статистических работ, путевые очерки, написанные во время пребывания в Норвегии в 1907 г., являются закономерным продолжением его творческой деятельности. Это видно благодаря «Автобиографии» Т.И. Полнера 1913 г., отложившейся в его фонде в АРАН. Несмотря на насыщенную событиями земскую службу, он находит время для журналистской деятельности, которая впоследствии займет все его время. Изучение его биографии и первых путевых очерков, созданных до эмигрантского периода, позволяет судить о становлении Полнера не только как журналиста, но и писателя, а также становится важным источником для анализа становления путевых записок, как распространенного и востребованного жанра в литературе XX века.

Список литературы

1. Ибсеновская неделя в Христиании // Русские Ведомости. 1907. № 132.
2. Полнер Т.И. Автобиография // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30.
3. Полнер Т.И. Ключки воспоминаний (Норвегия). // На чужой стороне. 1925. IX. С. 181-204.
4. Полнер Т.И. Крым весной (путевые наброски) // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 16.
5. Полнер Т.И. Лев Толстой и его жена. История одной любви. М., 2000.
6. Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке: (со многим иллюстрациями в тексте). М., 1908-1910.
7. Полнер Т.И. Письма из Уфимской губернии // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 11.
8. Полнер Т.И. По южному берегу Крыма (история одной прогулки) // АРАН. Ф. 648. Оп. 1. Д. 17.
9. Полнер Т.И. // АРАН. Ф. 648. Оп. 1.

18 Там же. С. 183.

19 Там же. С. 185.

20 Там же.

21 Там же. С. 190.

22 Там же. С. 203.

TIKHON IVANOVICH POLNER AND HIS CORRESPONDENCE FROM NORWAY

Batshev Maxim Vladimirovich,

Head of the Center for Information Support and Documentation
Heritage Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev
129366, Moscow, Kosmonavtov str., 2.
E-mail: bmv@list.ru

Trifonova Svetlana Alexandrovna,

Researcher, Department of Accounting and Document Security, Archive of the Russian
Academy of Sciences,
34 Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russia, 117218.
E-mail: trifonova_s@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the journalist, political and zemstvo figure of the turn of the XIX-XX centuries, Tikhon Ivanovich Polner. On the basis of unknown documents stored in the Archive fund of the Russian Academy of Sciences, his biography before the emigrant period is considered. From Polner's multi – genre heritage, a part that is not typical for a public figure is singled out – travel notes written in 1907 during his sabbatical in Norway. On the basis of this material, Polner's formation as an author of travel essays, which became widespread in the journalism of the subsequent period, is shown.

Keywords

Norway, Travel notes, Polner, creative heritage.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR
УДК 94
ББК 63.4
10.34685/НИ.2021.33.2.010

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ XV–XVIII ВВ. В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ИДНАКАР»

Русских Елена Львовна,
младший научный сотрудник,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
ул. Т. Барамзиной, 34, г. Ижевск, Россия, 426067.
E-mail: elenalar87@mail.ru

Аннотация

Публикуются данные о содержании серебра в монетах, представленных в коллекции одного из погребальных памятников удмуртского населения XV–XVIII вв. Подобный материал, содержащийся в сопроводительном инвентаре дохристианских захоронений, выступает индикатором различных процессов, происходивших на окраинах формирующегося Русского централизованного государства. Предлагается иллюстрированный каталог монет, прошедших государственную апробацию, а также анализ коллекции с точки зрения ценности исторического источника.

Ключевые слова

Музей-заповедник «Иднакар», удмурты, могильник, коллекция монет.

В фондах Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики «Иднакар» им. М.Г. Ивановой содержатся богатые коллекции археологических памятников региона. Особенно интересны изделия металлической пластики и нумизматические экспонаты, выполненные из драгоценных металлов и состоящие на специальном хранении. В 2015 г. сотрудниками музея была

осуществлена плановая работа по определению состава ряда металлических изделий с целью их подготовки к постановке на специальный учет¹.

1 Приказ от 15 декабря 1987 г. № 0513 «Об инструкции по учету и хранению музейных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в государственных музеях СССР» [Электронный ресурс]:

196 музейных предметов прошли экспертизу Уральской Государственной инспекции пробирного надзора (УГИПН). Исследования выполнялись ведущим экспертом по драгоценным металлам и драгоценным камням Н.Ф. Фадеевой. Определение металла и его пробы производилось на пробирном камне с помощью эталонных пробирных игл и реактивов. Взвешивание производилось на электронных весах специального класса точности. Настоящая статья является продолжением работы автора по публикации результатов описанных выше исследований² и вводит в научный оборот данные о содержании серебра в монетах одной из археологических коллекций музея – Нязь-Ворцинского могильника XVI–XVIII вв., поступившей в фонды в 2000 г. (№ А 31 с шифром МЗИ 28/).

Нязь-Ворцинский могильник расположен в 1 км от д. Нязь-Ворцы Удмуртской Республики. Место известно как Вужшай сик (удм. «лес со старым кладбищем»). О старинном кладбище известно со второй половины XIX в., поскольку на его поверхности наблюдались могильные впадины. В 1894 г. одно из углублений было изучено И.Н. Смирновым, обнаружившим женское захоронение. В своде И.А. Талицкой могильник назван Чутырским. Памятник «повторно» открыт и обследован в 1963 г. Г.Т. Кондратьевой под названием Юберевский могильник. Ею было вскрыто 2 погребения. В 1981 г., в связи с сообщениями местных жителей, о находках старинных вещей, памятник обследован М.Г. Ивановой, давшей ему название Нязь-Ворцинский. В 1985–1986 гг. ею на площади 1628 кв. м исследовано 108 погребений, совершенных неглубоких прямоугольных ямах, в засыпи которых встречается уголь. В трети могил зафиксированы остатки прямоугольных гробов и деревянных колод с закругленным днищем. Умершие уложены вытянуто на спине, головой ориентированы преимущественно на ССВ и С. Большинство захоронений сопровождается инвентарем. В мужских – это ножи, кочедыки, кресала, скобы, наконечники стрел, пряжки, металлические котелки. В женских – бусы, бисер, металлические под-

вески, серьги, перстни, позумент. Отмечены многочисленные находки серебряных русских монет. Обряд захоронения и характер основной части инвентаря указывают на традиции преемственности средневековых и поздних удмуртских погребальных памятников³.

В общей массе сопроводительного инвентаря могильника выделяется нумизматический материал. Определение монет впервые было опубликовано Н.И. Шутовой⁴. В рамках настоящего исследования приводятся принципиально новые данные о содержании серебра в составе монет, а также ряд наблюдений автора, выявленных в процессе анализа материала. Выполненный автором каталог монет Нязь-Ворцинского могильника (Илл. 1) содержит актуальное на сегодняшний день музейное описание коллекции, в котором представлены фотографии предметов, данные о датировке, степени сохранности, размерах, весовых характеристиках, пробах серебра. Настоящие сведения публикуются впервые.

Всего в коллекции насчитывается 77 серебряных монет второй пол. XV–начала XVIII вв., которые являются частью сопроводительного инвентаря 31-го из 108 изученных погребений. Около 1/3 от общего числа монет, вероятно, являлись составной частью женских украшений, поскольку данные экземпляры имеют по 1–2 отверстия для привешивания (Илл. 1, №№ 3–6, 15–20, 25–26, 30, 62). В соответствии с данными этнографии, наиболее распространенным мотивом, побуждающим класть монеты в могилу, являлась необходимость приобретения всего необходимого для организации жизни «на том свете»⁵. Традиции использования монет в качестве элемента украшений характерны для удмуртского этноса, и это прослеживается в материалах более ранних памятников, выявивших традицию применения восточных монет для изготовления нагрудных украшений и головных уборов. С конца XV в. поступающие к удмуртскому населению русские

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100975 (дата обращения 12.10.2018).

2 Русских Е. Л., Вершинин П. А. Деятельность Музея-заповедника «Иднакар» по апробации монетного серебра // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2018. Вып. 8. С. 36–39.

3 Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004. С. 115–116.

4 Шутова Н. И. Удмурты VI – первой пол. XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. С. 158–160.

5 Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 117.

серебряные монеты используются как в качестве деталей женских украшений, так и в качестве денег, на поздних этапах – преимущественно в качестве денег⁶.

У 68 монет Н.И. Шутовой была установлена узкая датировка. Наиболее ранние среди них – 2 монеты, отчеканенные во время правления Великого князя Ивана III. Наибольшим числом монет представлены периоды пребывания у власти: Ивана IV – 27 экз., Михаила Федоровича – 22 экз., Петра I – 14 экз. Менее всего представлены монеты Федора Ивановича – 1 экз. и Алексея Михайловича – 2 ед.⁷

Анализ хронологического распределения монетного материала выявил его отсутствие в определенных промежутки времени: между царствами Ивана III и Ивана IV (1505–1533); Федора Ивановича и Михаила Федоровича (1598–1613); Алексея Михайловича и Петра I (1676–1682 гг.). Обозначенные периоды объяснимы переходными этапами русской истории, сопряженными со сложной политико-экономической обстановкой. Первый из них ознаменован процессом складывания централизованного государства, второй – периодом Смутного времени, последний – формированием Российской империи. Подобные реалии, безусловно, сказывались на достатке населения, что отражалось и на погребальном инвентаре. В нестабильные временные отрезки, по-видимому, прекращалось сопровождение умершего серебряными монетами, что можно наблюдать по материалам Нязь-Ворцинского могильника.

Примечательна также еще одна закономерность. В сопроводительном инвентаре одного погребения могут встречаться монеты, датировка которых отличается большим временным разрывом. Так, в погребении № 11 отмечены монеты времени княжества и царствия Ивана IV (Илл. 1, №№ 5, 7) и царствия Михаила Федоровича (Илл. 1, № 6). В погребении № 44 – монеты Михаила Федоровича (Илл. 1, №№ 16–20), Алексея Михайловича (Илл. 1, № 15), Петра I (Илл. 1, № 22). В погребениях № 46, 74 – монеты Михаила Федоровича (Илл. 1, №№ 25, 48, 49) и Петра I (Илл. 1, №№ 27, 50). В погребении № 77 – монеты времени кня-

жества Ивана IV (Илл. 1, №№ 52, 56) и царствия Михаила Федоровича (Илл. 1, №№ 51, 54, 55). В последнем случае начало княжества Ивана IV – 1533 г., окончание царствия Михаила Федоровича – 1645 г. Получается, что закрытый комплекс, каковым является погребение, совершенное одно-моментно, может содержать монеты из разных исторических периодов, начало одного и конец второго из которых отделяет столетие. При этом, по данным Н.И. Шутовой, продолжительность жизни взрослого населения Нязь-Ворцинского могильника редко превышала возрастную отметку в 32–35 лет⁸. Подобная ситуация возможна лишь в том случае, когда престижные вещи передавались из поколения в поколение.

На протяжении многих веков ценность монет определялась количеством драгоценного металла, из которого они были сделаны, однако точное определение пробы не всегда было возможным. Даже наличие подлинной монеты не гарантировало ее качество, поскольку металл мог быть частично срезан для переплавки (Илл. 1, № 70). В данной связи, результаты исследования содержания серебра в монетах из материалов Нязь-Ворцинского могильника могут быть полезны для специалистов в области изучения истории денежного обращения Русского государства.

Анализ распределения монет в соответствие с содержанием серебра выявил существенное преобладание 900 пробы. Данная тенденция характерна для монет как более раннего периода, так и для более поздних (Табл. 1). Реже отмечено использование серебра более низкой 875 пробы, и более высокой – 925. Подобная же тенденция характерна для монет, определение которых оказалось невозможным. Из их числа 6 экз. – 900 пробы, 2 экз. – 875. В единственном экземпляре представлен образец 800 пробы (Табл. 1).

Серебряный сплав 900 пробы содержит 90% чистого серебра, а остальные 10% – легирующие компоненты. Сплав 925 пробы содержит 92,5 % серебра, 875 – 87,5% соответственно. Подобное содержание драгоценного металла – показатель значительной ценности и подлинности монет. Так, по некоторым данным, в более поздние периоды содержание серебра в монетах колеблется в пределах 396–868 пробы. С началом царствия

6 Шутова Н. И. Удмурты VI – первой пол. XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. С. 99.

7 Шутова Н. И. Удмурты VI – первой пол. XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. С. 158–160.

8 Шутова Н. И. Удмурты VI – первой пол. XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. С. 182.

Таблица 1. Распределение монет в соответствии с содержанием серебра.

Правитель	Годы правления	Денга			копейка		
		875	900	925	875	900	925
Иван III	1462-1505		1	1			
Иван IV	1533-1584	4	17	1		2	3
Федор Иванович	1584-1598		1				
Михаил Федорович	1613-1645				4	16	2
Алексей Михайлович	1645-1676					2	
Петр I	1682-1718				6	7	1

Петра I и проведенной им денежной реформы для изготовления монет устанавливаются нормативные пробы сплавов общегосударственных монет Российской империи. В пересчёте на чистый металл серебряные монеты становятся более дешевыми. Для ранних периодов, до петровских преобразований, подобная практика не характерна. Несмотря на формирующуюся при Иване IV единую монетную систему, на начальных этапах отсутствовали единые стандарты. Технология производства монет долгое время не менялась. Их получали из вытянутого в проволоку бруска, примерно разделенного на равные доли, которые затем расплющивались. Контрольное взвешивание проводилось только у партий монет. Форма монет при этом отличалась – встречались удлинённые, круглые, и ромбовидные экземпляры. Кроме того, монеты чеканились несколькими денежными дворами, серебро которым поставлялось из государственной казны⁹.

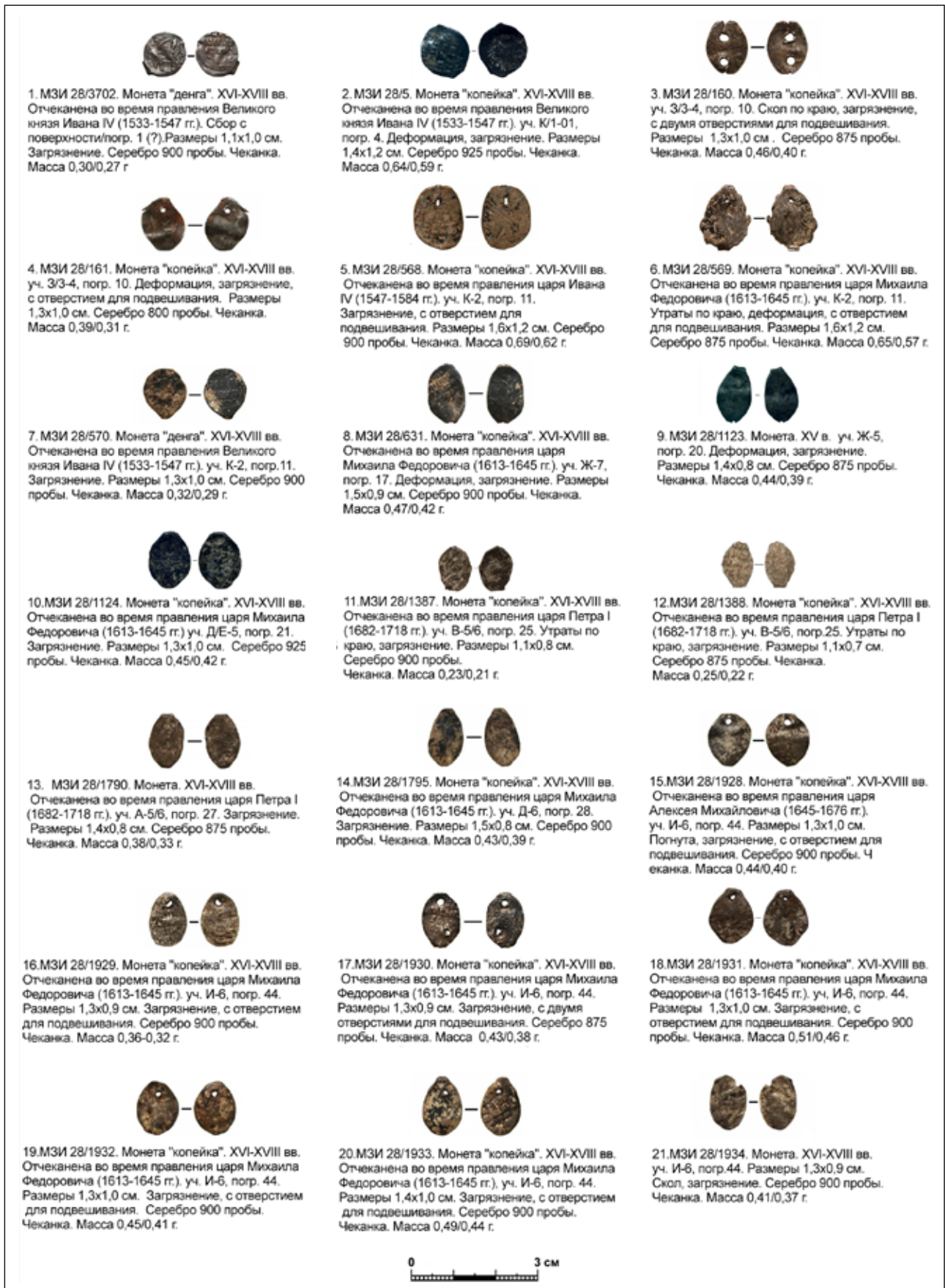
Так, встречаемость нескольких видов проб монет из коллекции Назь-Ворцинского могильника, вероятно, можно объяснить происхождением в разные периоды нахождения у власти одного и того же правителя, а также производством разных монетных дворов. Различия веса и внешнего вида монет определяются технологией их производства. Встречаются экземпляры почти круглой (Илл. 1, №№ 1, 33, 63), овальной (Илл. 1, большинство), вытянутой форм (Илл. 1, №№ 14,

30, 39, 62), порой существенно отличаются по размеру (Илл. 1, №№ 5, 11).

Как показало исследование, собрание серебряных монет из материалов Назь-Ворцинского могильника, выступает важнейшим источником для анализа различных аспектов развития удмуртского населения в конце XV – начале XVIII вв. Коллекция занимает важное место в фондах Музея-заповедника «Иднакар», выступающего одним из центров популяризации и сохранения культурного наследия региона. Экспертиза монетного серебра, организованная силами музея, позволяет решать не только практические задачи, но и открывает широкие перспективы дальнейшего использования полученных данных в научных интерпретациях.

* Текст каталога содержит комплексные данные, и подготовлен на основании описания монет Н.И. Шутовой и музейной атрибуции (Коллекционная опись № 31/1-5182 БУК УР "Историко-культурный музей-заповедник "Иднакар" им. М.Г. Ивановой). Шифры монет согласно коллекционной описи. Сведения о содержании серебра приводятся автором на основании экспертизы пробирной палаты, выполненной 24.07.2015 г. ведущим сотрудником Уральской ГИПН Н.В. Фадеевой на средства музея-заповедника. Масса приводится в лигатуре/в чистоте.* Текст каталога содержит комплексные данные, и подготовлен на основании описания монет Н.И. Шутовой и музейной атрибуции (Коллекционная опись № 31/1-5182 БУК УР "Историко-культурный музей-заповедник "Иднакар" им. М.Г. Ивановой). Шифры монет согласно коллекционной описи. Сведения о содержании серебра приводятся автором на основании экспертизы пробирной палаты, выполненной 24.07.2015 г. ведущим сотрудником Уральской ГИПН Н.В. Фадеевой на средства музея-заповедника. Масса приводится в лигатуре/в чистоте.

9 Нормативная проба сплавов у монет Российской империи [Электронный ресурс]: URL: <https://www.russian-money.ru/articles/> (дата обращения: 01.03.2021).

Илл. 1. Каталог серебряных монет Назь-Ворцинского могильника XVI-XVIII вв. *

22.МЗИ 28/1935. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. И-6, погр. 44. Размеры 1,2x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,37/0,33 г.

23. МЗИ 28/1936. Монета. XVI-XVIII вв. уч. И-6, погр. 44. Размеры 1,2x0,7 см. Царалины, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,35/0,32 г.

24.МЗИ 28/1940. Монета "денга". XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. Ж-7, погр. 45. Размеры 1,1x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,32/0,29 г.

25.МЗИ 28/2029. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. Ж/3-7, погр. 46. Размеры 1,4x0,9 см. Скол по краю, загрязнение, с отверстием для подвешивания. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,40/0,36 г.

26.МЗИ 28/2030. Монета. XVI-XVIII вв. уч. Ж/3-7, погр. 46. Размеры 1,5x0,8 см. Трещина по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,38/0,34 г.

27.МЗИ 28/2031. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. Ж/3-7, погр. 46. Размеры 1,7x0,7 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,25/0,22 г.

28.МЗИ 28/2948. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. И-7/8, погр. 48. Размеры 1,2x0,9 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,43/0,38 г.

29.МЗИ 28/2949. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. И-7/8, погр. 48. Размеры 1,1x0,8 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,30/0,27 г.

30.МЗИ 28/2951. Монета. XVI-XVII вв. уч. К-7/8, погр. 49. Размеры 1,5x0,8. Полнута, загрязнение, с отверстием для подвешивания. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,46/0,41 г.

31.МЗИ 28/3155. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. К-7/8, погр. 49. Размеры 1,1x0,8 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,33/0,30 г.

32.МЗИ 28/3156. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. К-7/8, погр. 49. Размеры 0,9x0,7 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,19/0,17 г.

33.МЗИ 28/3314. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1545 гг.). уч. Ж-9/10, погр. 56. Размеры 1,0x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,31/0,28 г.

34.МЗИ 28/3317. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. Ж-9/10, погр. 56 (По Шутовой Н.И. - п. 58). Размеры 1,1x0,7 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,26/0,23 г.

35.МЗИ 28/3321. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. Б-9/10, погр. 64. Размеры 1,2x1,1 см. Утраты по краю, трещины, хрупкость. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,26/0,23 г.

36.МЗИ 28/3390. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Алексея Михайловича (1645-1676 гг.). уч. В-9/10, погр. 65. Размеры 1,3x0,9 см. Царалины, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,41/0,37 г.

37.МЗИ 28/3391. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. В-9/10, погр. 65. Размеры 1,2x0,8 см. Скол, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,43/0,38 г.

38.МЗИ 28/3395. Монета "денга". XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1545 гг.). уч. Г-10, погр. 67. Размеры 1,1x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,32/0,29 г.

39.МЗИ 28/3396. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. Г-10, погр. 67. Размеры 1,6x1,0 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 925 пробы. Чеканка. Масса 0,68/0,63 г.

40.МЗИ 28/3676. Монета "денга". XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. 3-10, погр. 70. Размеры 1,0x0,9 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,32/0,29 г.

41.МЗИ 28/3677. Монета "денга". XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. 3-10, погр. 70. Размеры 1,1x0,8 см. Сколы, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,32/0,28 г.

42.МЗИ 28/3678. Монета "денга". XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. 3-10, погр. 70. Размеры 1,0x0,9 см. Фрагмент, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,28/0,25 г.

43.МЗИ 28/3679. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Ивана IV (1547-1584 гг.). уч. 3-10, погр. 70. Размеры 1,2x1,0 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,34 г.

44.МЗИ 28/3680. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. 3-10, погр. 70. Размеры 1,0x0,9 см. Фрагмент, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,31/0,26 г.

45.МЗИ 28/3681. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. 3-10, погр. 70. Размеры 1,0x0,8 см. Фрагмент, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,25/0,22 г.

46.МЗИ 28/3711. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. а-11, погр. 73. Размеры 1,1x0,7 см. Утраты по краю, загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,24/0,21 г.

47.МЗИ 28/3716. Монета. XVI-XVIII вв. уч. А-12/13, погр. 74. Размеры 1,2x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,47/0,42 г.

48.МЗИ 28/3717. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. А-12/13, погр. 74. Размеры 1,4x1,0 см. Загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,46/0,40 г.

49.МЗИ 28/3718. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. А-12/13, погр. 74. Размеры 1,1x0,8 см. Загрязнение. Серебро 925 пробы. Чеканка. Масса 0,21/0,19 г.

50.МЗИ 28/3719. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Петра I (1682-1718 гг.). уч. А-12/13, погр. 74. Размеры 0,9x0,7 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 925 пробы. Чеканка. Масса 0,20/0,19 г.

51.МЗИ 28/3728. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. Д/Е-11, погр. 77. Размеры 1,4x1,1 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,47/0,42 г.

52.МЗИ 28/3729. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. Д/Е-11, погр. 77. Размеры 1,1x0,9 см. Загрязнение. Серебро 875 пробы. Чеканка. Масса 0,31/0,27 г.

53.МЗИ 28/3730. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Федора Ивановича (1584-1598 гг.). уч. Д/Е-11, погр. 77. Размеры 1,2x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,34/0,31 г.

54.МЗИ 28/3731. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. Д/Е-11, погр. 77. Размеры 1,4x1,0 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,48/0,43 г.

55.МЗИ 28/3732. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. Д/Е-11, погр. 77. Размеры 1,3x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,51/0,46 г.

56.МЗИ 28/3733. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. Д/Е-11, погр. 77. Размеры 1,0x1,0 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 925 пробы. Чеканка. Масса 0,31/0,29 г.

57.МЗИ 28/4004. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. Д-12, погр. 79. Размеры 1,5x1,1 см. Загрязнение. Серебро 925 пробы. Чеканка. Масса 0,64/0,59 г.

58.МЗИ 28/4007. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. Б-13, погр. 81. Размеры 1,3x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,44/0,40 г.

59.МЗИ 28/4011. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. 6-12, погр. 85. Размеры 1,4x1,1 см. Сколы по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,46/0,41 г.

60.МЗИ 28/4012. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. 6-12, погр. 85. Размеры 1,4x1,0 см. Скол по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,45/0,41 г.

61.МЗИ 28/4013. Монета "копейка". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). уч. 6-12, погр. 85. Размеры 1,3x0,9 см. Загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,47/0,42 г.

62.МЗИ 28/4616. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана III (1462-1505 гг.). уч. 6-12, погр. 86. Размеры 1,7x1,0 см. Понута, загрязнение, с отверстием для подвешивания. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,54/0,49 г.

63.МЗИ 28/4617. Монета "денга". XVI-XVIII вв. Отчеканена во время правления Великого князя Ивана IV (1533-1547 гг.). уч. 6-12, погр. 86. Размеры 1,2x1,1 см. Сколы по краю, загрязнение. Серебро 900 пробы. Чеканка. Масса 0,31/0,28 г.

Список литературы

1. Нормативная проба сплавов у монет Российской империи [Электронный ресурс]: URL: <https://www.russian-money.ru/articles/> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004. С. 115–116.
3. Приказ от 15 декабря 1987 г. № 0513 «Об инструкции по учету и хранению музейных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в государственных музеях СССР» [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100975 (дата обращения 12.10.2018).
4. Русских Е. Л., Вершинин П. А. Деятельность Музея-заповедника «Иднакар» по апробации монетного серебра (на примере Омутницкого клада IX в.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2018. Вып. 8. С. 36–39.
5. Шутова Н. И. Удмурты VI – первой пол. XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. 264 с.
6. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. 304 с.

SILVER COINS XV – XVIII CENTURIES IN COLLECTIONS MUSEUM "IDNAKAR"

Russkikh Elena Lvovna,

junior researcher, Udmurt Federal Research Center of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
st. T. Baramzina, 34, Izhevsk, Russia, 426067.
E-mail: elenalar87@mail.ru

Abstract

This article publishes data on the silver content in the coins of the collection of one of the burial monuments of the Udmurt population of the 15th – 18th centuries. Such material, contained in the accompanying inventory of pre-Christian burials, serves as an indicator of various processes taking place on the outskirts of the emerging Russian centralized state. An illustrated catalog of coins that have passed state approbation is offered, as well as an analysis of the collection in terms of the value of a historical source.

Keywords

Museum "Idnakar", Udmurts, burial ground, collection, coins, approbation, silver, catalog.

RAR
УДК 069
ББК 79.0
10.34685/НИ.2021.33.2.011

УСАДЕБНОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Бондарь Виталий Вячеславович,
кандидат исторических наук,
советник Российской академии архитектуры и строительных наук,
ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия,
Южный филиал
ул. Красная, 28, г. Краснодар, Россия, 350063.
E-mail: bonvita@yandex.ru

Рысин Юрий Владимирович,
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук
Заслуженный архитектор Российской Федерации, советник главы администрации
(губернатора) Краснодарского края,
ул. Красная, 35, г. Краснодар, Россия, 350014.
E-mail: yury.rysin@gmail.com

Аннотация

В статье характеризуется корпус расположенных на российском Черноморском побережье Кавказа памятников усадебного наследия, обозначаются задачи его комплексного исследования, предлагается метод актуализации социально-культурных и хозяйственно-экономических функций бесхозных, разрушающихся и руинированных зданий и сооружений посредством отказа от затратного и долговременного реставрационного процесса в пользу консервации, фиксирующей подлинные характеристики объектов, востребованные в туристско-рекреационной сфере.

Ключевые слова

Усадебное наследие, Черноморское побережье Кавказа, культурный ландшафт, консервация объектов культурного наследия.

---

1 Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по темам: «Культурные ландшафты исторических поселений Северо-Западного Кавказа», «Энциклопедическое издание «Культурное наследие Юга России».

Усадебное наследие, составляющее значительный пласт культуры Черноморья и во многом определяющее характер культурных ландшафтов поселений и курортных местностей, остается на сегодняшний день практически неизученным ни с историко-архитектурной, ни с историко-биографической точек зрения, ни в общем контексте истории освоения края. Имеющиеся справки и описания отдельных объектов, входящие в состав учетной документации памятников истории и культуры, восполняют этот пробел лишь отчасти и не составляют сколько-нибудь целостной картины явления.

Между тем, корпус памятников усадебной культуры (истории, архитектуры и градостроительства, садово-паркового, инженерного искусства) даже с учетом значительных утрат в годы Великой Отечественной войны и искажений перестройками в процессе эксплуатации, включая бесхозные, находящиеся в заброшенном и даже руинированном состоянии объекты, представляет несомненный интерес как в плане перспектив научного изучения, сохранения и актуализации социально-культурных функций, так и в смысле хозяйственно-экономического потенциала, в первую очередь - в туристско-рекреационной сфере. Перед исследователями стоят задачи описания феномена черноморской усадьбы, периодизации и типологии этого явления, вопросы, относящиеся к понятийно-терминологической сфере: характеристика понятия «культурный участок», «дача», «усадьба», «имение» применительно к Черноморскому побережью Кавказа конца XIX – начала XX столетий. Отдельный предмет исследования, перекликающийся с задачами типологии, составляет анализ роли и места усадеб в социально-культурной и хозяйственно-экономической жизни края, в истории формирования пространств и инфраструктуры населенных мест, курортных, сельских территорий. С точки зрения практики сохранения и использования культурного наследия, планирования пространственного развития территорий особо актуальным представляется научная фиксация массива сохранившихся памятников усадебной культуры, определение методов сохранения и актуализации их социально-культурных и хозяйственных функций.

Остатки старинных усадеб и дач расположены практически по всему «краснодарскому» побережью Черного моря, но если история

и архитектура бывших дач и крупных имений Сочи и его окрестностей, хотя и обзорно, изучалась¹, то усадьбы от Анапы до Туапсе и границ Большого Сочи до сих пор были лишь предметом выборочного, исходя из местоположения объектов, степени их сохранности и наличия доступной информации, описания в краеведческой литературе. Исключение составляет замечательный пример «тотальной истории», написанной в научно-популярном жанре С. В. Старком «Ольгинка. 1864–1991. Тайная история»².

Например, среди анапских памятников в литературе и сети Интернет наиболее часто упоминаются остатки дачи известного предпринимателя и общественного деятеля И.Н. Дидмана и усадьбы доктора В.А. Будзинского, в которой основатель курорта устроил санаторий с грязелечебницей; в окрестностях Новороссийска известны руины дачи-«замка» академика Б. Б. Голицына, в геленджикской округе – джанхотская дача знаменитого писателя В.Г. Короленко, в которой устроен музей; в Туапсинском районе – дача видного русского инженера и ученого Н.П. Петрова. Вне доступного информационного поля остаются десятки не менее значительных памятников усадебной культуры, ценных как своими архитектурно-художественными качествами, так и причастностью к биографиям выдающихся личностей общероссийского и даже мирового масштаба. Большею частью это бывшие господские дома, но встречаются постройки хозяйственного назначения, остатки парков и фрагменты усадебных территориальных комплексов.

В общем массиве усадебного наследия имеет смысл выделять здания и сооружения, в отдельных случаях – с функционально и визуально тяготеющими фрагментами исторических территорий, – имеющие статус объектов культурного

1 История Сочи в открытках и воспоминаниях. Часть I. Старый Сочи. Забытые страницы. Конец XIX – начало XX вв. Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгя», 2007; Солодько А. С., Кривошапка Д. И. Парки, сады и скверы Сочи. К истории паркостроения. Сочи, 2014; Захарова Н. Дачная история: Дома и дачи Сочинского округа. – [б. м.]: Издательские решения, 2016; Захарова Н. Первые дома и дачи: Путеводитель в архитектуру Сочи – [б. м.]: Издательские решения, 2018. – 190 с.

2 Старк С. В. Ольгинка. Тайная история. 1864-1991. Киров: Дом печати – Вятка, 2020.

Илл. 1. Руины господского дома в бывшей усадьбе князя Б. Б. Голицына на восточной окраине Новороссийска. Вид с юго-запада. Фото В. В. Бондаря, 2015 г.

наследия. К таковым относятся, помимо упомянутых выше, дача известного археолога Н.И. Веселовского в Анапе; остатки усадьбы инженера А.Н. Щенсновича близ «Пенайского берега» в Новороссийске; дачи таможенного чиновника Савицкого и генерала Н. И. Вишневецкого в Геленджике; в Туапсинском районе – остатки усадьбы доктора Д.М. Лаврова в Джубге, дачи генерала А.И. Бескровного на окраине поселка Новомихайловского (включенной в 2020 году в список выявленных объектов культурного наследия по результатам наших исследований), дача вдовы статского советника С.Д. Соковой в поселке Ольгинка, дача исследователя Арктики генерал-лейтенанта А. И. Варнека (?) в поселке Сосновый, городская вилла «Евгения» инженера А.А. Копылова в Туапсе, остатки господского дома в имении полковника А. В. Квитко в поселке Гизель-Дере, виллы нотариуса Бородавко (по другим данным – барона фон Крита) в поселке Весна и дачи генерала Н. П. Петрова – видного российского ученого-механика и инженера – в поселке Шепси. Наибольшее же число памятников усадебной культуры, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия, либо в списки выявленных,

находится на территории Большого Сочи. Это бывшее имение С. Н. Худекова с регулярным террасным парком-питомником, vilлой «Надежда» и целым рядом произведений парковой архитектуры и скульптуры (ныне центральная часть Дендрария), ансамбль знаменитой vilлы «Вера» М.А. Костарёвой, дачи генерала Н.А. Воронова, профессора Ф.К. Трапезникова, статского советника С.С. Зиновьева, купца В.А. Хлудова в Центральном районе города-курорта; vilла «Светлана» парижского коммунара А.П. Фронштейна, дачи профессора А.В. Яковсона, генерала А.Н. Куропаткина, артиста Н.А. Шевелева, полковника А.В. Квитко, господский дом бывшего имения «Михайловское» М.М. Зензинова в Хостинском районе; дачи известного адвоката Ф. Н. Плевако и знаменитого ученого, лейбхирурга, профессора Е. В. Павлова в поселке Уч-Дере Лазаревского района и другие.

Многие объекты из этого списка находятся в хозяйственном обороте – служат жильем, используются как корпуса санаториев, пансионатов, домов отдыха, гостиниц, здания музеев и прочих учреждений, организаций, служб и т.д. Отдельные памятники, как, например, дачи Савицкого в Геленджике, Соковой в пос. Ольгинка Туапсинского района, сочинские vilла «Вера», vilла «Надежда» с комплексом парковых сооружений бывшей усадьбы Худекова в Дендрарии, дачи А.В. Яковсона, Ф.К. Трапезникова – были в постсоветское время отреставрированы. Единичные памятники воссозданы после разрушения: сочинская дача В.А. Хлудова, претерпевшая заметные изменения в облике, но сохранившая статус объекта культурного наследия, и vilла «Теремок» братьев Рановских (по другим данным – гостевой дом имения С.Н. Худекова) на бывшей «Верещагинской стороне» Сочи, справедливо не включенная в списки памятников. Также единичны факты сохранения охранного статуса фактически уничтоженных зданий, примером которых служит дача П.И. Ковалевского под Новороссийском, на месте которой собственник выстроил современное, размерами приспособленное под его нужды здание «в стиле» утраченного оригинала.

подавляющее большинство зданий и сооружений, относящихся к памятникам усадебной архитектуры, переступило, вследствие интенсивной эксплуатации в советское время и, в целом ряде случаев, бесхозности постсо-

ветского периода, порог своей физической сохранности и пребывает в состоянии, близком к аварийному, либо состоянию частичного разрушения. В этой массе отдельную группу составляют руины старинных построек, в некоторых случаях – с прилегающими к ним заброшенными парками. Наиболее яркими примерами здесь служат все еще находящиеся в хозяйственном обороте остатки усадьбы (господский дом, флигель, винодельня, остатки парка) известного российского ученого-статистика, кубанского историка Ф.А. Щербины в Джанхоте, понесшие в последние годы заметные утраты в облике дачи А. П. Бразоля и (И.П.?) Покровского на бывших Верещагинских участках в Сочи, а также бесхозные руины упомянутых выше дач И.Н. Дицмана в Анапе, Ф.Н. Плевако в Уч-Дере, А.В. Квитко близ Хосты.

Илл. 2. Руины господского дома в бывшем имении Суворино в урочище Агрива. Восточный фасад. Фото В. В. Бондаря, 2020 г.

К этой же группе памятников следует отнести и не имеющие охранного статуса фрагменты старинных усадеб и дач, обладающие характеристиками подлинности и выступающие идентификаторами поселений, курортных территорий и локальных культурных ландшафтов. Наиболее выразительные образцы таких объектов – малоизвестные остатки имений Суворино и Масловка, сохранившиеся в урочище Агрива – бывшей «дачной местности» между селами Ольгинка и Новомихайловское (ныне Туапсинского района). От первой усадьбы, принадлежавшей М.А. Суворину – видному российскому журналисту, издателю и общественному деятелю, сохранилась оставшаяся незастроен-

ной выходящая к береговому обрыву эспланада бывшего парка, ныне поросшая лесом, и большой господский дом, который с полным на то основанием можно отнести к выдающимся образцам русской усадебной архитектуры начала XX столетия. Гармоничное сочетание классицистической основы композиции и «цитирования» дорического ордера со свойственной зрелой версии модерна подчеркнутой геометризацией компоновки и лаконичностью декора даёт основания предполагать авторство архитектора (архитекторов) «первого ряда». Установлено частичное композиционное и общее декоративно-пластическое сходство суворинского дома в Агриве с павильоном России на Всемирной выставке в Турине 1911 года, созданным по проекту В.А. Шуко,³ и опосредованное – с выдающимся произведением русского ампира – Музыкальным павильоном Конного двора в усадьбе князей Голицыных в Кузьминках архитектора Д.И. Жилярди (1823 г.)⁴, который историки архитектуры Е.А. Белецкая и З.К. Покровская, относят к числу «самых совершенных произведений мастера», где «простейшими средствами зодчий достиг гармонии и выразительности архитектурных форм»⁵. К сегодняшнему дню, вследствие утраты крыши, здание подвержено атмосферной абразии, что грозит ему скорым разрушением.

В отличие от бывшей усадьбы Суворина, хоть и отдаленной от крупных населенных пунктов, но все же имеющей свободную транспортную доступность, остатки имения генерал-инженера А.Н. Маслова – видного военного деятеля, участника нескольких кампаний, публициста и писателя – находятся в густом прибрежном лесу и имеют лишь пешую доступность. Здесь сохранились руины большого эклектических форм господского дома, постав-

- 3 М. Б. Русские павильоны на международных выставках 1911 года в Италии // Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. 1912. XLI год издания. – 4 ноября. № 45. С. 439–440, таб. 50–51.
- 4 Рзянин М. И. Русская архитектура х–XIX веков / Серия: Беседы об архитектуре. / Под общ. ред. действ. чл. Акад. архитектуры СССР Б. М. Иофана. – М: Изд. Академии Архитектуры СССР, 1947. С. 121–122.
- 5 Белецкая Е. А., Покровская З. К. Д. Жилярди (1785–1845) // Зодчие Москвы. XV–XIX вв. / Сост. Ю. С. Яралов. М.: Московский рабочий, 1981. С. 234.

Илл. 3. Руины господского дома в бывшем имении Суворино в урочище Агрива. Северо-западный угол и фрагмент колоннады западного фасада. Фото В. В. Бондаря, 2020 г.

ленного на крутом склоне южной экспозиции, на территории бывшего парка – фрагменты дороги, две частично разрушенные водонапорные башни, в одной из балок – бювет с остатками небольшого бассейна. По результатам обследования территорий и атрибуции бывших имений М.А. Суворина и А.Н. Маслова в сентябре и декабре 2020 года в управление государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края были поданы заявления о включении этих памятников в перечень выявленных объектов культурного наследия именно в существующем руинированном состоянии, с перспективой консервации либо реставрации с воссозданием утраченных элементов зданий и хозяйственных сооружений.

Илл. 4. Бювет и остатки бассейна в парке бывшего имения Масловка в урочище Агрива. Фото В. В. Бондаря, 2020 г.

Факт обилия памятников, находящихся в плачевном состоянии, и результаты наблюдения реставрационного процесса последних лет наводят на мысль о невозможности сохранения и актуализации социально-культурных функций усадебного наследия посредством реставрации в срок, сопоставимый с предполагаемым периодом полного разрушения памятников. Выход, при таких обстоятельствах, видится в изменении содержания мероприятий по сохранению объектов наследия, а именно заменой реставрации гораздо менее затратной консервацией. Этот метод – предотвращающая разрушение фиксация (укрепление и создание защитных свойств) памятника в подлинном существующем облике, без реставрационных дополнений – позволит сузить возможности хозяйственного использования, обеспечивающего его сохранность и реализацию социально-культурных функций рамками научно-просветительной, экскурсионно-туристической и рекреационной сфер. Отсутствие у зданий, сооружений и территорий материальных качеств, необходимых для их коммерческого и иного утилитарного хозяйственного использования, уберезит собственников (пользователей) от скрывающихся под формулировкой «приспособление для современного использования», противоречащих закону переделок, приводящих к полной либо частичной утрате историко-культурной ценности таких объектов. Кроме того, руинированные памятники усадебной культуры, имеющие в общественном сознании притягательный романтический образ «графских развалин», способны, после консервации и обеспечения свободного и безопасного доступа, реализовать этот потенциал аттрактивности, востребованной в экскурсионно-туристической и рекреационной сферах экономики.

Подводя итог, констатируем: корпус различных по составу, качественным характеристикам, степени вовлеченности в хозяйственный оборот и показателям сохранности памятников усадебного наследия Черноморского побережья Кавказа нуждается в комплексном исследовании, в ряду целей которого, помимо получения научно-теоретических результатов, предполагается создание системы мер по сохранению находящихся под угрозой утраты подлинных качеств старинных усадебных зданий, сооружений и исторически связанных с ними территорий. Наиболее рациональным под-

ходом к предотвращению разрушения таких объектов, гарантирующим сохранение характеристик подлинности как собственно объектов, так и культурных ландшафтов, обеспечивающим возможности доступа граждан и, тем самым способствующим популяризации культурного наследия страны, нам представляется консервация, фиксирующая текущее состояние объектов.

Список литературы

1. Белецкая Е. А., Покровская З. К. Д. Жиллярди (1785–1845) // Зодчие Москвы. XV–XIX вв. / Сост. Ю. С. Яралов. М. : Московский рабочий, 1981. С. 225– 237.

2. Захарова Н. Дачная история: Дома и дачи Сочинского округа. – [б. м.]: Издательские решения, 2016. 116 с.

3. Захарова Н. Первые дома и дачи: Путеводитель в архитектуру Сочи. – [б. м.]: Издательские решения, 2018. 190 с.

4. История Сочи в открытках и воспоминаниях. Часть I. Старый Сочи. Забытые страницы. Конец XIX – начало XX вв. Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2007. 136 с.

5. М. Б. Русские павильоны на международных выставках 1911 года в Италии // Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. 1912. XLI год издания. 4 ноября. № 45.

6. Рзянин М. И. Русская архитектура X–XIX веков / Серия: Беседы об архитектуре. / Под общ. ред. действ. чл. Акад. архитектуры СССР Б. М. Иофана. М. : Изд. Академии Архитектуры СССР, 1947. 132 с.

7. Солодько А.С., Кривошапка Д. И. Парки, сады и скверы Сочи. К истории паркостроения. Сочи, 2014. 131 с.

8. Старк С.В. Ольгинка. Тайная история. 1864-1991. Киров : Дом печати Вятка, 2020.

**MANOR ARCHITECTURAL HERITAGE
IN THE CULTURAL LANDSCAPES OF THE BLACK SEA
COAST OF THE CAUCASUS: PROBLEMS OF STUDY,
PRESERVATION AND PROSPECTS OF USE**

Bondar Vitaly Vyacheslavovich,

PhD,

Adviser to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Leading
Researcher, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Southern
Branch,

Krasnaya Str., 28, Krasnodar, Russia, 350063.

E-mail: bonvita@yandex.ru

Rysin Yuri Vladimirovich,

Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Construction
Sciences, Honored Architect of the Russian Federation, Adviser to the Head of the
Administration (Governor) of the Krasnodar Territory,
35 Krasnaya Str., Krasnodar, Russia, 350014.

E-mail: yury.rysin@gmail.com

Abstract

In article the case of the monuments of farmstead heritage located on the Russian Black Sea coast of the Caucasus is characterized, problems of his complex research are designated, the method of updating of welfare and economic and economic functions of the ownerless, collapsing and ruined buildings and constructions by means of refusal of expensive and long-term restoration process in favor of the preservation fixing the original characteristics of objects demanded in the tourist and recreational sphere is offered.

Keywords

Estate heritage, Black Sea coast of the Caucasus, cultural landscape, preservation of cultural heritage objects.

RAR
УДК: 069
ББК: 79
10.34685/НИ.2021.33.2.012

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ

Краснова Татьяна Николаевна,
соискатель,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия
им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия),
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366.
E-mail: tatyana.n.krasnova@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются проблемы связанные с сохранением объектов культурного наследия – археологической керамики, средствами реставрации. Одним из факторов успешности реставрации является оценка сохранности предмета. Для этого предлагается использовать методологический подход, в основе которого лежит материаловедческий анализ, позволяющий выделить и объективно оценить основные характеристики объекта реставрации.

Ключевые слова

Археологическая керамика, реставрация, оценка сохранности, качество реставрационных работ.

Каждый год археологи извлекают из земли сотни предметов, и большинство из них являются продуктами керамического производства. Это предметы утилитарного, культового назначения, украшения, которые являются ценным источником информации для изучения исчезнувших культур, так как позволяют реконструировать древние технологии, понять их уровень развития, особенности быта, верований и эстетических представлений древних народов¹. (Илл. 1.).

Илл. 1. Примеры использования изделий из керамики:

1. Египетский бледно-голубой фаянс Ушебти из Неферибресанейт, 26-я династия, правление Амасиса, 570-526 гг. до н. э. (по: Древнеегипетская скульптура, <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2015/antiquities-n09438/lot.21.html>).

2. Египетский бледно-голубой фаянсовый амулет Тота, 26-30 династии, 664-342 гг. до н.э. (по: Древнеегипетская скульптура, <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2015/antiquities-n09438/lot.37.html>).

3. Миска. Керамика трипольской культуры IV-III тыс. до н.э. (по: фото автора Красновой Т.Н., Национальный музей-заповедник

---

1 Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Под ред. А. А. Бобринского. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.

украинского гончарства в Опошне. Украина. Полтавская обл.).

4. Старейшая из известных керамических скульптур – Венера из Дольни Вестонице – Моравия. Венера из Дольни Вестонице. Верхний палеолит, керамика. (граветтская культура, между 29 000 и 25 000 гг. до н. э. обнаружена в 1925 г). Находится в Моравском Земской музее в Чехии. (по: Venus of Dolní Věstonice, <https://arthistoryproject.com/timeline/prehistory/paleolithic/venus-of-dolni-vestonice>).

5. Египетский фаянс, бусина и подвеска из сердолика, Новое царство / 3-й промежуточный период, 1540-716 гг. до н.э. (по: Древнеегипетская скульптура, <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2015/antiquities-n09438/lot.40.html>).

6. Редкое древнеегипетское фигурное кольцо из фаянса. Новое королевство, династия 18-19-го года (по: Древнеегипетская скульптура, <http://www.sothebys.com>).

7- 8 Фаянсовые амулеты тз Полоцкой земли;

7. Подвеска. Фаянсовый амулет, бывшая Витебская губерния. (по: Костюкевич А.В., Фаянсовые украшения с территории полоцкой земли, 2017: 141)².

8 Ангел. Фаянсовый амулет, поселение на Менке (Минский район Минской области) X–XI вв (раскопки Г.В. Штыхова) (по: Костюкевич А.В., Фаянсовые украшения с территории полоцкой земли, 2017.)³ 140).

9. Ваза в форме утки из полихромного фаянса, период Птолемеев (по: The Walters Art Museum, <https://thewalters.org>).

Археологи и исследователи проделали колоссальную работу по систематизации и описанию древних памятников. Созданы специальные методики, по которым классифицируют⁴

отдельные детали изделий (венчики, доньшки, ручки), орнаменты, следы формовки, обработки поверхности. В последние десятилетия появилось новое направление в археологии – экспериментальная, целью которой является изучение гончарной традиции, состава керамических масс, температурных и газовых режимов обжига изделий⁵. Безусловно, это очень важная историко-культурная информация⁶. Но в стороне остается проблема сохранения полученного в результате археологических экспедиций фактического материала, который до нас доходит, к сожалению, иногда только в виде фрагментов, из которых не всегда можно воссоздать целое. Да и сами фрагменты или предметы имеют разную степень сохранности. И вот тут на первый план выступает реставрация. Именно на нее, а точнее – на реставратора, общество возлагает ответственность за сохранение, дошедших из глубины веков артефактов⁷.

Функция реставратора, как гласит профессиональный кодекс Европейской Конфедерации Организаций Консерваторов-реставраторов⁸, состоит в сохранении культурных ценностей в их эстетическом и историческом значении и физической целостности ради современных и будущих поколений. Отныне никакие другие цели воздействия на памятник культуры не могут считаться корректными, «поскольку забота о них поручается обществом консерватору-ре-

ологическая типология.// Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО. 1991. 448 с.

5 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения.// М.: Наука. 1978. 272 с. Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, С. 5–109.

6 Историко-культурная информация – это сведения о традициях изготовления, распространения и применения предметных реалий, находимых в раскопках. Результаты изучения таких традиции используются при рассмотрении актуальных проблем современной археологии, в частности, при исследованиях истории древнего населения.

7 The Conservator-Restorer: a definition of the profession. ICOM-CC, Copenhagen, 1984. 3с.

8 E.C.C.O. — E.K.O.K. European Confederation of Conservator-Restorers 'Organizations.

2 Костюкевич, А.В. Фаянсовые украшения с территории полоцкой земли / А.В. Костюкевич // Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы: материалы Междунар. молодежн. научн.-практ. конф. / под общ. ред. А.Г. Ситдикова. Казань, Болгар, 2017. № 4. С. 137–141.

3 Там же.

4 По определению Л.С. Кдейна классификация — это инструмент для анализа информации и его систематизации, построения типологии, ориентированной на решение исследовательской проблемы, построение хронологии, выделение локальных типов Клейн Л.С., Архе-

ставратору, он несет ответственность не только перед культурной ценностью, но также перед владельцем или законным хранителем, автором или создателем, обществом и последующими поколениями»⁹.

Однако в отсутствии четких регламентов, реставрационной деятельности в этой области она зачастую превращается в предмет творчества реставраторов. Эти же вопросы не раз обсуждались на конференциях, на страницах научных изданий Л.А. Леликовым¹⁰, В.В. Зверевым¹¹, Ю.Г. Бобровым¹², О.В. Яхонтом¹³, а также другими реставраторами и исследователями¹⁴. Однако в сфере реставрации керамики они остались на

уровне общих разработок. Этому есть несколько причин.

1. Ни один ВУЗ не готовит специалистов в этой области. Это связано с тем, что не разработана методическая база реставрации керамики, как отдельной группы памятников, для которых характерны свои материалы и технологии. Причем, надо заметить, что в зависимости от способов обработки исходного сырья и технологических процессов можно получить разное по качеству и эстетическому виду изделие, например, грубое керамическое или тонкокерамическое фаянсовое или фарфоровое. (Илл. 2).

9 Бобров Ю.Г. Определение профессии реставратора. // Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX — XX веках. История, проблемы. Учебное пособие. М. Академический проект. Альма Матер, 2008. с. 7–8.

10 Леонид Аркадьевич Лелеков (1934 – 1988 гг.), историк – востоковед и специалист в области теории реставрации научных трудов. Свои взгляды он изложил в статье «Теоретические проблемы современной реставрационной науки». Художественное наследие. Сборник научных трудов. Внеочередной выпуск. ВНИИР. М., 1989.

11 Зверев Владимир Владимирович. Доцент Кафедры всеобщей истории искусств МГУ, Кандидат искусствоведения (1984 год), тема диссертации: "Формирование теории и практики научной реставрации в России в XIX – начале XX вв." Зверев В.В. О понятии «Научная реставрация». //Исторические исследования № 13. 2019. С. 128-142 Зверев В.В. От поновления к научной реставрации Москва: РИО ГосНИИР, 1999. 100 с.

12 Юрий Григорьевич Бобров, академик Российской академии художеств, доктор искусствоведения, заведующий кафедрой реставрации живописи Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Бобров Ю.Г. Философия современной консервации-реставрации. Иллюзии или реальность. М. ИД Художественная школа. 2017. 288 с.

13 Олег Васильевич Яхонт – член-корреспондент Российской Академии Художеств, профессор, искусствовед, кандидат искусствоведения, художник-реставратор высшей квалификации, автор ряда книг и многочисленных статей по истории, теории и практике реставрации, атрибуции, истории искусства. Яхонт О.В. «О реставрации и атрибуции. М. Сканрус. 2007. 270 с.

14 Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX - XX веках. История, проблемы. Учебное пособие. М. ГосНИИР. 262 с. Коллектив авторов: А.Б. Алешин, Ю.Г. Бобров, Н.Г. Брегман, В.В. Зверев, М.М. Красилин, Л.И. Лифшиц, С.П. Масленицына, К.И. Маслов, И.П. Мокрецова, Н.Л. Ребрикова, Т.С. Федосеева, О.Л. Фирсова, Ю.А. Халтурин, Л.В. Шестопалова, О.В. Яхонт. Отв. редакто-

Илл. 2. Пример получения разных по качеству изделий, в зависимости от технологии производства. Археологический горшок из грубой керамики и современное фарфоровое изделие аналогичной формы:

1. Горшок. Керамика трипольской культуры IV-III тыс. до н.э. (по: фото автора Красновой Т.Н., Национальный музей-заповедник украинского гончарства в Опощине).

2. Горшок с крышкой. Современная керамика (по: Интернет-магазин «Клен» https://www.klenmarket.ru/shop/cookware/crockery/ceramic_pots/pot-to-extinguish-the-500-ml-lid).

ры: доктор искусствоведения Л.И. Лифшиц, кандидат химических наук А.В. Трезвов.

2. Существующая на сегодняшний день система получения реставраторами квалификационных категорий, от которых напрямую зависит их заработная плата, является несовершенной, а в некоторых случаях даже порочной. Это связано с тем, что уровень мастерства реставратора определяется сложностью и количеством реставрационных процедур на памятнике, а не исходит из потребностей самого памятника. Поэтому реставраторы, пытаясь продемонстрировать свое мастерство и владение методиками, зачастую выполняют те реставрационные мероприятия, которые памятнику не нужны.

3. До конца не разработана система оценки качества реставрационных работ. Неясно, что является конечной целью реставрации и не определена степень допустимости реставрационных вмешательств.

4. Нет четкого определения, что мы понимаем под сохранностью памятника из керамики и по каким критериям определять степень его сохранности. Например, если изначально керамическое изделие было выполнено из плохо подготовленного сырья, с грубыми включениями и подвергалось низкотемпературному обжигу, то оно, априори, не будет обладать высокими прочностными характеристиками, а реставрация может в корне изменить эти показатели.

Надо понимать, что реставратор вносит в памятник свои коррективы, изменяя его аутентичные свойства, и каждая последующая реставрация постепенно превращает памятник в муляж.

Весь этот комплекс вопросов непосредственно связан с задачами, которые ставит перед собой реставратор, изучая и сохраняя археологические памятники и от результатов реставрации во многом зависит, что будет сохранять музей: артефакты или муляжи.

Первое, на что следует обратить особое внимание, и с чего вообще надо начинать любое реставрационное вмешательство, – это оценка сохранности предмета. К сожалению, на сегодняшний день нет данных о разработанных критериях оценки сохранности археологической керамики. Такие попытки были предприняты для описания степени сохранности библиотечных фондов¹⁵,

археологических предметов из медных сплавов¹⁶ и монет¹⁷, которые также являются объектами культурного наследия и нуждаются в реставрации и сохранении. В нумизматике этот механизм разрабатывается для коммерческих целей, в связи с тем, что у антикваров возникла необходимость оценки стоимости монет.

Что же касается объектов археологической керамики, то до сих пор отсутствуют какие-либо документы, регламентирующие даже процесс описания состояния сохранности. Существует унифицированный «Паспорт реставрации памятника истории и культуры (движимый)», разработанный еще в 70-е годы XX в, который обязателен к заполнению. Он основывается на визуально-описательном подходе. Каждый реставратор описывает состояние сохранности памятника, поступившего на реставрацию, согласно своим представлениям, используя ту терминологию, которой владеет. Например, один и тот же дефект может быть описан, как «скол», «выбоина», «мелкая утрата», «щербинка», «выпадение кусочка»; а при описании разбитого изделия: «состоит из «n» количества «фрагментов», «кусков», «частей», «деталей», «черепков», «ломтиков» и другое. Иногда без фотографии объекта понять, о чем идет речь, не представляется возможным, не говоря уже о том, что местам расположения этих дефектов также даются свои определения (например, «тулово сосуда», «пузо» или «выпуклая часть горшка»). Еще один пример: поверхность керамических изделий вследствие различных причин имеет и различные виды повреждений, изучение которых позволяет выявлять новые данные об особенностях технологии, эксплуатации, бытовании предмета, условиях его залегания. Они визуально хорошо различимы, даже без применения специальных оптических приборов, однако при описании сохранности

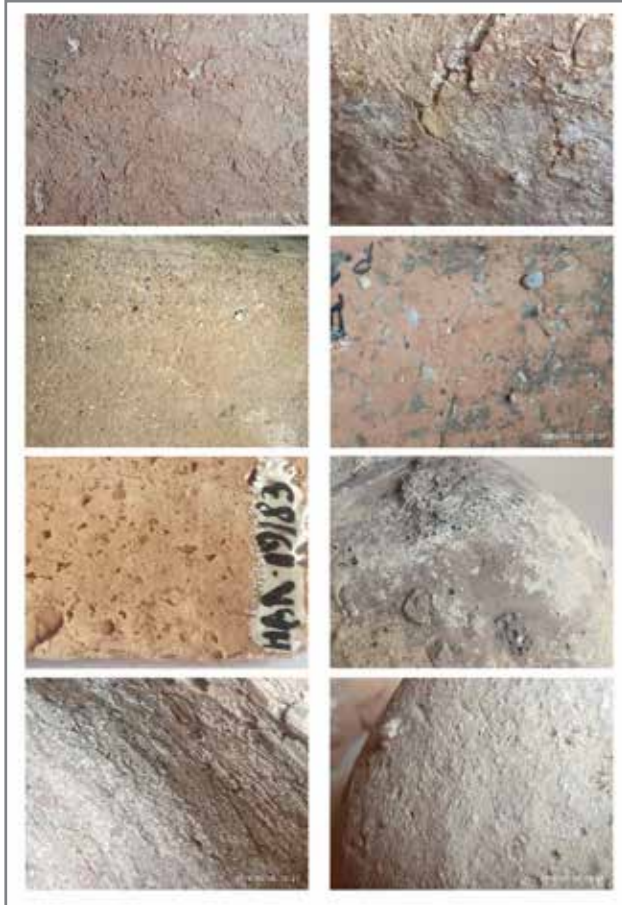
Open Information Technologies ISSN: 2307-8162 vol. 6, no.12, 2018

16 Буршнева С.Г. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sohrannosti-arheologicheskikh-nahodok-iz-mednyh-splavov>

17 Краткие сведения об определении степени сохранности монет имеются в статье Ивана Ракитина «Оценка сохранности монет». URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/numizmatika/kak-opredelit-stepen-sohrannosti-monety> (дата обращения 8.04.20)

15 Катгуева Я.В., Белинская М.А., Боримова А.А. Информационная карта, основа для получения оценки сохранности библиотечных коллекций International Journal of

археологи, реставраторы и музейные работники ограничивается одним словом «хорошая» – «плохая» или используя термин «мягкий»¹⁸ черепок. (Илл. 3.).

Илл. 3. Виды повреждений поверхности черепка археологических изделий из грубой керамики (фото Красновой Т.Н.).

Визуально-описательный подход, применяемый при описании не только морфологических признаков изделия, но и при оценке состояния сохранности, требует четко сформулированную терминологию и понятийный аппарат для того, чтобы получить максимально полную информацию о памятнике и избежать разночтения.

Для оценки сохранности археологической керамики наиболее важным является методологический подход, в основе которого лежит материаловедческий анализ, позволяющий выделить основ-

ные характеристики эксплуатационных свойств археологической керамики. таких, как: долговечность, прочность, износостойкость, светостойкость, биостойкость и т.д. Он позволяет определять совокупность возможных разрушений и угроз сохранности, которые присущи различным типам керамических изделий и их материалам, и задаёт набор параметров объекта, по значению которых можно сделать вывод о его состоянии сохранности.

Под сохранностью археологической керамики (памятника) должно пониматься физическое состояние всех компонентов её структуры, которое характеризуется степенью удержания первоначальных свойств, полученных в процессе создания, и важных в историко-культурном отношении особенностей, приобретенных в процессе бытования. Если основой функции жизненного цикла технических систем является их функционирование, то для объектов из керамики таким процессом является бытование.

Под бытованием должно пониматься то, что объекты, кроме естественных процессов старения материальной основы, подвергаются воздействиям различных внешних факторов, связанных, как с их эксплуатацией, так и с нестабильными условиями окружающей среды (сезонных колебаний температуры, переменной влажности воздуха, загрязнения атмосферы вредными веществами, а при залегании в земле, близости грунтовых вод, засоленности почв и прочее). Естественное старение керамики – это комплекс физико-механических и химических изменений, происходящих со спеченными глинистыми материалами с течением времени при отсутствии каких-либо внешних воздействий, при нахождении в стабильных условиях. Процессы старения создают значительные трудности в изучении первоначальных свойств изделия.

Изделия из керамики представляют сложную и неоднородную в структурном отношении продукцию, состоящую из алюмосиликатов, оксидов кремния, железа и других металлов, а также различных минеральных включений. Каждый из них обладает своими свойствами, но в процессе спекания (обжига) между ними образуются связи, позволяющие удерживать столь разнородную массу в единстве, придавая ей определенные качества. Основными из них являются плотность, механическая прочность, твердость, пористость, термическая стойкость, химическая устойчивость и другие объективные показатели. Кроме

18 Борисов В. А Автореферат диссертации по теме "Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики" Специальность 07.00.06 археология Барнаул -2009

Илл. 4. Пример реставрации античной амфоры VI—V вв. до н. э. Амфора. Керчь (фото Красновой Т.Н.).

того, декоративные покрытия (глазури, эмали, лаки, ангобы), являющиеся частью изделия, значительно усложняют ее структуру, обогащая её и наделяя их новыми свойствами. Следовательно, разнообразие керамического сырья и технологических процессов приводит к тому, что изделия обладают разными свойствами, поэтому классификация может осуществляться по многим признакам: по виду основного сырья и фазовому составу, по строению, по пористости, по плотности, водопоглощению.

Необходимо выделить основные причины и виды разрушений¹⁹. Это связано с тем, что разрушения керамического изделия могут возникать на разных стадиях существования предмета, начиная с подготовки сырья в процессе производства, на стадии его эксплуатации или залегания в земле. На основе этого предлагает-

19 Эта работа уже проделана автором. Краснова Т.Н. Исследования, реставрация и сохранение музейной керамики. Монография на укр. яз. Опішніа: Українське Народознавство, 2017. 464 с.

ся выделить основные стадии существования предмета и связанные с каждой из них разрушения. Надо учитывать тот факт, что, с точки зрения историко-культурного подхода к изучению древней керамики²⁰, даже разрушения являются не только частью существования (бытования) предмета, но и ценным источником информации о нем и том обществе, которое способствовало его появлению на свет и использовало его в своих целях. (Илл. 4.).

Например, по остаткам пищи (пеку) можно косвенно судить о составе еды, а по остаткам растительных добавок в тесте изделия – о производстве злаков, которые выращивали люди на данной территории, жившие в определенный исторический отрезок времени. Такие данные мы получили благодаря исследованиям И.Г. Глушкова²¹, З.В. Янушевича, и В.И. Маркевича²², О.В. Лариной²³, Г.А. Пашкевича²⁴ и других.

Археологическая керамика, извлекаемая из земли, имеет разную степень сохранности, поэтому логично предположить, что керамика с плотным, хорошо обожженным черепком, то есть высокого качества, будет иметь лучшую сохранность, чем пористая и слабообожженная, извлеченная из того же раскопа и относящаяся к тому же времени. Следовательно, и меры по ее сохранению и реставрации должны быть разными.

При разработке системы оценки сохранности необходимо решить, на основании каких критериев будет производиться оценка, иными словами, какие именно параметры археологиче-

20 Разработанный Бобринским историко-культурный подход и, основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании позволяет успешно получать данные об исходном сырье и технологии изготовления сосудов.

21 Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 327 с.

22 Янушевич З.В., Маркевич В.И. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. Кишинев, Штиинца, 1970. С.20-28.

23 Ларина О.В. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона // Археология и культурная антропология 1999. С. 10- 140

24 Пашкевич Г.А. Земледелие в степи и лесостепи Восточной Европы в неолите — бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства) // Stratum plus. Археология и культурная антропология №2 2000. С. 404.

ской керамики надо оценить. В данном случае, критериями выступают такие характеристики изначального качества изделия, которые в силу естественного старения материалов или других причин, приобрели новые качества, то есть критерии -- это те показатели, или характеристики (прочностные, целостные и так далее), основываясь на которых можно судить о том, насколько хорошо предмет сохранил (или не сохранил) свои первоначальные свойства и качества. Оценка сохранности призвана определить, в какой степени изделию свойственны те виды повреждений, которые способны его полностью разрушить и выявить степень этого разрушения.

Этапы оценки сохранности

Исходя из логики максимального сохранения археологического объекта, этапы проведения оценки сохранности археологической керамики целесообразно разделить на подготовительный, полевой и лабораторный.

Первый этап – подготовительный. В его основу должен быть положен метод научного прогнозирования и планирования. Он основывается на изучении предполагаемого района проведения раскопок: его локации (зона вечной мерзлоты, тропики, морское дно, пустыня, заболоченная местность и т.п.), климатических условий (засушливый, влажный, умеренный климат), характера и структуры почв (песчаные, глинистые, солончаки и т.п.), глубины залегания и прочее, а при проведении повторных раскопок – изучения материалов (данных о сохранности найденных ранее предметов) предшествующих экспедиций. Это позволит тщательно подготовиться к изъятию находок и уже до начала раскопок иметь весь необходимый арсенал приспособлений и материалов, чтобы при извлечении предметов вовремя предпринять необходимые действия для их сохранения.

Второй этап должен начинаться с момента извлечения предмета из раскопа. В качестве методологической базы для проведения оценки сохранности на этом этапе предлагается использовать визуально-описательный подход, разработанный отечественными исследователями М.Г. Рабиновичем²⁵ и Р.Л. Розенфельдом²⁶. Этот

этап должен включать в себя визуальное, оптическое исследование и фотофиксацию. Эти исследования позволят в полевых условиях дать достаточно объективную оценку степени разрушения предмета и его общего состояния, а при необходимости – принять срочные меры по недопущению его разрушения: грамотно провести консервационные работы, организовать транспортировку к месту назначения для проведения реставрационных работ в лабораторных условиях.

Третий этап должен предусматривать всестороннее изучение предмета с целью определения всех скрытых дефектов и потенциальных угроз его состоянию. Методологической базой для проведения этого этапа должны являться естественно-научные методы исследования. К ним относятся все виды инструментальных исследований, включая микроскопический, химический, рентгенофазный, дериватографический, анализы петрографические, методы физического контроля качества и другие. Комплексное использование методов получения информации, дополняющих и уточняющих друг друга, позволят получить полную картину состояния сохранности изделия и выявить его индивидуальные свойства.

Процедуры оценки сохранности археологической керамики являются базовыми для: археологов при извлечении и камеральной обработке найденных предметов, реставраторов – при выборе методик и технологий реставрации, для хранителей и музейных работников – при определении и создании оптимальных условий хранения и экспонирования предметов.

Оценка сохранности археологической керамики должна рассматриваться как фактор успешности своевременного выявления и устранения причин разрушения, предотвращения их последствий, своевременного принятия решений и выбора правильной методики для максимального сохранения аутентичных свойств и возможности получать максимально полную информацию, заключенную в предмете – как в настоящее время, так и в будущем.

В сфере реставрации керамики накопились определенные проблемы, которые необходимо выявить с целью их устранения (решения). Среди них есть объективные и субъективные.

К объективным относятся:

– сложность создания единой системы критериев оценки сохранности, так как существует большое разнообразие сырьевых материалов,

25 Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. 1949. Т. II. № 12. С. 57–79.

26 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII // САИ. М., 1968. Вып. Е 1–39. -124 с.

используемых в керамическом производстве, а также технологий их обработки и обжига отформованных изделий, в результате чего готовые изделия изначально обладают различными свойствами и характеристиками.

– археологический материал, вследствие технологических особенностей производства, естественного старения материалов, а также условий эксплуатации и залегания, имеет разную степень сохранности.

Субъективные:

– отсутствует четко регламентированная методологическая база реставрации археологической керамики;

– отсутствуют объективные оценки состояния сохранности памятников, на основании которых необходимо проводить реставрационные мероприятия,

– несовершенная система подготовки специалистов и система аттестации реставраторов.

Для решения стоящих перед реставрацией задач предлагается выработать единую терминологию для описания сохранности предметов археологической керамики. В основу оценки сохранности керамики положить материаловедческий подход, использующий данные естественно-научных методов исследования, позволяющих получать объективные данные, на основании анализа которых возможно принимать решения о выборе реставрационных методик. В связи с тем, что разрушения памятника могут быть вызваны различными причинами, необходим их анализ и классификация. Кроме того, для максимального сохранения археологических предметов необходимо проводить мониторинг – оценку состояния сохранности на каждом этапе его нынешнего «второго» существования, начиная с планирования раскопок до экспонирования.

Список литературы

1. The Conservator-Restorer: a definition of the profession. ICOM-CC, Copenhagen, 1984. 3с. URL: http://orcp.hustoj.com/wp-content/uploads/2016/02/1987-The-conservator-restorer_a-definition-of-the-profession.pdf (дата обращения 25.09. 20).

2. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). // Бобринский А. А. (ред.). Самара. СамГПУ, 1999. 233 с.

3. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та. 1999. С. 5–109.

4. Бобров Ю.Г. Определение профессии реставратора // Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX — XX веках. История, проблемы: Учебное пособие. М. Академический проект; Альма Матер, 2008. 604 с.

5. Буршнева С.Г. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sohrannosti-arheologicheskikh-nahodok-iz-mednyh-splavov> (дата обращения 8.04.20)

6. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 327 с.

7. Катуева Я.В. Белинская М.А., Боримова А.А. Информационная карта, основа для получения оценки сохранности библиотечных коллекций // International Journal of Open Information Technologies ISSN: 2307-8162 vol. 6, no.12, 2018

8. Краснова Т.Н. Исследования, реставрация и сохранение музейной керамики. Монография на укр. яз. Опoшiня: Українське Народознавство, 2017. 464 с.

9. Ракитин И. Оценка сохранности монет. URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/numizmatika/kak-opredelit-stepen-sohrannosti-monety> (дата обращения 8.04.20).

TOPICAL ISSUES OF PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL CERAMICS

Krasnova Tatiana Nikolaevna,
Applicant,
Russian Scientific Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev (Institute of Heritage),
st. Kosmonavtov, 2, Moscow, Russia, 129366.
E-mail: tatyana.n.krasnova@gmail.com

Abstract

The article discusses the problems associated with the preservation of cultural heritage objects - archaeological ceramics, of means restoration,

One of the factors for the success of the restoration is the assessment of the preservation of the object. For this, it is proposed to use a methodological approach, which is based on materials science analysis, which allows identifying and objectively assessing the main characteristics of the object of restoration.

Keywords

Archaeological ceramics, restoration, preservation assessment, quality of restoration work.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

RAR
УДК 008
ББК 7.0
10.34685/НИ.2021.33.2.013

МУЛЬТИЭФФЕКТИВНОСТЬ МУЗЕЙНОГО ТУРИЗМА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА СРЕДИ МОЛОДЁЖИ

Тандьянова Айсылу Ефимовна,
аспирант,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
119072, Москва, Берсеневская набережная, д. 18-20-22, стр. 3.
E-mail: a.tandyjanava@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены проблемы развития музейного туризма в Республике Алтай, его возможности в сохранении и популяризации историко-культурного наследия региона среди молодёжи.

Ключевые слова

Музейный туризм, музей, наследие, экскурсия, памятник, молодёжь, маршрут, экспонат.

В связи с активным развитием цивилизации всё больше областей человеческой деятельности нуждаются в повышении и развитии своей культурной компетентности, что отражается в поисках новых, современных путей развития и совершенствования.

Для историко-культурного наследия Республики Алтай эти вопросы в связи с активным

развитием туризма в регионе приобрели особую актуальность. Однако вопрос взаимоотношения туризма и объектов историко-культурного наследия в республике не проработан. В регионе отсутствует сама постановка этого вопроса, нет системного и целостного подхода. Однако на практике всё развивается полным ходом. Происходит «настоящая атака» туризма на наследие Алтая. Дефи-

цит «культурного предложения» на туристском рынке региона приводит к появлению «самозванных просветителей культуры», что порождает её искажение, а где-то и полное уничтожение. Если взрослое население подходит к этому вопросу более осознанно с определённым багажом знаний и может определить, где вымысел, а где истина, то молодое поколение более уязвимо и доверчиво.

Несмотря на первый взгляд на неособую значимость поставленного вопроса, последствия его могут быть очень разрушительными. Именно в молодом возрасте формируется самосознание человека, его ценности, целостный взгляд на мир, в том числе отношение к себе и к своей родине. В зависимости от того как будет сложено «сознание населения региона», так и будет развиваться регион, страна. Ведь творителем и создателем любого объекта (города, региона, страны и т.д.), благодаря чему он появился, живёт и развивается, является его население. Именно население создаёт наследие. Наследие же является идентификатором города, региона, страны. А если нет людей, ценящих и воплощающих наследие своего региона, то может исчезнуть и сам регион, и даже страна. Известный музеолог М.Е. Каулен отмечает, что грамотное и целостное представление наследия раскрывает значение региональной культуры в более широком масштабе. Например, в Швеции наличие более тысячи музеев под открытым небом говорит не только о количестве памятников в стране, сколько о высокой оценке своей культуры, самооценки и уважительного отношения к своему наследию¹.

В Республике Алтай главным средством общения молодёжи к культурному наследию остаётся педагогика, основанная на патриотических уроках, фильмах, познавательных экскурсиях и различных просветительных мероприятиях. Однако в стремительно меняющихся условиях современного изобилия информации и перестановки приоритетов ценностей этого недостаточно. «Камерное, статичное» представление наследия молодёжью не воспринимается. Для молодёжи привлекательно всё, что наглядно, «в тренде», популярно и современно выглядит. Молодёжи важно быть «сопричастной», быть частью «крутого, значимого» сейчас, среди её сверстников. Здесь важ-

на «сама жизнь памятника» в современном мире. Критерием успешности у молодёжи считается не количество «энциклопедических знаний», а количество «прожитого опыта», в том числе и в знакомстве с «крутым» культурным наследием.

Принципы усвоения объектов наследия молодёжью: интерактивность; живые истории (Сторителлинг); простота, универсальность; открытость, доступность; возможность показывать свои эмоции к рассказываемому; визуальность, наглядность; яркий, современный, в тренде; фотогеничность; сопричастность, быть частью чувства, обладания, самореализации; лидер по просмотрам и лайкам в живых блогах молодёжных звезд.

Этими инструментами активно пользуются западные страны, чем и привлекают к себе внимание². Отечественное наследие, особенно Республики Алтай, этим качеством не обладает, что делает его непривлекательным, непрезентабельным. Например, при выборе посетить Дисней Ленд или Аргымаевские склады, вся молодёжь выберет Дисней Ленд, так как это круто, наглядно, интерактивно, красочно и современно. Хотя Дисней Ленд – это вымышленные персонажи, исторической ценности здесь нет. Аргымаевские склады имеют большую историческую ценность для региона, лошадь из древнейших веков сопровождала кочевника с самого рождения и после смерти, однако этот памятник непрезентабелен и некрут. Большое значение имеет популярность самого региона, где находится памятник.

Как показал ретроспективный анализ данных, полученных в ходе исследования, одним из практичных способов популяризации наследия региона среди молодёжи может стать музейный туризм. Музейный туризм позволяет «осовременить и оживить» памятник, сделать его «модным и популярным». Музейный туризм позволяет ненавязчиво привлечь к наследию молодёжь, гибко соединить процесс отдыха с просвещением.

Музейный туризм – современное средство по популяризации наследия, модернизированный подход презентации наследия. Музейный туризм может эффективно влиять на развитие такого качества у молодёжи, как любовь и уважение к наследию и культуре своей родины. Музейный туризм просвещающий, способствующий культурной социализации процесс, а не просто

1 Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М. : Этерна, 2012. С. 206.

2 Каулен М.Е. Указ. соч. С. 115.

отдых и времяпровождение. Путешествующая молодёжь более просвещённая, культурно компетентнее, социально адаптирована, она открыта миру, более развита и успешна. Путешествие, знакомство с культурой региона воочию, наглядно с переживаниями, с определенными эмоциями позволяет легче и лучше запоминать регион, сложить о нём впечатление, чем прочтение подобной литературы.

Республика Алтай является одним из активно развивающихся туристских регионов страны с богатым историко-культурным наследием. Поэтому музейный туризм может стать результативным и практичным способом популяризации наследия исследуемого региона среди молодёжи. Однако для полноценного развития музейного туризма в Республике Алтай, а соответственно - усвоения объектов наследия молодёжью мешают следующие проблемы:

- отсутствие законодательного обеспечения музейного туризма;
- стихийность туризма;
- сезонность туризма, что особенно сказывается на качестве персонала;
- разобщённость задействованных структур;
- отсутствие ответственного органа за данную отрасль в регионе;
- отсутствие методики внедрения памятников в туризм;
- отсутствие постановки самой проблемы «положение объекта наследия в туризме»;
- наследие предъявляет высокие требования, не все субъекты туризма готовы к ним;
- некачественность турпродукта, искажающий, уничтожающий культуру Алтая;
- коммерциализация культуры, вытеснение аутентичности, повышение отрицательного поведения, отношения и потребления;
- наследие Алтая не представлено в туризме, регион не раскрыт;
- нет комплексного подхода к этой проблеме.

Нерешённость вышеперечисленных проблем музейного туризма в Республике Алтай не позволяет полноценно использовать музейный туризм как средство сохранения и популяризации наследия региона среди молодёжи. Как отмечает Шулепова Э. А., вопросы наследия находятся абсолютно изолированно от практической реальности. Наследие исходит и формируется исключительно из взглядов и идей изучающего и представляющего это наследие, который выявляет его, выстра-

ивает форму и способ его существования³. Это актуально и для Республики Алтай, что порождает хаотичность, стихийность, искажённость и неполное использование наследия в туризме. Всё это формирует образ бедного, дикого, неразвитого, культурно отсталого и пустого региона.

Поэтому сейчас в Республике Алтай музейный туризм не может полноценно выполнить свою функцию в сохранении и популяризации наследия среди молодёжи, но он подошёл к нему вплотную. В связи с этим представляется необходимым актуализировать наряду с развитием активного вида туризма, развитие музейного туризма в Республике Алтай. Для этого необходимо: прояснить само понятие «музейный туризм» в том контексте как его понимает и воспринимает сама сфера туризма в регионе, определить границы, методологию и возможности музейного туризма региона для формирования у молодёжи полноценной «культурной картины региона».

Сейчас на туристском рынке республики распространено ассоциативное восприятие музейного туризма: как «туризм, где ходят по музею, а я не хочу создавать музей». Рассматривая музейный туризм в контексте «формирования культурной картины региона», отмечается, что сложившаяся сегодня призма восприятия культуры республики оказывает влияние на качество представления объектов наследия в туризме и – гораздо шире – музея как института. Это в свою очередь требует пересмотра восприятия понятия «музейный туризм». Речь идёт о невозможности рассмотрения понятия «музейный туризм» как туризма, развивающегося в «стенах музея как здания». Сейчас туристический спрос в республике требует от музейного туризма, тот туризм, который адаптирует, «разжёвывает», предоставляет в готовом виде объекты наследия для восприятия их публикой, как ресурсы для создания качественного туристского продукта (экскурсия, маршрут, мероприятие и т.д.). В связи с этим требования к музейному туризму в регионе очень возрастают, среди которых можно выделить:

- представлять только ценное, иначе «улетучится»;
- научно обоснован, только достоверная информация (экспертиза);

3 Шулепова Э.А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе, М. 199. С. 4.

- максимально сохранена аутентичность объекта, минимальное вмешательство;
- подготовлен к демонстрации для жителей и гостей региона;
- не оскверняет, не искажает культуру региона;
- дифференцированный подход, соответствующий реальной динамике;
- преподносит культуру в соответствии с современными требованиями;
- локальный подход, отражающий регион, а не принесённую откуда-то культуру.

Поэтому перед внедрением объекта наследия в туризм, он должен пройти качественное научное исследование. Необходимо тщательное исследование внутренней структуры, состава объекта наследия и то как он соотносится с другими объектами наследия региона, каково его место в культуре региона. Только после этого можно определять функции объекта наследия, как его можно «раскрыть», представить в туризме. Для проведения качественной научной экспертизы объектов наследия в регионе нет специалистов для её проведения. Так как для исследования одного объекта наследия необходима интенсивная и тщательная работа с привлечением специалистов различных направлений с различными методологиями работы и оборудованием, то здесь одним универсальным работником не обойтись.

Поскольку туруслуга – это комбинированная услуга, то здесь большую роль играет технология увязки всех составляющих турпродукта. Все элементы турпродукта неразрывно связаны в одной системе культурного отдыха, где от изменения одного элемента трансформируется следующий и в итоге изменяется вся система. Само наличие ценнейшего экспоната ещё не гарантирует успех. Задача музейного туризма верно «распредметить» рассматриваемый объект наследия, раскрыть его духовную и социальную ценность. «Голый объект наследия» туризму не нужен. Также важно «не растворить объект наследия в туризме», а грамотно применить инструменты музея и туризма. Объекты наследия в туризме – это главный ресурс турпродукта, но от инструментов туризма и их применения зависит, как будет воспринят представляемый объект, какова будет сложена социальная память о нём.

Особым барьером в развитии музейного туризма в регионе является разрыв теории и практики. Для перехода музейного туризма из теории

на практику в регионе может помочь принцип развития музейного туризма «изнутри наружу», где памятник помогает развитию туризма, а не мешает. В регионе хорошо проработана и активно работает на практике технология активного и гостиничного туризма. Она с каждым годом всё уточняется и усовершенствуется. Это происходит потому, что, технология активного туризма помогает его развитию, служит как инструкция. Соблюдение её приводит к развитию организации и роста её престижа. В музейном туризме республики памятники и музеи находятся абсолютно отдельно от туризма, как нечто априорное, которое нужно как-то «затащить в туризм» и как-то адаптировать, что очень сложно. Отягчающим фактором служит ещё множество административных, памятникоохранных барьеров. Здесь может помочь разработка единой системы классификации музейного туризма, упорядочивающая, помогающая и стимулирующая развитие музейного туризма, как это сделано в гостиничном и в активном видах туризма. Это должна быть официальная, универсальная классификация, объединяющая частные и государственные структуры.

Для успешного развития музейного туризма в регионе мешает его слабое законодательное обеспечение. Несмотря на активное внимание региональной власти к развитию туризма, музейного туризма нет ни в одной из региональных программ. Основное внимание уделяется развитию гостиничного туризма. Что видно в результате – Республика Алтай вся «усеяна» турбазами разной категории, но нечего смотреть, кроме объектов природы. Необходима разработка отдельного нормативно-правового акта, или пункта в существующих актах специализирующегося, прописывающего порядок использования памятников наследия в туризме и введение музейного туризма в региональную программу его развития туризма.

Важным компонентом в формировании у молодёжи полноценной «культурной картины региона» является осознание и определение её границ. Такой границей может послужить общая стратегия развития музейного туризма в регионе, где обозначено, какой образ республика должна сформировать у гостей и жителей региона и из чего этот образ состоит. Н. А. Хренов отмечает, что невозможно познать часть культуры в отрыве от её общего контекста, без целостно-

го её представления⁴. Отрывочное знакомство с частным, не всегда достоверном представленным «отрывком» культуры не позволяет экскурсанту сложить единое, целостное представление о культуре региона.

Без определения «карты представления культуры региона» в туризме, без определения её границ, предпринимателю туризма сложно выявить и полноценно представить в туризме объект наследия региона. Единичное представление одним предпринимателем туризма одного элемента, части культуры республики не может сформировать единый образ культуры Алтая. Такое хаотичное, отрывочное, неполноценное представление культуры региона в туризме порождает искажение культуры, формирует образ её отсталости, недоразвитости, бедности. Поскольку Республика Алтай один из активно развивающихся туристических регионов страны, то такой дефицит туристских услуг по культуре Алтая рождает «самозванных просветителей культуры Алтая», которые не только искажают, но и оскорбляют, уничтожают наследие региона. Исследование и определение границ «культурной карты региона» позволит заполнить этот «пробел» на туристском рынке региона, позволит перейти региону из «дикого туризма» в «цивилизованный», повысить качество представления культуры в туризме.

Активизировать и упорядочить процесс развития музейного туризма в регионе может помочь разработка научно-методической базы по работе с объектами наследия в туризме. Можно определить ответственный орган или отдел консультирующий, курирующий и контролирующий развитие музейного туризма в регионе, определить порядок взаимодействия задействованных структур в развитии музейного туризма. Можно ввести в программу развития музейного туризма, как это сделано в гостиничном бизнесе, программу консультирующих и обучающих курсов, где подробно раскрывается методика работы с объектами наследия. Можно разработать меры поддержки и стимулирования предпринимателей туризма, развивающие в регионе музейный туризм.

Актуализация и практическое решение вы-

шеперечисленных аспектов музейного туризма позволит ему полноценно раскрыть и воплотить свои возможности в популяризации наследия региона среди молодёжи.

Оценить возможности музейного туризма в популяризации наследия региона среди молодёжи возможно через понятие мультипликативный эффект туризма, т.е. «мультиэффективность»⁵. Данный показатель позволяет рассмотреть как прямое, так и косвенное влияние туризма на культуру региона. Учитывая ёмкость и глубину понятия «мультиэффективность», в данном исследовании применяем это только в рамках теории и практики культуры, а именно - в рамках популяризации объекта наследия.

Прямое воздействие музейного туризма на объект наследия выражается в продолжительности «жизни памятника» как физически, так и в социальной памяти. Памятник сохранен, ухожен, представлен в полной композиции его содержания, он престижен, ценен, дорог. О нём не утрачена, а собрана и систематизирована вся информация. Каждая отдельная сторона такого наследия представлена подробно отдельными композициями (может быть, целым музеем) везде, где он причастен (например, по России множества музеев, посвященных отдельным периодам жизни и творчества А. С. Пушкина). О таком памятнике знают многие и даже «не культурно» не знают о нём. С таким памятником все стараются «познакомиться воочию», «прикоснуться к Великому», что повышает культурный статус смотрящего. Соответственно, такой объект наследия привлекает молодёжь.

Косвенное влияние музейного туризма на объект наследия значительно больше по своей культурной природе, а его совокупное влияние гораздо шире и эффективнее прямого влияния. Здесь срабатывает мультиэффективность туризма. Поскольку туризм – универсальная сфера, включающая в себя множество сфер человеческой деятельности, то, пропуская через них себя, он попутно развивает эти сферы. Чем больше людей узнают о показываемом объекте наследия и сложат о нём положительное впечатление, тем выше косвенное воздействие музейного туризма.

4 Хренов Н.А. Кризис искусства в XX веке: искусствоведческая констатация и культурологическая интерпретация // Вопросы культурологии. - №10. - 2010. - С.32.

5 Гуляев В.Г. Мультипликативный эффект туризма // Вестник РМАТ – М. – № 3, 2011, - С. 59.

Косвенное влияние музейного туризма на объект наследия выражается в первую очередь, в популяризации «сопричастных» объектов наследия. Приезжая в регион на конкретный объект наследия, турист непременно знакомится с соседствующими с ним объектами наследия, из которых и складывается общее впечатление о культуре региона. Для формирования качественного туристского продукта культуры региона его автор будет изучать о нём больше литературы, обращаться к специализирующимся на нём лицам, структурам за профессиональной консультацией и т. д. Те, в свою очередь, обратятся к другим специалистам в зависимости от специфики объекта наследия (исследователям, дизайнерам, строителям, мастерицам и т.д.). Изучаемая область расширяется, углубляется, открывает новые предметы культуры, которые требуют новых исследований и работ. Так, через запрос – ответ – запрос – ответ осуществляется мультиэффективность музейного туризма.

Возможности музейного туризма в популяризации наследия среди молодёжи (универсальные свойства):

– мультипликативность – данный эффект музейного туризма позволяет сгенерировать финансовые ресурсы для «жизни объекта наследия» как физически, так и в социальной памяти населения. Поскольку культура обычно финансируется по остаточному принципу, то музейный туризм позволяет решить этот вопрос. Хорошо финансируемый объект наследия имеет больше возможностей на детальное исследование, качественное представление о себе, может организовать рекламу для продвижения и т.д., что является залогом «успешной жизни объекта наследия».

– мультикультурность – туризм имеет универсальное свойство – сочетание в себе различных областей человеческой деятельности, что позволяет туризму демонстрировать их. Поэтому туризм может отразить всю культуру региона с разных ракурсов. Это позволяет туристу уви-

деть и познакомиться со всей «культурной картиной региона», а не только с отдельно взятым объектом наследия.

– мультигеографичность – благодаря данному свойству с объектом наследия региона может познакомиться каждый заинтересовавшийся турист, приехав из любой точки земного шара, а не только жители данного региона.

Активная социализация действительности требует соответствующее повышение культурной компетентности во всех сферах человеческой деятельности. В Республике Алтай таким вызовом культуре, а именно – объектам наследия стал туризм, на который нельзя не реагировать. Особенно проблемным стал вопрос восприятия объектов наследия региона молодёжью, поскольку к вопросам наследия обращаются уже в более взрослом, осознанном возрасте. Практическим решением для региона этого вопроса может стать музейный туризм. Музейный туризм позволяет гибко соединить процесс знакомства с объектом наследия с отдыхом и грамотно, полноценно представить сам памятник в туризме. Таким образом, можно сказать, что музейный туризм (реальный и виртуальный) может стать одним из самых практичных и результативных современных путей сохранения и популяризации наследия среди молодёжи, но только при качественном предоставлении информации.

Список литературы

1. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. С. 206.
2. Шулепова Э.А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе. М., 1998. С. 4.
3. Хренов Н.А. Кризис искусства в XX веке: искусствоведческая констатация и культурологическая интерпретация// Вопросы культурологии. 2010. №10.С.32.
4. Гуляев В.Г. Мультипликативный эффект туризма // Вестник РМАТ. М., 2011. № 3. С. 59.

MULTI-EFFECTIVENESS OF MUSEUM TOURISM IN PROMOTING THE REGION'S HERITAGE AMONG YOUNG PEOPLE

Tandyjanova Aisulu Efimovna,

Postgraduate, Likhachev Russian Research Institute

for Cultural and Natural Heritage

Bersenevskaya embankment, d. 18-20-22,

building 3119072, Moscow, Russian Federation.

E-mail: a.tandyjanava@mail.ru

Abstract

The problems of museum tourism development in the Altai Republic, its possibilities in preserving and popularizing the historical and cultural heritage of the region among young people are considered.

Keywords

Museum tourism, museum, heritage, excursion, monument, young people, route, exhibit.

RAR
УДК 008
ББК 71
10.34685/НН.2021.33.2.014

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОЛЬШОЙ АЛУШТЫ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ФАКТОРА СЕЗОННОСТИ ТУРИЗМА

Иванова Лилия Фатыховна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры Туризма и гостиничного дела,
Московский гуманитарный университет,
г. Москва, ул. Юности, 5, 111395.
E-mail: lili.ivan@yandex.ru

Аннотация

Проблема преодоления фактора сезонности туризма в городском округе Большой Алушты Республики Крым. Учитывая повышенную туристскую нагрузку на Алушту в летние месяцы, основным приоритетом развития считаем разработку мероприятий на расширение спектра межсезонных программ для путешественников, предлагающих знакомство с богатством памятников природы, культуры и археологии.

Ключевые слова

Туризм, курорт, культурный туризм, культурное наследие, Республика Крым, Большая Алушта.

Переориентация российских путешественников с июля 2020 года на направления внутри страны, вызванные закрытием границ, и государственная программа поддержки внутреннего туризма «Туристический кешбэк», способствовали тому, что статистика посещений многих регионов была положительная. Крым, несмотря на укороченный курортный сезон, по сравнению с предыдущими годами также показал хороший результат – в 2020 году зафиксировано 6,3 млн. туристских посещений, для сравнения: в 2018 и 2019 годах на полуострове отдохнуло соответственно 6,8 млн. и 7,43 млн. человек. Причем именно осенний период показал отличный рост: в сентябре туристов на полуострове было на 40% выше уровня аналогичного пери-

ода 2019 года, в октябре – рост составил 31%, в ноябре – 10% , хотя традиционно туристский поток в Крым больше ориентирован на курортный отдых в летние месяцы. Например, в 2019 г. в течение 7 месяцев в году (с января по апрель и с октября по декабрь) – отдохнуло чуть более 1,5 млн., а за 5 месяцев, в течение которых погода располагает к пляжному отдыху (с мая по сентябрь). – 6 млн. туристов. В регионе Большая Алушта, который ежегодно располагается в тройке лидеров по туристским посещениям полуострова , также актуальным остается вопрос о разработке мероприятий, которые увеличат поток туристов в месяцы, когда пляжный сезон закрыт, причем опыт мировой практики показывает, что дестинации, обладающие богатым

культурно-историческим потенциалом (например, регионы Европейского Средиземноморья), привлекают к себе туристов круглогодично. Городской округ Алушта является частью Южнобережного рекреационного района Крыма, занимая значительную часть Крымского природного заповедника и протяженную береговую черноморскую линию – 42 км, от горы Аю-Даг на юго-западе до мыса Агира (мыс Чобан-Куле или Башенный мыс) на северо-востоке.

С целью оценки историко-культурного потенциала Большой Алушты для разработки мероприятий на расширение спектра межсезонных туристских программ проанализируем этапы культурной истории региона, где пересеклись исторические пути множества народов и цивилизаций.

1. Стоянки человека среднего каменного (мезолит) и нового каменного веков (неолит) обнаружены в окрестных горах, объектами культурного наследия регионального значения сегодня являются: стоянка «Курлюк-Баш», VI–III тыс. до н.э., (Перевальненское лесничество), стоянка «Сары-Голь», VI–III тыс. до н.э. (Бабуган-Яйла), стоянка «Джейлау-Баш» (Чатырдагская яйла), стоянка «Аджи-Коба» (западный склон Караби-Яйлы, пещера Аджи-Коба).

В I тыс. до н.э. и вплоть до V века н.э. в районе Алушты располагались многочисленные поселения племен тавров, о чем свидетельствуют и обнаруженные места погребений: могильник из каменных ящиков, X–VII вв. до н.э. (п. Розовый), могильник на горе Малаба, VII–V вв. до н.э. (п. Семидворье).

Скифы, обитающие в степной части Крыма, Северном Причерноморье и Приазовье, греки, начавшие колонизацию Крымского полуострова в VII–V вв. до н.э., и позже римляне также пытались обосноваться на Южном берегу в районе Алушты. В Алуштинской долине известно шесть позднеантичных поселений, одно из которых, датируемое III–IV вв., – в с. Лучистое в списке археологических памятников городского округа Алушта. В могильнике, расположенном в 4 км к северо-западу от Лучистого, у юго-западного подножья горного массива Демерджи (конец IV – XVIII вв.) сохранились погребальные сооружения, которые позволили изучить материальную и духовную культуру средневекового населения Юго-Западного Крыма.

2. Алустон (Алушта) впервые упоминается византийским историком Прокопием Кеса-

рийским в письменном источнике VI века н.э. «О постройках», посвященном строительной деятельности Юстиниана I. Алуштинская крепость, расположившись в районе Ангарского перевала в месте, где проходил наиболее удобный путь из степной части Крыма на Южный берег полуострова, основательно исследована, что позволило реконструировать историю формирования ее архитектурного ансамбля. С 10 июля 2020 года этот памятник археологии федерального значения представлен туристам в Музее под открытым небом «Крепость Алустон». В районе Алуштинской крепости в 1951 году на полуметровой глубине были обнаружены боевые доспехи русского воина – кольчуга, обломки меча, относящиеся примерно к IX–X вв., доказывающае то, что и русским воинам пришлось штурмовать Алуштинскую крепость, являвшуюся опорным пунктом византийцев на Южном берегу.

3. Во второй половине XIII века монголы razорили множество укреплений в горной части полуострова, в том числе и в Алуштинской долине: на горах Демерджи, Кагель, Сераус, Ай-Йори и крепости Алустон, которые частично восстановили генуэзцы, обосновавшиеся в Кафе (Феодосия), и к 80-м годам XIV века захватившие значительную часть южного побережья. В то же время происходит строительство крепости Фуна (на основе более древних укреплений) как восточного пограничного форпоста княжества Феодоро. Руины крепости сегодня – объект культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс «Сторожевое укрепление «Фуна» (IX–XVIII вв.)»

4. С 1475 года после турецкого штурма пала Кафа (Феодосия), не устояла и Алуштинская крепость, хотя долгое время (XIV–XV вв.) при Крымском ханстве Алушта смогла оставаться христианским поселением, о чем свидетельствуют материалы раскопок 1950–1951 гг., в результате которых были обнаружены многочисленные христианские погребения, относящиеся к XIV–XV вв.

Последующий период – длительная борьба с турецкими войсками за выход к Черному морю, и места близ Алушты были ознаменованы сражением турецкого десанта, практически сразу после подписания Кучук-Кайнарджийского мира 21 июля 1774 года, провозгласившего независимость Крымского ханства от Османской империи, занявшему деревню Шумы (Кутузов-

ка) и скалистые склоны Чатыр-Дага, с русскими полками под командованием 29-летнего подполковника М.И. Кутузова. В победоносном сражении Кутузов получил свое знаменитое ранение у правого глаза. В 1804 году в память об этом сражении установлен памятник в виде архитектурно оформленной стены, в центральной части которой была укреплена мемориальная доска – «Кутузовский фонтан».

Мастерство еще одного выдающегося полководца было проявлено в продолжении войны – А.В. Суворов, принявший командование Крымской армией, организовал хорошо продуманную систему укреплений на побережье, объединенных специально устроенной дорогой, в том числе и в районе Алушты, на горе Кафель и дальше на юго-запад к Аю-Дагу, которая исключала внезапную высадку десантов и обеспечивала маневренность войск.

5. После подписания манифеста о присоединении Крыма и Прикубанского края к «державе Всероссийской» 8 апреля 1783 года Екатериной II и до образования Ялтинского уезда (1838 г.) Алушта стала центром для всех поселений прибрежной линии от Симеиза до Ускута (с. Приветное).

Важным для развития Алушты было строительство под руководством Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова горного шоссе Симферополь-Алушта, доведенного до Ялты в 1837 году. По его же указанию в 1842 году в Алуште была построена церковь во имя Феодора Стратилата, которая, как и несколько домов представителей художественной и предпринимательской элиты, являются сегодня объектами культурного наследия регионального значения: Дом-музей русского и советского архитектора, академика А.Н. Бекетова (1898 г.); Дача профессора медицины Н.А. Бутуева (нач. XX в.); Вилла «Отрада» мецената Н.Д. Стахеева (кон. XIX в.); Дом-музей писателя С.Н. Сергеева-Ценского (нач. XX в.).

С конца XIX века Алушта активно развивается как курорт и винодельческий регион. Она была связана регулярным сообщением (дорожным и морским) и телефонной связью с Ялтой и Симферополем, а обширная сельскохозяйственная округа обеспечивала ее качественными дешевыми продуктами и недорогим хорошим вином. А.В. Мальгин в исследовании становления курортного дела в Крыму отмечает, что в конце

XX в. «отдых в Алуште обходился существенно дешевле, чем в любом другом месте Южного берега...». 31 мая 1902 года Алушта обрела статус города, и по инициативе видных ученых и общественных деятелей, поселившихся в западной части города - Профессорском уголке, было создано «Общество курортного благоустройства», открываются «два благоустроенных ванн заведений с теплыми морскими, углекислыми и другими ваннами», гостиницы «Европейская», «Гранд-отель», «Южный берег» и «Алушта», «Крым», «Эрмитаж», «Ялы Бахча». Благодаря Н.Д. Стахееву в городе появилась благоустроенная набережная и городские купальни. Алушта превращалась в настоящий курорт, который упоминался в первом русском «Путеводителе по Крыму», составленном М. Сосногорской (1878 г.), в исследовании П.И. Бугославского «Южный берег Крыма» (1909 г.) и «Иллюстрированном практическом путеводителе «Крым» Г. Г. Москвича (1911 г.). В последних уже можно видеть рекламу путешествий к пещерам Чатыр-Дага, «в ледниковую пещеру Бузлу-Коба», в пещеру Кизил-Коба, к источнику Ай-Георгий (Ай-Иори), в Кафель с заездами в Ламбат, Карасан, Партенит, к водопаду Джур-Джур, к истокам Салгира.

6. Обширный экскурсионный опыт был представлен в 1927 г. А.О. Штекером в труде «Алушта и ее экскурсионный район», где он обрисовал перспективы развития климатического курорта и представил большой список экскурсий (20 маршрутов).

В целом послереволюционный период в районе Большой Алушты, вошедшей в состав Ялтинского курортного района, как и по всей стране, характеризовался национализацией бывших имений и дач, на базе которых началось развитие сети курортных учреждений. А после Великой Отечественной войны, когда было разрушено 134 курортных учреждения из 168 действовавших, произошло второе рождение алуштинского курорта, и особенностями последующего периода стало активное развитие инфраструктуры городской культуры, дорожных сообщений и санаторно-курортного комплекса.

За годы Советской власти Алушта стала популярнейшим курортом страны со здравницами всесоюзного значения и пионерскими лагерями. Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС проводил активную ра-

боту по привлечению широких масс населения к туристско-экскурсионным маршрутам в Алуште в том числе, санаторно-курортные организации работали в полную силу благодаря централизованной системе планирования и управления. Ежегодно в Алуште отдыхало около 1 миллиона человек. Ситуация на курортах, как российских, так и на тех, что отошли бывшим республикам, резко ухудшилась в 90-х гг.: отсутствие сервиса, возросшие цены на путевки, отсутствие планомерной загрузки санаториев в течение года способствовало их финансовой нестабильности и сокращению персонала. В Крыму курортный комплекс требовал серьезных обновлений к 2014 году, когда снова вошел в состав Российской Федерации: встал вопрос о необходимости охраны, восстановления и реставрации многих туристско-экскурсионных объектов, лечебно-оздоровительных учреждений и гостиничных предприятий.

На 2021 год в Большой Алуште рекреационно-курортный комплекс представлен 20 санаториями, 29 пансионатами, 23 базами отдыха и 124 гостиницами. Природно-заповедный фонд этого региона занимает 363 кв. км (60% его площади) и включает 25 особо охраняемых территорий: Крымский Государственный природный заповедник, 6 заказников (Урочище Парагильмен и Капель в с. Малый Маяк; Демерджи яйла, Аю-Даг, Канака и Горный карст Крыма в ГО Алушта), 12 памятников природы (в числе которых: Урочище «Демерджи» и Орех Юрия Никулина в с. Лучистое; Гора-отторженец Парагильмен в с. Малый Маяк, Гора Кара-Тау в с. Генеральское и др.), 3 парка-памятника садово-паркового искусства (Утес-Карасан в с. Утес; Парк дома отдыха «Айвазовское» в пгт. Партенит) и 3 заповедных урочища (Яйла Чатырдага и Долина р. Сатера, Алуштинское лесничество; Роща фисташки туполистной в г. Алуште). Культурное наследие представлено 5 объектами федерального значения (Археологический комплекс «Алустон» (V-IX вв., IX-XIII вв., XIV-XVII вв.), г. Алушта; Археологический комплекс «Сторожевое укрепление «Фуна» (IX-XVIII вв.), с. Лучистое; Бывший дворец князей Гагариных (1900 г.), пос. Утёс; вилла «Марина» и Вилла «Анна» в г. Алушта), 75 объектами регионального значения, 27 археологическими объектами.

Таким образом, анализ показал, что с одной стороны, историко-культурное наследие и в целом рекреационный потенциал Большой Алуш-

ты позволяет говорить о повышении эффективности его использования в формировании всесезонных туристских программ, с другой стороны - пока остаются актуальными следующие проблемы: плохая оснащенность средств размещения и неразвитость туристской инфраструктуры, отсутствие инновационных подходов, технологий в сервисной работе предприятий индустрии гостеприимства, отсутствие информационного обеспечения, четкой стратегии продвижения подвидов культурного и других видов туризма, сезонность, влияющая на рентабельность курортных предприятий, нагрузка на крупные прибрежные города. Представим несколько проектов, перспективных с точки зрения инвестиций, которые будут популяризировать историко-культурное наследие региона и привлекать туристов всесезонно.

1. Большая Алушта сегодня – 26 населённых пунктов, причем не все из них – прибрежные. Необходима разработка концепции «вторых» дестинаций для путешественников, которые могут выбрать для проживания не курортный центр, а небольшие поселения, находящиеся в отдалении, от побережья с том числе, но располагающие природными и историко-культурными памятниками, имеющие возможность предложить такой же набор экскурсионных, спортивных, оздоровительных программ, уровень сервиса по более низкой стоимости.

2. Находящийся в 40 км от аэропорта Симферополя, регион имеет выгодное месторасположение на полуострове: так, через Алушту проходит дорога ко всем южным курортам Крыма. Для развития автотуризма необходимы оснащенные автокемпинги, наличие расширенной сети паркингов и стоянок в населенных пунктах региона.

3. Наличие природных лечебных ресурсов и санаторно-курортная база позволяют Большой Алуште привлекать туристов с сентября по май, но увеличение туристского потока возможно при использовании организациями индустрии гостеприимства в разработке оздоровительных программ следующих коллабораций: направления фитнеса, возможности пешеходного, вело-, спелеотуризма, программы СПА-оздоровления, санаторно-курортного лечения и настроек коммуникационного маркетинга гостиничным и санаторно-курортным сектором: аналитики современного портрета туриста и формулировок ключевых сообщений для целевых аудиторий.

4. Два горных перевала: Ангарский и Кебит-Богаз создают благоприятный климат даже не в традиционные популярные у туристов летние месяцы: мягкая непродолжительная зима и солнечные весна и осень - оптимальны для спортивно-оздоровительного туризма: спелео-, вело-, пешеходного туризма. Для популярного сегодня треккинг-туризма регион обладает необходимыми ресурсами: Алуштинский горный амфитеатр – самый красивый и обширный в Крыму и насыщен объектами историко-культурного показа. Пешие маршруты, многие из которых проходят по особо охраняемым природным территориям (от с. Лучистое к Долине Привидений на горе Демерджи, маршруты по горе Аю-Даг, тропа Талма-Богаз, тропа на западную вершину Чатыр-Дага (1525 м) и по западной части Алуштинской, на гору Кабель, в Карасанский парк и мыс Плака, в ущелье Хапхал к водопаду Джур-Джур и др.), сегодня требуют приведения в порядок и благоустройство (уборка мусора, установка контейнеров для мусора, обустройство остановок для отдыха, маркировка, обеспечение безопасности, налаживание работы спасательных служб). Все пешеходные тропы должны быть собраны на одном сайте, разработано приложение для смартфонов, где будут описаны все маршруты, представлены аудиогиды и рекомендации по безопасности включения: маршруты требуют включения на туристическую карту России охраняемых природных территорий и переосмысления подхода к их содержанию. Повышение культуры пешеходного и велотуризма должно проходить параллельно с включением ряда мер по обустройству маршрутов в государственные программы.

Популяризация в информационном пространстве треккинг, авто-, вело- культурно-исторических маршрутов, развитие новых каналов коммуникации с туристами, создание туристических онлайн-платформ, виртуальных туров, грамотно выстроенная работа туристско-информационных центров будут формировать туристский брэнд Большой Алушты, позволяя использовать природный и культурно-исторический потенциал для преодоления сезонности бизнеса.

Список литературы

1. Статистические данные. Министерство курортов и туризма Республики Крым: официальный сайт. – URL: <https://mtur.rk.gov.ru/>

structure/14 (дата обращения 09.03.2021 г.)

2. Большая Алушта. Крым. журнал-путеводитель: Электр. ресурс. – URL: <http://журнал-крым.рф/news/>(дата обращения 09.03.2021 г.)

3. Муниципальное образование городской округ Алушта: Официальный сайт. Перечень выявленных объектов культурного наследия (археология), расположенных на территории муниципального образования городской округ Алушта Республики Крым. - URL: <https://alushta-adm.ru/uploads/images/Перечень-ОКН.pdf/> (дата обращения 01.02.2021 г.)

4. Открытая археология. Крым. Могильник. Электр. ресурс. – URL: <https://открытаяархеология.рф/monuments/могильник-у-с-лучистое> (дата обращения 01.02.2021 г.)

5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования могильника у села Лучистое в 2015 году // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. – вып. XXI. 2016. С. 135-173

6. 1500 лет крепости Алустон. История и археология одной из древнейших крепостей на территории России. Электр. ресурс. – URL: <http://алустон.рф/история-алустана/>(дата обращения 01.02.2021 г.)

7. Музей под открытым небом крепость Алустон. Электр. ресурс. – URL: <http://алустон.рф/> (дата обращения 01.02.2021 г.)

8. Муниципальное образование городской округ Алушта: Официальный сайт. Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) федерального значения. - URL: <https://alushta-adm.ru/uploads/images/Перечень-объектов-культурного-наследия.pdf> (дата обращения 01.02.2021 г.)

9. С. Перепелица. «Алушта. Исторический очерк». Электр. ресурс. - URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/alushta-istoricheskiy-ocherk.html> (дата обращения 15.01.2021 г.)

10. А.В. Мальгин. Русская Ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2016. С 130.

11. Штекер А.О. «Алушта и ее экскурсионный район». Электр.ресурс.– URL:<http://www.krimoved-library.ru/books/alushta-i-ee-ekskursionniy-rayon.html> (дата обращения 11.03.2021 г.)

12. Социально-экономический паспорт муниципального образования городской округ Алушта по состоянию на 01.10.2020 год. Правительство Республики Крым: официальный сайт. – URL: <https://alushta.rk.gov.ru/document/show/4204> (дата обращения: 10.01.2021)

13. Проект генерального плана городского округа Алушта Республика Крым. Правительство Республики Крым: официальный сайт. – URL: https://alushta.rk.gov.ru/uploads/alushta/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpbKELhO_5.pdf (дата обращения: 10.01.2021)

14. Культурное наследие. Муниципальное образование городской округ Алушта: официальный сайт. – URL: <https://alushta-adm.ru/post/kulturnoe-nasledie> (дата обращения: 15.01.2021)

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF BOLSHAYA ALUSHTA AND OVERCOMING THE FACTOR OF SEASONALITY OF TOURISM IN THE REGION

Ivanova Lilia Fatykhovna,

Ph.D of Pedagogic,

Associate Professor

at the Department of Tourism and Hotel Business,

Moscow University for the Humanities,

Moscow, Yunosti str., 5, 111395.

E-mail: lili.ivan@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to assessing the historical and cultural heritage of the Bolshaya Alushta urban district of the Republic of Crimea and solving the problems of overcoming the seasonality factor of tourism in the region. Given the increased tourist burden on Alushta in the summer months, the main development priority should be the development of measures to expand the range of off-season programs for travelers who offer acquaintance with the wealth of natural, cultural and archeological monuments.

Keywords

Tourism, resort, cultural tourism, cultural heritage, Republic of Crimea, Bolshaya Alushta.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
  - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4. ....

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.
Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 01.06.2021. Формат 60x90 1/8. Тираж 500 экз.
Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.
Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>
<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /
E-mail: knaros@yandex.ru